В. Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В.Г.БЕЛИНСКОГО

Виссарион Григорьевич
БЕЛИНСКИЙ

В. Е. ИЛЛЕРИЦКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Г. БЕЛИНСКОГО

1953

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Виссарион Григорьевич Белинский занимает почётное место в ряду выдающихся революционных деятелей, патриотов и мыслителей великого русского народа. Он принадлежит к замечательным представителям революционной России, славная и героическая история которой, как указывает И. В. Сталин, вселяет «в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса» [1].

Белинскому довелось жить, работать, бороться в период господства самодержавно-крепостнических порядков в России, в период злейшей николаевской реакции. В этих тяжёлых условиях он воспринял традиции своих революционных предшественников — Радищева и декабристов, обогатил эти традиции и развил их дальше, выступив учителем Чернышевского и Добролюбова, разработавших программу крестьянской революции. Деятельность великих представителей революционной России свидетельствовала о неиссякаемой творческой энергии русского народа, искоренить которую была не в силах самодержавно-крепостническая реакционная Россия.

Горячая любовь к народу и страстная ненависть к его угнетателям, неустанная борьба за освобождение народ-

---

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 25.

ных масс от самодержавно-крепостнического гнёта и непоколебимая уверенность в революционных силах народа, вера в торжество демократических идеалов — таковы основные черты, присущие Белинскому как борцу и революционеру, как носителю благороднейших черт русской нации. Свою полную творческого горения жизнь Белинский отдал борьбе за раскрепощение русского народа, за создание свободной России. Кипучую энергию революционера-трибуна он направил на беспощадную борьбу против всяких реакционных теорий, оправдывавших порабощение народа, на пропаганду передовых идей, на воспитание нового поколения деятелей русского освободительного движения.

Историческое развитие России, ход классовой борьбы, интересы трудящихся масс выдвигали задачу революционного преобразования страны, уничтожения крепостничества и всех его порождений в социальной и политической жизни. Для обоснования революционной программы нужна была революционная теория. «...Примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века,— писал В. И. Ленин, — передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории...» [1]. Таким образом, истоки революционной программы и поисков революционной теории лежали в условиях русской общественной жизни, в тех объективных задачах, которые выдвигались развитием классовой борьбы.

Белинский вместе с Герценом был зачинателем героических исканий правильной революционной теории в России, и в этом заключается его великая историческая заслуга. Задача выработки революционного мировоззрения требовала критического пересмотра всех важнейших достижений в различных областях науки того времени. Эту задачу, поставленную самой жизнью, с позиций революционного демократизма начал осуществлять Белинский, что нашло выражение во всей его творческой деятельности.

В Белинском поразительно сочетались замечательные дарования. Он был гениальным литературным критиком, основоположником реалистической эстетики, блестящим

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 31, стр. 9.

публицистом, одним из корифеев русской материалистической философии, проницательным социологом и выдающимся историком. «Белинский,— по справедливому замечанию Н. Г. Чернышевского,— будучи значительнейшим из всех наших критиков, был и одним из замечательнейших наших учёных» [1]. Многосторонняя, поистине энциклопедическая, новаторская деятельность Белинского не имела ничего общего с деятельностью универсально одарённого кабинетного учёного. Она вся была пронизана революционной целеустремлённостью и подчинена решению коренных вопросов русской общественной жизни.

Белинский выступил гениальным основоположником революционно-демократической идеологии в России. Его выдающиеся достижения в обогащений демократической культуры русского народа вошли в качестве творчески освоенных и развитых на научной основе марксизма-ленинизма элементов в социалистическую культуру и являются драгоценнейшим достоянием всех народов нашей советской Родины.

В. И. Ленин и И. В. Сталин учат бережно и внимательно относиться к наследству и опыту предшествующих поколений русских революционеров, по-марксистски использовать этот опыт для революционной борьбы пролетариата, для создания социалистической культуры.

В. И. Ленин и И. В. Сталин дали высокую и всестороннюю, научно обоснованную оценку деятельности революционера-демократа Белинского. В. И. Ленин определил его место в истории освободительного движения в России, указав, что «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами... был еще при крепостном праве В. Г. Белинский» [2]. Это ленинское определение объясняет историческое значение деятельности Белинского, а также причины, обусловившие сложность процесса становления и развития его мировоззрения. В. И. Ленин решительно разоблачил идеологов контрреволюционной буржуазии — так называемых «веховцев», которые, оплёвывая демократические традиции русского освободительного движения, стремились представить Белинского и других революцио-

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 277.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 223.

неров-демократов как «идеологов интеллигенции», якобы оторванных от народных масс. Он со всей силой подчеркнул, что настроение крепостных крестьян, протест и борьба народных масс против крепостничества были той классовой базой, которая порождала революционно-демократическую идеологию. В. И. Ленин показал, что Белинский в «Письме к Гоголю» выразил коренные интересы народных масс, сокровенные чаяния и настроения крепостных крестьян [1]. В. И. Ленин в 1914 г. дал высокую оценку «Письму к Гоголю», назвав это произведение Белинского «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» [2].

Таким образом, В. И. Ленин показал, что Белинский занимает своеобразное положение как деятель, выступивший на рубеже двух периодов в истории русского освободительного движения и явившийся зачинателем революционно-демократической идеологии, призванной обосновать программу крестьянской революции в России. Вместе с тем Белинский наряду с Герценом и Чернышевским рассматривался В. И. Лениным в качестве предшественника русской революционной социал-демократии [3]. Так В. И. Ленин определил связь великих русских революционных демократов с пролетарским этапом освободительного движения, когда «борьба рабочих открывает собою новую эпоху русской истории...» [4]. Ленинский анализ является прочной методологической основой для плодотворного научного изучения всех сторон идеологии и деятельности Белинского.

Великий вождь и учитель советского народа и всего прогрессивного человечества, творец всех наших побед И. В. Сталин в день 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции говорил о «великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..» [5], по достоинству оце-

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 16, стр. 108.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 223—224.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т 5, стр. 342.

[4] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 91.

[5] *И. В. Сталин,* О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1952, стр. 30.

нив выдающуюся роль Белинского в истории русского народа.

С. М. Киров в 1911 г. в статье «Великий искатель» ярко осветил напряжённые и страстные искания великим русским демократом правильной революционной теории. Выдающийся деятель большевистской партии С. М. Киров с особой силой подчеркнул, что Белинский «весь протест против окружающей «гнусной действительности» и всё величие своего гения устремил к отысканию истины». Дав глубокую и вдохновенную характеристику сложного процесса развития мировоззрения Белинского, настойчиво преодолевавшего свои временные заблуждения, С. М. Киров высоко оценил его роль в развитии передовой общественной мысли в России. С. М. Киров называл Белинского «Моисеем русской общественной мысли, который вывел её из тёмных лабиринтов голой абстракции на торную дорогу реализма», «предтечей современного научного миросозерцания» [1].

М. И. Калинин подчёркивал исключительное значение Белинского, Чернышевского и Добролюбова как идейных вождей передовых людей своего времени, как деятелей, которые поднимали их «гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию» [2].

А. А. Жданов в своём докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» указывал: «Известно, что ленинизм воплотил в себе все лучшие традиции русских революционеров-демократов XIX века и что наша советская культура возникла, развилась и достигла расцвета на базе критически переработанного культурного наследства прошлого... Наша партия устами Ленина и Сталина неоднократно признавала огромное значение великих русских революционно-демократических писателей и критиков — Белинского, Добролюбова, Чернышевского...» [3].

Советскому народу близок и дорог Белинский — страстный революционный борец с самодержавием и крепостничеством, один из идейных предшественников

---

[1] «Литературная газета» от 1 декабря 1939 г.

[2] *М. И. Калинин,* О моральном облике нашего народа, Госполитиздат, 1947, стр. 8.

[3] *А. А. Жданов,* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 17—18.

марксизма в России, великий деятель демократической культуры, пламенный патриот. Белинский глубоко и непоколебимо верил в творческие силы великого русского народа, в его прогрессивную роль в мировой истории и с горячей любовью и гордой уверенностью пророчески писал в 1840 г., что через 100 лет, в 1940 г., новая, свободная Россия будет стоять во главе всего прогрессивного человечества [1].

Русский рабочий класс, вооружённый идеями марксизма-ленинизма и возглавляемый великой партией Ленина — Сталина, осуществил самые смелые мечты Белинского, уничтожив помещичье-буржуазный строй и создав свободное и могучее социалистическое государство. Советский народ, успешно строящий коммунизм и возглавляющий лагерь мира, демократии и социализма, воплотил, развил и обогатил лучшие традиции Белинского в своей социалистической культуре, ставшей вдохновляющим образцом и примером для трудящихся всех стран и всего прогрессивного человечества.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, И. В. Сталина, решениями ЦК партии по идеологическим вопросам, советские учёные добились заметных успехов в изучении мировоззрения и деятельности Белинского. Однако некоторые стороны мировоззрения Белинского ещё не привлекли должного внимания исследователей, в частности исторические взгляды великого русского революционера-демократа.

Буржуазная историография извращала и фальсифицировала историю русской исторической науки, замазывала классовую борьбу в области идеологии, сознательно игнорировала революционную линию и традицию в русской историографии. Значение исторических взглядов Радищева, декабристов, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова в развитии исторической науки отрицалось обычно под тем формально «академическим» предлогом, что они будто бы не являлись историками-специалистами. Эта «наукообразная» клевета дипломированных прислужников буржуазии нужна была им для того, чтобы скрыть

---

[1] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 224. Цитаты из произведений В. Г. Белинского приводятся по Полному собранию сочинений — томы I—XI (1900—1917 гг.), том XII (1926 г.), том XIII (1948 г.).

тот очевидный факт, что в 40—60-х годах XIX в. передовые исторические взгляды разрабатывались и проповедовались не в Академии наук и не в университетах, а главным образом на страницах передовых журналов того времени такими гениальными революционными мыслителями, как Белинский, Герцен, Чернышевский и Добролюбов.

Разоблачение ложных реакционных схем и концепций развития русской исторической науки и создание марксистско-ленинской историографии является важной и очередной задачей советских историков. Для успешного выполнения этой задачи необходимо до конца преодолеть влияние буржуазной историографии, сказывавшееся в работах некоторых советских историков. Так, автор книги «Русская историография», изданной в 1941 г., Н. Л. Рубинштейн в числе многих установок буржуазной историографии разделил и её игнорирование взглядов представителей русской революционной исторической мысли. В его книге нет ни слова об исторических взглядах Радищева, декабристов, Белинского, Герцена. Исторические взгляды Чернышевского и Добролюбова Н. Л. Рубинштейн охарактеризовал поверхностно и извращённо, утверждая, что революционные демократы не разработали самостоятельной исторической концепции.

Одной из основных задач советских историков является изучение революционной исторической мысли в России. Марксистско-ленинское освещение развития русской исторической науки невозможно без разработки этой важной проблемы. В связи с указанной задачей большое значение приобретает изучение исторических взглядов революционных демократов.

Для правильного понимания теоретических основ исторических взглядов революционных демократов необходимо изучить их философские и особенно социологические воззрения.

Первоначальная попытка освещения с марксистских позиций социологических воззрений русских революционных демократов, в частности Белинского, была осуществлена Г. В. Плехановым. Он считал Белинского замечательным мыслителем, обладавшим «чутьём гениального социолога» [1]. Но эта безусловно верная оценка не полу-

---

[1] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XXIII, стр. 167.

чила, к сожалению, у Плеханова правильного раскрытия. Он, например, утверждал, что Белинский оставался диалектиком, поскольку «дело касалось общественного развития Западной Европы», и становился просветителем «в тех случаях, когда у него заходила речь о развитии России» [1]. С этим утверждением Плеханова нельзя согласиться. Оно вытекает из непонимания им классового существа русского революционного просветительства, его своеобразия сравнительно с западноевропейским. Плеханов не понимал того решающего обстоятельства, что русские революционные демократы — и среди них Белинский — выступали выразителями чаяний и настроений угнетённых народных масс, защитниками интересов крестьянства России в его борьбе против крепостнического гнёта и что именно поэтому они уделяли исключительное внимание революционной теории, в частности уяснению процесса исторического развития России и определению её будущего.

Непонимание столь важных вопросов приводило Плеханова к извращениям в оценке социальных и идейных истоков мировоззрения революционных демократов, к затушёвыванию классовой сущности их идеологии, к отрицанию её самостоятельности и к изображению великих русских мыслителей в качестве послушных учеников западноевропейских, главным образом немецких, философов. Так Белинский по схеме Плеханова являлся будто бы сначала последователем Шеллинга, затем Фихте и Гегеля и, наконец, Фейербаха. Эти ложные меньшевистские установки Плеханова должны быть решительно отвергнуты советскими исследователями. Однако в ряде работ, посвящённых изучению мировоззрения Белинского, ещё заметно влияние ошибочных взглядов Г. В. Плеханова на деятельность революционных демократов. К числу таких работ относится, например, книга П. И. Лебедева-Полянского «В. Г. Белинский» (1945 г.).

В 1948 г. была издана работа В. Г. Баскакова «Социологические воззрения В. Г. Белинского». Автор собрал и обобщил значительный материал, подверг критике ошибки Плеханова, обнаружив стремление показать самостоятельность и оригинальность социологических взглядов Белинского, но допустил при этом и некоторые суще-

[1] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XXIII, стр. 208.

ственные ошибки в освещении взглядов великого русского революционного демократа, справедливо подвергнутые критике в партийной печати. Баскаков «пытается втиснуть великого Белинского в узкие рамки кружковых споров между славянофилами и западниками», не понимая, «что водораздел в общественном движении сороковых годов прошёл по другой линии, что в русском обществе обозначилось размежевание между революционными демократами и крепостнически-либеральным лагерем»[1].

Необходимость изучения социологических взглядов Белинского для уяснения теоретических основ его исторической концепции несомненна, но задача исследования последней имеет вместе с тем самостоятельное значение.

Великие русские революционеры-демократы, выступавшие с развёрнутой и теоретически обоснованной политической программой защиты интересов крепостного крестьянства, глубоко разрабатывали вопросы истории России и всеобщей истории. Исторические воззрения революционных демократов были неразрывно связаны с социально-политическими взглядами и другими сторонами их многогранного и единого в своей революционной устремлённости мировоззрения. Эти взгляды развивались и углублялись в условиях обострения классовой борьбы в России между закрепощённым крестьянством и помещиками, в процессе напряжённой борьбы революционной демократии со всеми враждебными ей общественно-политическими течениями и теориями. История как наука всегда служила острым идеологическим оружием в общественно-политической борьбе. Поэтому вполне понятно обращение великих русских революционных демократов к истории. Обосновывая идеологию революционного демократизма, Белинский, Чернышевский и Добролюбов тем самым разрабатывали методологические принципы нового, революционно-демократического направления в русской историографии.

Настойчиво пытаясь раскрыть закономерности исторического процесса, неодолимость прогрессивного общественного развития, русские революционные демократы черпали в изучении истории непоколебимую уверенность в торжестве нового над старым, сил прогресса над реак-

[1] Редакционная статья «О В. Г. Белинском», «Культура и жизнь» № 17 (72) от 20 июня 1948 г.

цией, веру в освобождение народных масс от господства угнетателей. Глубокое познание истории являлось для них одним из источников патриотизма и исторического оптимизма, было средством обоснования революционных устремлений. Революционные демократы обогащали историческую науку передовыми идеями, ломали отсталые традиции и нормы дворянско-буржуазной историографии, были предшественниками марксистско-ленинской исторической науки в России.

Для революционных демократов характерен глубокий историзм в подходе ко всем общественным явлениям. В статьях на исторические темы, в пространных исторических экскурсах, содержавшихся в публицистических, литературно-критических, философских и экономических произведениях, в многочисленных и исключительно ценных рецензиях на исторические труды, сборники исторических материалов, учебные пособия по истории, в дневниках и переписке Белинский и другие революционные демократы оставили замечательные по своей глубине оценки важнейших этапов истории человечества, особенно истории России, которые раскрывают самостоятельное понимание ими закономерностей исторического процесса, движущих сил истории и задач исторической науки.

Сила (а не слабость, как лживо утверждали буржуазные историки) великих русских революционеров-демократов, выступавших носителями передовых идей в исторической науке, проявлялась и в том, что они разрабатывали и излагали свои исторические воззрения не в специальных трактатах, доступных узкому кругу читателей, а главным образом в журнальных статьях и рецензиях, получавших массовое по тому времени распространение. Пропаганда передовых исторических воззрений была сильным идейным оружием в арсенале Белинского и его преемников. Она служила делу политического просвещения и мобилизации революционной энергии лучших представителей русского народа, служила великому делу подготовки революции.

Оценки и характеристики исторических явлений, отдельных событий и исторических деятелей, даваемые русскими революционными демократами, в своей совокупности составляют определённую систему исторических воззрений, революционно-демократическую историческую концепцию. Эта концепция знаменовала новый этап в раз-

витии революционной исторической мысли в России сравнительно с историческими взглядами Радищева и декабристов и одновременно являлась наивысшей ступенью в развитии домарксовой исторической мысли во всём мире.

Революционные демократы создали глубоко прогрессивное направление в русской историографии середины XIX в. Это направление, принципиально противостоявшее классово враждебной дворянско-буржуазной историографии, развивалось в постоянной борьбе с последней. В разоблачении реакционных и антинаучных «теорий» дворянских и буржуазных историков русские революционные демократы усматривали одно из важнейших условий развития прогрессивной исторической науки в России.

Давая самостоятельное истолкование прошлому, революционные демократы не только опровергали догматы и концепции дворянско-буржуазной исторической науки, подрывали авторитет её представителей и тем самым разоблачали идеологию господствующих классов, но вместе с тем они делали революционные выводы из своего изучения истории, используя их для теоретического обоснования своей политической программы.

Ф. Энгельс высоко оценил исторические воззрения великих русских революционеров-демократов. Имея в виду Белинского, Чернышевского, Добролюбова и их последователей, он писал в 1884 г. русской эмигрантке Е. Паприц об «исторической и критической школе в русской литературе, которая стоит бесконечно выше того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой» [1], подчеркнув тем самым мировое значение достижений великих русских мыслителей-революционеров в развитии передовой исторической науки своего времени.

Революционные демократы не могли в силу определённых исторических условий преодолеть идеализм в понимании общественного развития и выработать материалистическое понимание истории. Только с возникновением марксизма, совершившего величайшую революцию в общественных науках, могла появиться подлинная историческая наука. Только вожди мирового пролетариата Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин могли создать великую науку, позволяющую глубоко и всесторонне анализиро-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XXVII, стр. 389.

вать прошлое и настоящее, а также предвидеть будущее. Эта наука — марксизм, «наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетённых и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества» [1].

Величие революционных демократов заключается в том, что созданная ими историческая концепция носила действенный революционный характер, она являлась передовой для своего времени и носила на себе следы их страстных исканий правильной революционной теории, что обусловило выдвижение великими мыслителями-демократами гениальных материалистических догадок в области истории. Историческая концепция великих русских демократов явилась большим завоеванием русской революционной мысли 40—60-х годов XIX в. Для правильного понимания подлинного значения этой концепции, как и деятельности революционных демократов в целом, необходимо помнить следующее указание В. И. Ленина: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками» [2].

Великие русские революционеры-демократы творчески разрабатывали важнейшие исторические проблемы, самая постановка которых составляла их крупнейшую заслугу. Они не могли их разрешить последовательно научно, но тем не менее сумели высоко подняться над уровнем современной им русской и западноевропейской дворянско-буржуазной историографии и в некоторых случаях предвосхитить научное разрешение ряда поднятых ими вопросов марксистско-ленинской историографией. В этом смысле к великим русским мыслителям-демократам с полным правом можно отнести слова Ф. Энгельса о деятелях, которые «гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно» [3].

---

[1] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 54—55.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 166.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, 1948, стр. 604.

Великий вождь и учитель советского народа и всего прогрессивного человечества И. В. Сталин в своём гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» вновь призвал советских учёных к решительной критике всех антимарксистских извращений в общественных науках и к творческому дерзанию в постановке и разрешении новых научных проблем, обогащающих и двигающих вперёд советскую науку. Одной из важных проблем, подлежащих изучению советскими историками, является освещение развития революционной исторической мысли в России и критика буржуазных извращений в этом важном вопросе.

Неотложная и почётная задача советских историков заключается в особенности в том, чтобы тщательно изучить историческую концепцию, разработанную великими русскими революционными демократами, раскрыв тем самым яркую страницу истории революционной исторической мысли в России. Вклад великих мыслителей-революционеров, предшественников марксизма в России, в демократическую культуру русского народа, сделанный ими на поприще исторической науки, должен быть глубоко исследован и всесторонне освещён.

Реализация этой задачи имеет не только научное, но и важное политическое значение. Сильные стороны исторических взглядов великих русских демократов, обусловленные их революционным демократизмом и патриотизмом, не утратили своего значения и в наши дни. Они помогают воспитывать у советских людей патриотизм, революционную национальную гордость. Глубокие и содержательные оценки революционными демократами событий истории русского народа, а также и всеобщей истории должны использоваться в исследованиях, учебных пособиях, лекционных курсах, в пропагандистской работе. Они сохраняют своё значение и силу в современной борьбе советской исторической науки против тлетворной и человеконенавистнической реакционной буржуазной лженауки. Всё это с особенной настоятельностью выдвигает задачу изучения исторической концепции великих русских революционеров-демократов.

Белинский разработал основы революционно-демократической концепции исторического процесса. Поэтому изучение его исторических взглядов должно являться

исходным моментом в изучении развития русской революционно-демократической исторической мысли. Задача исследования исторических взглядов Белинского выдвигается как необходимостью всестороннего изучения наследия и деятельности замечательного русского учёного-патриота, мыслителя-революционера, так и назревшей потребностью создания отечественной историографии, разработанной с марксистско-ленинских методологических позиций. В этой историографии Белинский и его великие преемники Чернышевский и Добролюбов должны занять принадлежащее им по праву почётное место.

Предлагаемая вниманию читателей работа является попыткой изучения исторических взглядов Белинского. Автор отдаёт себе отчёт в том, что их всестороннее освещение может быть результатом только коллективных усилий советских историков. Поэтому в работе освещены лишь те вопросы, которые представляются автору наиболее важными и требующими первоочерёдного изучения. При этом основное внимание обращается на характеристику исторических взглядов Белинского периода 40-х годов XIX в.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Основы исторической концепции русской революционной демократии были разработаны Белинским в 40-х годах XIX в. Однако, прежде чем перейти к характеристике этого важнейшего периода в развитии исторических взглядов великого русского революционера-демократа, необходимо хотя бы в самых общих чертах раскрыть процесс их формирования, являвшийся органической частью общего процесса становления революционно-демократического мировоззрения Белинского.

Белинский прошёл путь сложного идейно-политического развития, путь напряжённых и страстных исканий правильной революционной теории. «От юношеской трагедии «Дмитрий Калинин»,— писал С. М. Киров,— до предсмертных писем его всё проникнуто этим пылким исканием» [1].

В развитии общественно-политических воззрений Белинского можно различать два важнейших этапа: этап просветительства с явно выраженным антикрепостническим содержанием, в 30-х годах прошлого века, и этап революционно-демократический, с начала 40-х годов и до конца жизни великого революционного демократа. Такая

[1] *С. М. Киров,* Великий искатель, «Литературная газета» от 1 декабря 1939 г.

периодизация при всей своей условности и относительности (зародыши и элементы революционно-демократических идей легко обнаружить у Белинского и в 30-х годах) достаточно определённо отражает качественный перелом в идейно-политическом развитии Белинского, обусловленный главным образом и в первую очередь всем ходом русского исторического процесса.

Ленинское определение места Белинского в русском освободительном движении как предшественника полного вытеснения дворян разночинцами глубоко характеризует сущность социально-политической обстановки, в которой протекало развитие мировоззрения Белинского, а также идейные истоки данного процесса. Социально-политическое развитие России в 30—40-х годах прошлого века ещё только подготовляло условия для массового появления разночинной интеллигенции на арене общественной жизни. Идеи, традиции и опыт декабристского движения, оказавшего могучее влияние на новое поколение русских революционеров, требовали критического изучения и творческого освоения на основе учёта новых особенностей исторической обстановки в России.

Белинский ещё в начале 30-х годов воспринял основное в наследстве Радищева и декабристов — антикрепостническую сущность их взглядов. Однако в тот период Белинский, оставаясь просветителем, полагал, что освобождение крестьян от крепостничества может быть достигнуто путём распространения просвещения в народных массах.

В 40-х годах XIX в. усилилась борьба крестьянских масс за освобождение от крепостного права, что обусловило рост освободительного демократического движения против крепостничества и самодержавия. Идейным вдохновителем этого движения выступил Белинский, который в этот период, чутко отражая настроения крепостных крестьян, отправляясь от уроков декабристского движения, а также критически учитывая революционный опыт Западной Европы, становится революционным демократом и начинает обосновывать необходимость революционного уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России.

Основой идейно-политического развития Белинского являлись, таким образом, социально-политические процессы, протекавшие в России в 30—40-х годах прошлого века. Углубление классовой борьбы крестьян против

помещиков, творческое освоение традиций русского освободительного движения — таковы социальные и идейные истоки глубоко органического и потому вполне самостоятельного процесса развития мировоззрения великого русского демократа. Итоги исканий им революционной теории не только свидетельствовали о гениальной одарённости мыслителя-революционера, но и отразили собой подъём русского освободительного движения.

Исторические взгляды Белинского формировались и развивались под решающим воздействием процесса развития его политических воззрений. В поисках правильной революционной теории обращение к истории и в первую очередь к отечественной истории, постановка и решение важнейших проблем исторического процесса занимали важное место в творчестве Белинского на протяжении всей его деятельности. Уже в 30-х годах Белинский поставил и попытался решить некоторые важные вопросы русской и всеобщей истории. В этот период в его воззрениях обозначилась тенденция к революционно-демократическому освещению исторических явлений, но определённая система понимания истории с революционно-демократических позиций была выработана Белинским в 40-х годах. При этом исторические взгляды Белинского 30-х годов явились в значительной степени исходной позицией для последующей разработки им основ революционно-демократической исторической концепции.

Живой интерес к истории и особенно к величественным событиям Отечественной войны 1812 г. Белинский обнаружил ещё в детские годы. Участником этой войны был отец Белинского. Рассказы отца и других очевидцев и участников войны произвели глубокое впечатление на пытливый детский ум будущего гениального мыслителя и явились для него первыми уроками из отечественной истории. Белинский вспоминал впоследствии: «Мы, юноши нынешнего века, мы, бывши младенцами, слышали от матерей наших не об Измаиле, не о Кагуле, не о Рымнике, а об двенадцатом годе, о Бородинской битве, о сожжении Москвы, о взятии Парижа» [1].

Изучение истории родной страны питало патриотические чувства юного Белинского. Ещё в годы обучения в

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 339.

Чембарском уездном училище история стала его любимым предметом. Очень скоро, почувствовав неудовлетворённость школьным преподаванием истории, Белинский обратился к художественной литературе и сочинениям по русской и всеобщей истории. Он жадно читал произведения Ломоносова, Державина, Жуковского, уделявших большое внимание исторической тематике. На юного Белинского оказала влияние и патриотическая поэзия поэта-декабриста Кондратия Рылеева. Читая журнал «Полярная звезда», он делал обширные выписки из наиболее понравившихся ему произведений. «Думы» Рылеева возбуждали у Белинского чувство восхищения славными подвигами русского народа. Особенно значительное влияние на развитие исторических интересов Белинского оказало творчество гениального русского поэта А. С. Пушкина.

Знание фактического материала по истории России и других стран Белинский черпал из чтения передового журнала 20—30-х годов — «Московского телеграфа» Н. Полевого, на страницах которого освещались достижения русской и западноевропейской исторической науки, печатались рецензии на вновь выходившие исторические труды. Широкий круг самостоятельного чтения обеспечил Белинскому значительный запас исторических познаний ещё в юношеские годы его жизни.

События 1812 г., насыщенная декабристскими идеями передовая русская литература, прежде всего произведения Пушкина, сыграли большую роль в процессе формирования как исторических, так и политических воззрений Белинского. Повышенный интерес Белинского к истории, проявленный им ещё в юности, не только не отвлекал его от наблюдений над окружающей жизнью, но и позволял глубже раскрывать её противоречия. Сочувствие к порабощённым и эксплуатируемым крестьянам, ненависть к их угнетателям-крепостникам, отвращение к духовной нищете и косности помещичье-чиновничьей среды придавали демократическую направленность патриотическим чувствам юного Белинского, пробуждённым изучением отечественной истории.

Значительным этапом в развитии мировоззрения Белинского, следовательно и его исторических взглядов, яв-

лялся десятилетний московский период его жизни (1829—1839 гг.). В период декабризма «руководство политическим движением принадлежало почти исключительно офицерам, и именно дворянским офицерам»[1]. В 30-х годах главным очагом общественного движения становится Москва и в первую очередь Московский университет с его студенческими кружками и их кипучей идейной жизнью. Именно в эти годы Белинский выдвигается в первые ряды прогрессивных общественных деятелей и затем постепенно вырабатывает, преодолевая все трудности и временные заблуждения, самое передовое для того времени мировоззрение.

Древняя столица русского народа пробуждала воспоминания о героических страницах его истории. «Нигде сердце русского не бьётся так сильно, так радостно, как в Москве,— писал юный патриот в «Журнале моей поездки в Москву...».— Я не могу истолковать себе тех чувств, которые возбуждаются во мне при взгляде на Кремль»[2]. Памятник Минину и Пожарскому навеял на Белинского чувство восхищения подвигом национальных героев. Москва представлялась ему замечательным памятником многовековой истории великого русского народа.

Не столько официальное университетское преподавание, сколько жадное чтение литературы обширной университетской библиотеки, живой обмен мнениями с лучшими представителями университетской молодёжи содействовали интенсивному общему развитию будущего революционера-демократа, а также формированию его исторических взглядов.

Яркую и верную картину университетской жизни тех годов дал в своих воспоминаниях А. И. Герцен —современник и друг Белинского. В «опальный университет», который возненавидел Николай I, «вливались юные силы России», свято хранившие традиции декабристов и мечтавшие о великом патриотическом деле освобождения своего народа. «Мы были уверены,— писал Герцен,— что из этой

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 23, стр. 237.

[2] *В. Г. Белинский,* Письма, под ред. Ляцкого, СПБ. 1914, т. I, стр. 18. В дальнейшем письма Белинского цитируются по указанному изданию (т. I—III).

аудитории выйдет та фаланга, которая пойдёт вслед за Пестелем и Рылеевым, и что мы будем в ней»[1].

Отечественная война 1812 г., падение империи Наполеона в Европе в результате победоносного завершения войны русской армией и её заграничного похода, убедительно продемонстрировавшие перед всем миром неодолимое могущество русского народа и превосходство русского военного искусства над западноевропейским, необычайно высоко подняли национальное самосознание русского народа. Герцен справедливо указывал, что после кровавого крещения Отечественной войны 1812 г. «вся Россия вошла в новую фазу»[2]. Героический подвиг декабристов, впервые выступивших с оружием в руках против самодержавия и крепостничества, положил начало русскому революционному движению. Дворянские революционеры своим мужественным примером открытого восстания против самодержавия вооружили опытом последующее освободительное движение в России.

Важнейшие события истории России первой четверти XIX в.— победоносный исход Отечественной войны и восстание декабристов необычайно остро выдвинули вопрос о характере и особенностях русской истории, о роли народа в историческом процессе. В результате этого заметно усилился интерес к отечественной истории и поднялось общественно-политическое значение исторической науки. Развитие исторической науки протекало в борьбе между прогрессивным и реакционным направлениями. Деятели освободительного движения стремились учесть уроки истории и использовать их в борьбе за освобождение русского народа. Реакционеры занялись усиленной фальсификацией истории в угоду своим классовым интересам и в целях укрепления самодержавно-помещичьего строя.

Не случайно после поражения восстания декабристов оформилась и старательно распространялась правительством теория «официальной народности». Усилиями Уварова, Погодина, Шевырёва, Булгарина, Греча, Кукольника и многих других верных слуг самодержавия эта теория превратилась в идеологическое оружие реакции. Она

---

[1] *А. И Герцен,* Полное собрание сочинений, под ред. М. К. Лемке, т. XII, стр. 108.

[2] *А. И. Герцен,* Соч., т. VI, стр. 347.

легла в основу насильственного удушения подлинного просвещения и передовой науки в России, проповедовалась тысячами священников с амвонов русских церквей, распространялась реакционной прессой, популяризировалась в художественной литературе, разрабатывалась наёмными и добровольными деятелями охранительной публицистики, словом, утверждалась самыми разнообразными средствами. Реакционная идеология была направлена на обоснование и укрепление зверского царско-помещичьего николаевского режима, на предотвращение антикрепостнических выступлений крестьян, на разгром передового общественного движения. Вот почему поборники «официальной народности» проповедовали лживые, клеветнические утверждения о покорности, смирении, приверженности к религии и любви к царю как об исконных, неизменных якобы чувствах и качествах русского народа, исключающих возможность превращения его в революционную силу.

В реакционном извращении вопроса о национальных особенностях русского народа самое деятельное участие приняли представители официально-монархической историографии. В Московском университете теорию «официальной народности» проповедовали М. П. Погодин и С. П. Шевырёв. В соответствии с реакционным содержанием этой «теории» они также утверждали, что исконными национальными качествами русского народа являются не свободолюбие и ненависть к угнетателям, а смирение, монархизм и религиозность. Погодин и Шевырёв, развивая реакционные воззрения своего идейного предшественника — дворянского историографа Н. М. Карамзина, противопоставляли «процветающую» под сенью самодержавия Россию «гниющему» Западу.

Для «доказательства» своих утверждений реакционные историки фальсифицировали историю России, игнорировали многовековую борьбу русского народа против угнетателей. Они проповедовали антинаучную и антипатриотическую норманскую «теорию» призвания варяжских князей, которые в их лживой схеме выступали основателями и создателями русского государства при добровольной покорности и смирении русского народа. В противоположность русскому государству западноевропейские государства возникли, по их мнению, в результате завоевания,

положившего начало классовой борьбе, которая рассматривалась Погодиным и Шевырёвым как глубоко отрицательное явление в истории Западной Европы. Все эти измышления призваны были исторически обосновать «незыблемость» самодержавия и крепостничества в России и «правомерность» политики злейшей реакции, которую проводил Николай I после поражения восстания декабристов. Таковы были направленность и содержание господствовавших в 30-х годах прошлого века взглядов представителей реакционной идеологии.

В условиях деспотического произвола самодержавия и душной атмосферы николаевской реакции отрицание какого-либо догмата официальной идеологии и тем более открытое выступление против этой идеологии требовали большого гражданского мужества от прогрессивно мыслящих людей и выражали протест против идейной и политической реакции. Выразителями такого протеста выступили в тот период участники кружков, объединявших в стенах Московского университета передовую часть студенческой молодёжи. Во главе этих кружков стояли Герцен, Огарёв, Белинский и Станкевич.

Изучение истории, в первую очередь отечественной, и самостоятельное её истолкование, чем занимались передовые представители студенческой молодёжи, приобретало в этих условиях важное общественно-политическое значение и становилось актом идейной борьбы против реакционной идеологии.

В развитии передовой исторической мысли в России Белинский одновременно с Герценом выступил продолжателем лучших традиций своих предшественников — Ломоносова, Радищева, декабристов и Пушкина. Развитие русской исторической науки проходило не в порядке «единого потока» и филиации идей западноевропейской историографии, как это изображали либерально-буржуазные фальсификаторы истории. Оно представляло собой сложный, противоречивый идеологический процесс, связанный с происходившими в России изменениями в базисе и надстройке, с развитием классовой борьбы и освободительного движения. Историческая наука была ареной идейной борьбы новых, прогрессивных сил с отжившими, реакционными силами феодально-крепостнического общества. Русская историческая мысль ко времени

Белинского и Герцена имела уже солидные прогрессивные традиции. Герцен отмечал «непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» [1] в истории русской общественной мысли. Эта преемственность передовых традиций характерна и для развития прогрессивной русской исторической мысли, представленной в XVIII — начале XIX в. Ломоносовым, Радищевым, декабристами и Пушкиным.

Ломоносов выдвинул глубокую мысль об историческом процессе как прогрессивном. Его вклад в историческую науку — вклад передового учёного своего времени и великого патриота. В отличие от дворянских историков, в частности его современника Татищева, великий русский учёный не сводил историю России к истории самодержавия. В своих исторических трудах Ломоносов стремился осветить судьбы народных масс. Выдающейся научной заслугой Ломоносова явилась его глубокая критика реакционной, так называемой норманской «теории» происхождения русского государства. Он выступил против клеветнических измышлений и вёл беспощадную борьбу с немецкими фальсификаторами истории России — Байером, Миллером, Шлецером. В своём основном историческом труде «Древняя Российская история» Ломоносов доказывал, что политическое и культурное развитие славян совершалось задолго до появления варягов на Руси, и первую часть труда назвал «Россия прежде Рюрика» [2].

Исторические воззрения Ломоносова были органически связаны с его прогрессивными общественно-политическими убеждениями, в основе которых лежала защита интересов России, с его деятельностью, направленной на быстрое развитие страны, укрепление её экономической и политической мощи, улучшение благосостояния народа и расцвет русской национальной культуры.

Мировоззрение Ломоносова и его исторические взгляды, будучи передовыми для своего времени, сыграли большую роль в развитии русской прогрессивной исторической мысли.

---

[1] *А. И. Герцен,* Соч., т. VIII, стр. 167.

[2] См. *Б. Д. Греков,* Ломоносов-историк, «Историк-марксист» № 11, 1940 г.

Радищев, выступивший преемником Ломоносова, обогатил его традиции и поднял их на качественно новую ступень. С Радищева открывается славная история революционной России. Начиная с Радищева развитие передовой русской исторической мысли неразрывно связывается с формированием и развитием революционной идеологии и русского освободительного движения.

А. Н. Радищев выступил родоначальником революционной исторической мысли в России, революционного направления в русской историографии. В истолковании исторического процесса он пошёл дальше Ломоносова, рассматривая борьбу нового со старым в качестве источника исторического развития. В соответствии с этим Радищев определял содержание исторического процесса, как борьбу двух враждебных начал: с одной стороны — стремления народов к свободе и вольности и с другой — стремления кучки угнетателей к господству над закрепощённым народом, к самовластью и тиранству.

Первый русский революционер отличался глубоким интересом к переломным и революционным периодам всеобщей истории. Взгляды Радищева на русскую историю имели антикрепостническую и антимонархическую направленность. Он, как и Ломоносов, отвергал реакционную норманскую «теорию».

Радищев решительно осуждал закрепощение крестьянства в России, осуществлённое помещиками и царизмом. Для Радищева был характерен напряжённый интерес к народным движениям в России, начиная с древнейших времён. Особенно привлекали его внимание антикрепостнические крестьянские движения Разина и Пугачёва [1]. Радищев впервые выдвинул идею народной революции как средства уничтожения самодержавно-крепостнического строя в России и этим был особенно близок революционному демократу Белинскому. Философские, социологические и исторические воззрения Радищева по своей теоретической глубине и революционному содержанию представляют собой высшую ступень в развитии общественно-политической мысли того времени.

---

[1] См. *Э. Виленская,* Исторические взгляды А. Н. Радищева, «Вопросы истории» № 9, 1949 г.

Продолжатель дела Радищева и декабристов, соратник Белинского, Герцен писал: «А. Радищев смотрит вперёд... его идеалы... это наши мечты, мечты декабристов... И что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце» [1].

Историческая концепция Радищева противостояла дворянско-аристократической концепции Щербатова, которая представляла собой попытку исторического обоснования прав дворянства на сохранение его экономического и политического господства в условиях роста крестьянского движения в стране, с такой силой проявившегося в период восстания под предводительством Пугачёва. Реакционность дворянской историографии ещё более определённо обнаружилась в концепции продолжателя Щербатова — Карамзина. Концепция Карамзина сложилась в условиях углубления кризиса феодально-крепостнической системы в России в начале XIX в. Она являлась реакцией не только на крестьянское антикрепостническое движение в России и формирование русской революционной идеологии, но и на буржуазную революцию во Франции конца XVIII в. Начиная с Радищева не официальная академическая и университетская историческая наука, а передовые деятели, связанные с освободительным движением, стали носителями прогрессивной исторической мысли в России.

Первыми критиками Карамзина и преемниками Радищева в развитии революционной исторической мысли в России были дворянские революционеры — декабристы, являвшиеся вместе с тем непосредственными предшественниками Белинского и Герцена. Декабристы выдвинули вслед за Радищевым глубоко прогрессивную задачу ликвидации самодержавия и крепостничества в России. Они дали историческое обоснование своей политической программе, подвергнув глубокой критике дворянскую историографию. Декабристы, как и Радищев, рассматривали исторический процесс как прогрессивный, развивающийся в результате борьбы нового со старым. Вслед за

---

[1] *А. И. Герцен,* Соч., т. IX, стр. 270—271.

своим революционным предшественником они проявляли глубокий интерес к революционным периодам всеобщей истории, но основное внимание уделяли изучению истории России и освещали её проблемы с революционно-патриотических позиций. Они также решительно осуждали сведение истории России к истории самодержавия. Именно в этом видел основной порок «Истории» Карамзина один из идеологов декабризма — Н. Муравьёв. Декабристы с патриотической гордостью и любовью относились к истории русского народа и высоко оценивали черты его национального характера. Декабристы вслед за Ломоносовым и Радищевым разоблачали реакционную норманскую «теорию», вскрывая при этом политическую сущность этой «теории», направленной к «выгодам правительства» (М. Лунин). Разоблачая реакционную теорию Карамзина о добровольном согласии крестьян на установление крепостнических отношений, декабристы доказывали, что крепостное право в России утвердилось в результате насилия над крестьянами помещиков, поддержанных самодержавной властью.

Декабристы высоко ценили патриотизм народных масс, свергших татарское иго, сохранивших национальную независимость России в героической борьбе с польско-шведскими захватчиками и наполеоновским нашествием. Выделяя из событий XVIII в. преобразования Петра I, как это делали Ломоносов и Радищев, декабристы указывали на их прогрессивное значение. Проницательно подчёркивая историческую подготовленность реформ Петра, они в то же время отмечали вслед за Радищевым, что эти реформы осуществлялись «на плечах народных» (декабрист А. Поджио). Декабристы осуждали антинациональную политику преемников Петра I и преклонение дворянских кругов перед иностранщиной, разоблачали крепостническую политику Екатерины II, срывая с неё лживую маску либерализма и «народолюбия». Дворянские революционеры подчёркивали всемирно-историческое значение Отечественной войны 1812 г., приведшей к сокрушению империи Наполеона и освобождению народов Европы от наполеоновского владычества. Декабристы отмечали огромное влияние Отечественной войны 1812 г. на развитие национального самосознания

русского народа, а в её последствиях справедливо видели истоки того движения, участниками которого они были [1].

Дворянская ограниченность революционности декабристов, которые были «страшно далеки... от народа» [2], не позволила им понять роли народных масс в истории, прогрессивного значения массовых крестьянских движений в России. Единомышленник декабристов великий русский поэт А. С. Пушкин, отправляясь от осмысления исторических уроков Отечественной войны 1812 г., в которой основную роль сыграли народные массы, а также от размышлений над причинами поражения дворянских революционеров 14 декабря 1825 г., не поддержанных народом, начал преодолевать ограниченность исторических воззрений декабристов и приближаться к пониманию роли народных масс, как главного двигателя истории. В позднейших произведениях Пушкина, в особенности в «Истории Пугачёва», проявился его особый интерес к крестьянским движениям и отмечена противоположность интересов крестьян и помещиков [3]. Тем самым в понимании крупнейшей исторической проблемы Пушкин явился непосредственным предшественником революционера-демократа Белинского, в основе исторической концепции которого лежит признание решающей роли народных масс в истории.

При всей исторически обусловленной ограниченности взглядов на историю Радищева, декабристов, Пушкина они содержали в себе такие характерные черты, как новаторство и теоретическая глубина в постановке коренных проблем общественного развития, истинный патриотизм, беспощадная борьба с реакционными теориями, обосновывавшими незыблемость крепостничества и самодержавия.

Эти лучшие традиции передовой исторической мысли в России начали в 30-х годах прошлого века восприни-

---

[1] См. *С. Волк,* Исторические взгляды декабристов, «Вопросы истории» № 12, 1950 г.

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 14.

[3] См. *Б. Д. Греков,* Исторические взгляды А. С. Пушкина, «Исторические записки» № 1, 1937 г.

мать и развивать представители прогрессивно мыслящей студенческой молодёжи — и среди них в первую очередь Белинский и Герцен. Вслед за декабристами Никитой Муравьёвым, Луниным, а также А. С. Пушкиным, подвергавшими критике монархическую концепцию Н. М. Карамзина, передовые студенты решительно разоблачали официальную историографию. Они выступали против казённо-монархического освещения истории, которое преподносилось им в университетских лекциях и «трудах» реакционных историков. В своей критике официальных историков прогрессивно мыслящие студенты шли значительно дальше представителей формировавшейся буржуазной историографии в России — М. Т. Каченовского и Н. А. Полевого. Последние в критике Карамзина и его последователей не затрагивали принципиальных положений официальной историографии, не выступали против исторического обоснования «прочности» самодержавно-крепостнических устоев в России. Каченовский и Полевой не были способны также создать самостоятельную, философски обоснованную историческую концепцию.

Представители передовой части студенческой молодёжи отвергали коренные принципы казённо-монархической историографии. По их справедливому мнению, вся история России и особенно крупнейшие исторические события последних десятилетий — Отечественная война 1812 г. и восстание декабристов — решительно разоблачали основной догмат официальных историков, согласно которому русский народ будто бы представляет собой покорную и пассивную массу, а историческое развитие страны определялось и определяется предначертаниями самодержавного правительства. Не ограничиваясь критикой официальной историографии, передовые студенты сделали попытку разработки самостоятельной исторической концепции. Среди этих студентов вскоре выдвинулся Белинский как самый непримиримый враг теории «официальной народности» во всех её проявлениях.

В годы пребывания в университете развитие мировоззрения Белинского получило яркую антикрепостническую направленность, что явилось прочной основой для последующего движения его к революционному демократизму. В 1830 г. Белинский написал антикрепостническую

по своему содержанию драму «Дмитрий Калинин», которая была одобрена литературным обществом «11-го нумера», состоявшим из студентов-разночинцев. Показ вопиющей несправедливости и тяжести крепостнических отношений, резкое осуждение помещичьего произвола и горячее сочувствие к угнетённым — таково содержание этого юношеского произведения Белинского. В центре внимания Белинского находился не абстрактный «человек вообще», как это было у французских просветителей, а крепостной крестьянин, страдающий от помещичьего произвола и начинающий ощущать несправедливость феодального строя. Молодой Белинский выступает в своём первом литературно-политическом произведении как продолжатель антикрепостнической традиции Радищева и декабристов.

Белинский, будучи исключённым (1832 г.) из университета фактически за свою драму, некоторое время посещал кружок студенческой молодёжи, группировавшейся вокруг Н. В. Станкевича. Для кружка Станкевича характерен преобладающий интерес к философским вопросам. Его участники, сочувствуя передовым общественным идеям того времени, однако, не встали на путь революционной деятельности. Белинский, участвуя в обмене мнениями между членами кружка, резко выделялся своими интересами и взглядами. Он уже тогда отличался демократической направленностью своих воззрений и стремлением связать философские вопросы с вопросами политическими, поставленными развитием русской общественной жизни.

В кружке Станкевича изучались исторические теории Гердера, Шеллинга, Гизо и Тьерри. Но основное внимание участники кружка уделяли изучению русской истории. Результатом этого изучения явились статьи студентов, помещённые в «Учёных записках Московского Университета» за 1833—1835 гг.: С. Строева «О пользе изучения российской истории в связи с всеобщею», Н. Станкевича «О причинах постепенного возвышения Москвы до смерти Ивана III», И. Беликова «Некоторые исследования о «Слове о полку Игореве»», Премышлевского «О времени переселения славян на берега Волхова» и Стрекалова «Об исторических трудах и заслугах Болтина».

Кружок Герцена и Огарёва, в отличие от кружка Станкевича, был революционным политическим кружком, участники которого считали себя преемниками и продолжателями дела декабристов. В этом кружке интерес к политическим вопросам и революционным идеям был неразрывно связан с глубоким интересом к истории и в первую очередь к истории России. Работы западноевропейских философов и историков критически воспринимались сквозь призму русских условий, усвоение их содержания непосредственно связывалось с размышлениями о своих, отечественных делах.

Герцен, вспоминая об увлечениях молодёжи 30-х годов, писал в «Былом и думáх»: «...Часть молодёжи... бросилась на глубокое и серьёзное изучение русской истории, другая — в изучение немецкой философии» [1]. Герцен справедливо указывал и на самую важную особенность этих увлечений: «Господствующая ось, около которой шла наша жизнь, это — *наше отношение к русскому народу, вера в него, любовь к нему*... и *желание деятельно участвовать в его судьбах»* [2]. Представители передовой молодёжи искали в истории ответа на вопросы о будущем России, о судьбах русского народа.

Особенно показательна для характеристики своеобразия исторических интересов передовой молодёжи 30-х годов статья «Взгляд на русскую историю», помещённая в журнале «Телескоп» в 1834 г. Эта статья, по мнению советского исследователя творчества М. Ю. Лермонтова Н. Л. Бродского, написана другом поэта — Андреем Закревским. Она представляла собой ответ на статью под тем же названием, принадлежавшую перу реакционного историка Погодина и напечатанную в июльском номере «Учёных записок Московского Университета» за 1833 г. В этой статье Погодин стремился обосновать свою излюбленную мысль о том, что историческое развитие России противоположно развитию Западной Европы. Погодин утверждал, что на Западе государства образовались в результате завоевания, Россия же не знала завоевания. Как сторонник антинаучной норманской «теории» Погодин повторял свои измышления о варягах, якобы добровольно

---

[1] *А. И. Герцен,* Соч., т. XII, стр. 151.
[2] *А. И. Герцен,* Соч., т. XVII, стр. 371—372.

призванных славянами, как основателях русского государства. Россия, по мнению Погодина, не знала феодализма, вместо которого была удельная система, усиление же монархической власти и создание единого русского государства было, по схеме Погодина, результатом монгольского владычества. Наконец, Погодин полагал, что «ни одна история не заключает столько чудесного (в смысле иррационального, необъяснимого.— *В. И.*), ...как российская».

Закревский последовательно разбивает эту ложную концепцию Погодина и других реакционных историков. Он решительно отвергает норманскую «теорию» происхождения русского государства, возражает против ложной оценки роли варягов в истории русского народа. Разоблачая реакционную теорию об «особых», «самобытных» путях развития России, теорию, которая по существу прикрывала антипатриотическую идейку о неспособности русского народа к самостоятельному историческому творчеству, Закревский выступал сторонником истолкования русского исторического процесса как национально-самостоятельного, выявляющего творческие силы русского народа. «Дикая шайка определяет судьбу всего развития целой нации! — с негодованием писал он о ложных взглядах норманистов.— Странно выводить из подобных фактов условия жизни, фактов, ещё недоказанных и едва ли сбыточных». Не менее решительно возражает Закревский и против ложной оценки Погодиным татарского ига. Его собственный вывод прямо противоположен погодинскому: «Монголы ни в каком отношении не были полезны для России, напротив — вредны». Отрицает Закревский и роль «чудесного», иррационального в истории России. Провиденциализм оставался ещё и в это время существенным элементом реакционных исторических концепций, о чём свидетельствуют воззрения Погодина. Общий вывод Закревского был следующим: «...Монголы были вредны и совершенно различны с феодализмом, чудесного в нашей истории быть не может».

В той же статье Закревского, отражавшей убеждения передовых студентов, нашла выражение и общая для прогрессивной молодёжи того времени высокая оценка преобразовательной деятельности Петра I и выдающегося значения Отечественной войны 1812 г., а также твёрдая

уверенность в великом будущем русского народа. Закревский с патриотической гордостью заявлял в своей статье: «Мы выступаем Петром, мы выступаем 1812 годом. Каково же должно быть дальнейшее шествие, если так славно, так громко было начало!» [1].

Статья Закревского интересна и важна тем, что она даёт ясное представление об исторических интересах передовой молодёжи, о вопросах, волновавших её в 30-х годах прошлого века. Эта статья показывает, насколько решительным был протест против реакционной трактовки русской истории, а также обнаруживает черты преемства в разработке отечественной истории лучшими представителями молодого поколения по отношению к передовой исторической мысли в России XVIII — начала XIX в.

В такой идейной атмосфере формировались исторические взгляды Белинского в начале 30-х годов прошлого века. Они нашли своё выражение в «Литературных мечтаниях» — произведении, в котором молодой Белинский выступает оригинальным мыслителем и выдающимся литературным критиком.

«Литературные мечтания» подводили итог всему предшествующему идейному развитию Белинского. Вместе с тем в них были заложены основы дальнейшего углубления его политических, философских, литературно-критических взглядов, завершившихся переходом Белинского на позиции революционного демократизма.

Историческая тематика занимала видное место в первом выдающемся произведении Белинского. Исторические воззрения Белинского уже в это время отличались глубиной теоретических обобщений и наметившейся демократической тенденцией.

В «Литературных мечтаниях» Белинским уже были поставлены важные вопросы о взаимосвязи в историческом развитии отдельных народов, о месте русского народа в истории человечества, об особенностях его исторического процесса, а также дана общая схема истории России. Белинский здесь впервые выдвигает принцип историзма. Для него в этот период характерен подход к истории с точки зрения

[1] Цитаты из статей Погодина и Закревского даны по работе Н. Л. Бродского «Лермонтов-студент и его товарищи», напечатанной в сборнике «Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова», Гослитиздат, 1941, стр. 51—54.

объективного идеализма. Содержание исторического процесса понималось им как последовательное самораскрытие абсолютной идеи через разнообразие судеб отдельных народов. Целью общечеловеческого развития Белинский считал совершенствование разума путём расширения знаний, просвещения. Но в этих абстрактных идеалистических формулах таились зародыши будущих воззрений, наиболее полно и глубоко раскрытых им в период революционного демократизма. Белинский вслед за Ломоносовым, Радищевым и декабристами рассматривал исторический процесс в качестве прогрессивного. Своё понимание истории он противопоставлял толкованию её немецким идеалистом Шеллингом. Философия истории Шеллинга сводила историческое развитие к мистическому самораскрытию «абсолютного духа» в истории человечества и «духа народа» в истории национальной. Но в этом процессе самораскрытия «абсолютный дух», по Шеллингу, всё более искажался. Отсюда призыв Шеллинга к возврату к первоначальному, первобытному состоянию человечества, раскрывающему, согласно его «теории», неискажённый «абсолютный дух». Историзм Шеллинга тем самым обращался в прошлое и переставал быть историзмом в подлинном смысле, что вполне соответствовало реакционной идеологии немецкого философа-идеалиста.

Историзм Белинского в «Литературных мечтаниях» носил иной характер. Совершенствование человечества и каждого народа в отдельности на поприще просвещения осуществляется, полагал Белинский, в результате поступательного диалектического развития, связанного с борьбой возникающего — нового с отживающим — старым. «Без борьбы нет заслуги, без заслуги нет награды, а без действования нет жизни! — восклицал молодой критик.— Что представляют собою индивидуумы, то же представляет и человечество: оно борется ежеминутно и ежеминутно улучшается» [1]. Признание внутренней противоречивости исторического процесса, хотя и в абстрактной форме, являлось существенным рациональным зерном ранних исторических воззрений Белинского.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 320.

Своё представление об историческом прогрессе Белинский иллюстрировал конкретными историческими примерами: «Потоки варваров... вместо того, чтобы подавить жизнь, воскресили её, обновили дряхлеющий мир; из гнилого трупа Римской Империи возникли мощные народы». Подчёркивая активный характер исторического прогресса, Белинский опять-таки ссылается на исторические примеры: «Что означают походы *Александров,* беспокойная деятельность *Цезарей, Карлов?* — Движение вечной *идеи,* которой жизнь состоит в беспрерывной деятельности» [1]. Высказав общее положение: «Каждый народ, вследствие непреложного закона провидения, должен выражать своею жизнию одну какую-нибудь сторону жизни целого человечества» [2], Белинский этим не ограничивается. Он ставит вопрос об особенностях исторического развития отдельных народов: «Только идя по разным дорогам, человечество может достигнуть своей единой цели; только живя самобытною жизнию, может каждый народ принесть свою долю в общую сокровищницу». Выражение особенностей развития отдельных народов Белинский видел «в особенном, одному ему (данному народу.— *В. И.*) принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, в языке и более всего в *обычаях*» [3]. Все эти особенности, как полагал Белинский в своём раннем произведении, «проистекают из одного общего источника — причины всех причин — *климата* и *местности*» [4], т. е. коренятся в географических условиях жизни народа.

Приведённые общие теоретические соображения позволяли Белинскому перейти к характеристике исторического развития России. Естественно, что история родной страны была известнее и ближе Белинскому. К тому же история России давала ему основу для понимания особенностей развития русской литературы, раскрытие которых и составляло важнейшую задачу «Литературных мечтаний». Как известно, Белинский уже в этом произведении выдвинул принцип народности и реализма в литературе, определявший его историзм в подходе к литературным явлениям, которые рассматривались молодым критиком в

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 320.
[2] Там же, стр. 323.
[3] Там же, стр. 324.
[4] Там же.

качестве одного из выражений многогранного и сложного исторического процесса.

Отправляясь от своих общих исторических воззрений, Белинский попытался объяснить характер исторического развития России. При этом он обнаружил черты близости своих исторических взглядов к взглядам А. С. Пушкина.

Белинский подчёркивал значительное своеобразие в историческом развитии России, характерное в особенности, по его мнению, для допетровского периода её истории. Важно отметить, что Белинский, стремясь понять и объяснить причины этого своеобразия, не ограничился только ссылкой на географические условия. Он понимал, что эти условия оставались в основном одинаковыми, в то время как характер исторического развития России после и в результате преобразований Петра I значительно изменился. Так обращение к конкретному изучению истории России приводило Белинского к необходимости вносить поправки в те теоретические положения, которыми он руководствовался в истолковании исторического процесса. Белинский внимательно изучал условия исторического развития русского народа в допетровский период. В «Литературных мечтаниях» он отмечал значение для России её связей с Византией, указывал на отрицательное влияние владычества татар, подчёркивал историческое значение создания единого русского государства под властью московских царей. Влияние этих обстоятельств дополнялось действием географических условий.

В результате всей совокупности исторических обстоятельств сформировались наиболее характерные национальные качества русского народа, обнаруженные им ещё в допетровский период истории России. «И этот народ стал хладен и спокоен, как снега его родины, когда мирно жил в своей хижине,— писал Белинский,— быстр и грозен как небесный гром его краткого, но палящего лета; ... удал и разгулен, как вьюги и непогоды его зимы, когда пировал на своей воле, ... сметлив и лукав, ... когда нужда учила его есть калачи» [1].

Однако неблагоприятные исторические обстоятельства, прежде всего татарское иго, отмечал Белинский, затормозили историческое развитие русского народа и

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 325—326.

определили временное отставание России от стран Западной Европы, спасённых героической борьбой русского народа против монголов от ужасов татарского ига. Вместе с тем, подчёркивал Белинский, русский народ своей гигантской производительной и культурной деятельностью, протекавшей в исключительно тяжёлых условиях, и борьбой за независимость своей родины создал предпосылки для ускоренного общественного развития России и успешного преодоления её временного отставания. В могучих силах великого русского народа Белинский усматривал источник и гарантию быстрого прогрессивного развития России, исходным началом которого были, по его мнению, петровские преобразования. Тем самым Белинский подводил читателей к пониманию важного значения реформ Петра I в истории России. В глубоком интересе Белинского к реформам Петра I, обнаруженном им в «Литературных мечтаниях», также выразилось сходство его исторических воззрений со взглядами Радищева и декабристов.

В лице Петра I Белинский видел «олицетворённую мощь, олицетворённый идеал русского народа в деятельные мгновения его жизни». Результаты преобразований Петра I он оценивал в зависимости от их значения для национального развития: «Каналы и дороги начали прорезывать девственную почву земли русской, зашевелилась торговля; застучали молоты, захлопали станы: зашевелилась промышленность!» [1]. Но в то же время Белинский отмечал, что преобразования не коснулись толщи народных масс. В области просвещения, по мнению Белинского, следовало начинать не с создания Академии наук, а с развития широкой сети школ для народа.

То обстоятельство, что Белинский критерием преобразований выдвигал степень удовлетворения интересов народа, свидетельствует о том, что он ещё в «Литературных мечтаниях» начинал рассматривать историю с демократических позиций.

Важно отметить, что «Литературные мечтания» во многом сходны с первым историческим произведением молодого Герцена — рукописью «28 января». Она была написана Герценом в 1833 г., за год до появления «Литературных мечтаний». В этой рукописи Герцен кратко

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. I, стр. 327—328.

осветил историю России до Петра I и сосредоточил своё внимание на оценке петровских преобразований. Как и Белинский, Герцен высоко оценил деятельность Петра I и подчеркнул крупнейшее значение его реформ для последующего исторического развития России[1].

Взгляды, высказанные в «Литературных мечтаниях» по ряду вопросов всеобщей и русской истории, получили развитие в последующих произведениях Белинского, написанных в 30-х годах.

Литературное творчество Белинского после опубликования «Литературных мечтаний» становится всё более интенсивным, историческая тематика в нём приобретает возрастающее значение. Она находит своё отражение прежде всего в многочисленных рецензиях на вновь выходящие произведения исторического характера. Среди последних были специальные исследования, сборники исторических материалов, учебные пособия, рецензированию которых Белинский уделял особое внимание, а также исторические романы, повести, драмы и т. д. Только в 1835 г. Белинский публикует свыше двадцати рецензий на произведения исторического содержания. Почти каждая его работа литературно-критического характера содержала экскурсы в область истории. Новаторские принципы литературной критики, борьба за реализм и народность литературы, которой отдавал свои гениальные дарования Белинский, обусловливали богатую насыщенность его критических работ историческим содержанием.

Размышляя над судьбами своего народа, Белинский всё более пристально изучал его историю, справедливо усматривая закономерную связь между прошлым, настоящим и будущим.

Как бы ни был разнообразен круг исторических вопросов, затрагивавшихся Белинским в его произведениях 30-х годов, можно отметить важнейшие особенности в процессе формирования его исторических взглядов. Как в «Литературных мечтаниях», так и в других произведениях 30-х годов, Белинский концентрировал своё внимание на вопросах отечественной истории. Не отрывая истории России от всеобщей истории, он настойчиво

---

[1] См. *А. И. Герцен,* Соч., т. I, стр. 86—91.

стремился уяснить особенности русского исторического процесса и раскрыть его внутреннюю закономерность.

В центре внимания Белинского находилась эпоха петровских реформ, их подготовка, осуществление и влияние на дальнейший ход русской истории. Он осуждал тех историков, которые увлекались изучением далёкой старины и не шли в своих исследованиях дальше времени Владимира или Ярослава. Но и в допетровском периоде истории России он видел богатейшие возможности для исторического изучения. В рецензии на романы И. Лажечникова «Ледяной дом» и «Басурман», опубликованной в 1839 г., Белинский писал о допетровской России: «Боже мой, а какие эпохи, какие лица! Да их стало бы нескольким Шекспирам и Вальтерам-Скоттам» [1], и затем дал краткую, но яркую характеристику исторического развития страны. Во многих других литературно-критических произведениях Белинский возвращается к своим оценкам допетровской истории России, дополняя их и развивая. В той же рецензии на романы Лажечникова Белинский критикует тех историков, в частности Н. Полевого, которые стремились найти в истории России приложения «к идеям Гизо о европейской цивилизации, и первый период меряют норманским футом вместо русского аршина» [2]. В этом высказывании важно принципиальное осуждение игнорирования национальных особенностей в историческом развитии России. Формулируя свою точку зрения, Белинский писал: «Русская жизнь до Петра Великого имела свои формы — поймите их и тогда увидите, что она заключает в себе... такие же богатые материалы, как и европейская» [3].

В «Литературных мечтаниях» Белинский дал самую общую схему истории России, в последующих же произведениях он пытался наметить её периодизацию, установить связь между различными периодами. Первоначально эта попытка была осуществлена Белинским в уже цитированной рецензии на романы Лажечникова. Здесь Белинский прежде всего устанавливает наиболее общую периодизацию истории России, разделяя её на допетровскую и послепетровскую, указывая, что «история России

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 42.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 41.

перерезана Петром Великим на две части, столь не похожие одна на другую, что они представляют собою как бы два различных мира»[1]. Это утверждение Белинского, конечно, является односторонним и в своей основе ошибочным. Позднее, в 40-х годах, он выскажет мысль об исторической обусловленности реформ Петра, будет стремиться к выяснению преемственной связи между допетровской и петровской эпохами в истории России.

В 30-х годах Белинский осветил деятельность Ивана IV, в котором он видел предшественника Петра I, дал общую оценку и ряду других периодов в истории России, в частности времени Алексея Михайловича и его преемников, т. е. кануну преобразований Петра I.

Нет надобности подробно излагать и анализировать взгляды Белинского 30-х годов на конкретном историческом материале, ибо многие оценки событий и деятелей, данные Белинским в то время, явились исходными для последующих его взглядов и оценок, другие же повторялись им в произведениях 40-х годов. Но тогда уже они включались в качестве звеньев в систему его позднейших исторических воззрений, развитых и углублённых Белинским на революционно-демократической основе.

Важной особенностью исторических взглядов Белинского, одинаково свойственной ему как в 30-х, так и в 40-х годах, являлась глубоко патриотическая оценка национальных качеств русского народа. В рецензии на «Речи, произнесённые в торжественном Собрании императорского Московского Университета, 10 июня 1839», Белинский высоко оценивал национальные качества русского народа, отмечал его творческую одарённость, эстетическое чувство, сметливость, практическую деятельность ума и выражал твёрдую уверенность в великом назначении русского народа. В этой рецензии Белинский заявлял с патриотической гордостью: «Мы будем и юристами, и римлянами в юриспруденции, но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом учёным и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным... В России видно начало всех этих элементов»[2]. Истинный патриотизм

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 40.
[2] Там же, стр. 321.

Белинского направлялся против лжепатриотизма его идейных противников из лагеря реакции.

Указанные особенности исторических взглядов Белинского противопоставляли его дворянской историографии, а также представителям формировавшейся в России того времени буржуазной историографии. Это обстоятельство становилось всё более ясным самому Белинскому, и оно подчёркивалось в его произведениях 30-х годов, хотя и с меньшей определённостью, чем в 40-х годах.

Белинский, вырабатывая свои взгляды в борьбе с дворянской историографией, критически преодолевая господствовавшие в исторической науке того времени концепции, умел ценить заслуги историков, проделавших значительную работу по разысканию и собиранию огромного фактического материала. Он неоднократно указывал на заслуги в этом отношении Н. М. Карамзина. Его труд — «Историю Государства Российского» — Белинский назвал в «Литературных мечтаниях» «подвигом исполинским». Но вместе с тем у Белинского уже в то время проявилось критическое отношение к воззрениям Карамзина как представителя дворянской историографии. Безусловно отрицательным было тогда отношение Белинского к другому представителю официальной историографии, М. П. Погодину.

Белинский отмечал черты ограниченности в воззрениях деятелей зарождавшейся буржуазной историографии — М. Т. Каченовского и Н. А. Полевого.

В своём критическом отношении к Карамзину Белинский выступал продолжателем декабристов, критика же черт ограниченности воззрений Каченовского и Полевого облегчалась для Белинского предшествующей критикой их со стороны А. С. Пушкина.

Внимательно наблюдая за развитием русской исторической науки, Белинский интересовался и западноевропейской историографией, особенно французской, представленной трудами наиболее видных буржуазных историков — Тьерри, Гизо и Минье. С воззрениями этих историков Белинский первоначально ознакомился ещё в Пензе, читая журнал Полевого «Московский телеграф». В Москве Белинский уже имел возможность непосредственно ознакомиться с трудами названных историков. Он считал достоинством французских историков периода

реставрации их стремление выявить закономерности исторического развития, а также внимание к социальным проблемам. В 30-х годах Белинский проявлял значительный интерес к творчеству Вальтера Скотта, автора широко известных исторических романов.

Белинский считал, что писатели и историки должны исторически точно передавать своеобразие изображаемых ими исторических явлений, «уловить дух народа и эпохи». Белинский писал в 1835 г., что историк должен «уловить дух изображаемого им народа или изображаемого им человечества в какую-нибудь эпоху его жизни, таким образом, чтобы в его изображении видно было биение этой жизни, чтобы сквозь его рассказ трепетала та живая идея, которую выразил собою народ или человечество, в ту или другую эпоху своего бытия». Без соблюдения этого условия «сама история, при всей верности представляемых ею фактов, проверенных и очищенных критикою, жестоко грешит против исторической истины, если не выражает идеи жизни народа» [1]. Категория «дух народа», конечно, носила ярко выраженный идеалистический характер, но стремление к раскрытию содержания и сущности той или иной эпохи направляло внимание Белинского на определение исторических особенностей в развитии русского народа при изучении им истории России.

Белинский уже в 30-х годах сумел разглядеть некоторые существенные недостатки современной ему исторической науки и полагал, что её состояние не соответствует её общественному значению. Его не удовлетворяло ограниченное, а иногда и примитивное понимание самого предмета исторической науки, которое было свойственно современным ему историкам Так, в рецензии 1835 г. на учебник всеобщей истории профессора Кайданова, автора большинства учебников по истории в 20—30-х годах прошлого века, Белинский зло высмеивал его примитивный подход к определению истории как простого описания событий, совершавшихся в прошлом. Белинский пытался дать собственное определение задач исторической науки, однако в 30-х годах он сделал в данном направлении только первые шаги. Но и эта попытка свидетельствует о самостоя-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 54, 55.

тельном творческом характере исканий Белинского в области истории. Он писал, что история есть «картина успехов человечества на поприще самоусовершенствования». В этом идеалистическом определении всё же подчёркивалась мысль о прогрессивном развитии человечества. Конкретизируя эту мысль, Белинский привёл в той же рецензии одно из высказанных в литературе определений, которое он считал более удовлетворительным, нежели определение Кайданова: история — «наука, показывающая, каким образом и вследствие каких причин жизнь человечества, развивавшаяся под формою политических обществ, явилась в том виде, в каком теперь находится». Однако и приведённое определение не вполне удовлетворило самого Белинского. Он замечал, что «в наше время можно иметь на историю взгляд ещё высший» [1], хотя и не разъяснил здесь своей мысли.

В других высказываниях Белинский касался ряда вопросов, раскрывающих его понимание условий, обеспечивающих успешное развитие исторической науки. Он указывал на необходимость разработки новых материалов, расширяющих возможности исторического исследования, на необходимость критической оценки фактов, накопленных предшествующими историками, подчёркивал, что историк должен быть самостоятельным в своих суждениях о событиях и исторических деятелях прошлого, а также особенно в исторических обобщениях. Все эти мысли Белинский подробнее и глубже развил в произведениях 40-х годов, определяя предмет и задачи исторической науки с позиций революционного демократизма.

Наконец, следует отметить, что уже в 30-х годах Белинский прекрасно понимал воспитательную роль преподавания истории как весьма важного фактора формирования общественных взглядов юного поколения. Поэтому он внимательно следил за вновь выходящей учебной литературой, отмечая удачные опыты, весьма редкие в его время, и решительно критикуя псевдонаучные и недобросовестно составленные учебные пособия. В одной из своих рецензий на учебник русской истории Белинский писал: «...Наша литература очень бедна учебными книгами, и преимущественно, по части истории. Причина этого за-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 111.

ключается сколько в трудности составления хорошей учебной книги, столько и в ложном понятии, какое вообще имеют у нас касательно этого предмета... Истинные учёные презирают заниматься их составлением», и поэтому учебники «делают шарлатаны и невежды» [1].

Белинский придавал особое значение тому, чтобы учебники по истории не засоряли умы учащихся реакционными взглядами, не ограничивались бессистемным перечислением деяний князей, царей и полководцев. Как просветитель Белинский боролся за то, чтобы учащиеся усваивали передовые воззрения на историю, умели понимать смысл событий прошлого и убеждались в прогрессивном ходе истории. Совершенно не случайно многие суждения Белинского, раскрывающие его передовые исторические взгляды, были высказаны им в рецензиях на учебные пособия. Рецензии на учебные книги, имеющие достаточно широкое распространение, явились для Белинского важным средством пропаганды его передовых исторических воззрений.

В 30-х годах Белинский, критикуя ограниченность воззрений дворянских историков, только начал разработку самостоятельной исторической концепции. Но уже тогда он достиг в этом направлении значительных результатов, сумев во многих вопросах подняться над уровнем современной ему историографии. Однако в 30-х годах Белинский ещё не смог выдвинуть революционно-демократической программы, он не пришёл тогда к выводу о необходимости для народных масс борьбы за своё освобождение. Всё это не могло не найти выражение в его исторических взглядах того времени.

Белинский, ненавидевший окружающую его крепостническую действительность, ещё не видел в 30-х годах общественной силы, способной изменить эту действительность, а поэтому он ограничивался мысленным, абстрактным «отрицанием», «абстрактным героизмом», о котором с горечью писал сам Белинский в своих письмах того периода.

Сознание бесплодности такого «отрицания» привело Белинского на краткий период (1838—1839 гг.) к глубоко ошибочным выводам, к «насильственному», как позже он

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 183—184.

сам метко определил, «примирению» с окружающей действительностью.

Но серьёзное заблуждение Белинского, будучи показателем мучительности и противоречивости искания им передовой идеологии, не приводило и не могло привести его к отказу от защиты интересов народных масс. Он продолжал оставаться противником крепостничества. В его воззрениях сохранялись черты демократизма, просветительства и гуманизма. «Примирение» не только не означало отказа от поисков Белинским путей прогрессивного развития России, но и само было противоречивой и своеобразной формой этих исканий.

В отличие от Гегеля Белинский и в этот период не увековечивал самодержавно-крепостнического строя, считая его только этапом в историческом развитии России. Не отвергая идеи развития общественного и государственного строя, Белинский, однако, ошибочно полагал тогда, что «гражданская свобода должна быть плодом внутренней свободы каждого индивида, составляющего народ, а внутренняя свобода приобретается сознанием. И таким-то прекрасным путём достигнет свободы наша Россия» [1].

При всей ошибочности взглядов Белинского в короткий период «примирения с действительностью» в глубокой основе его общественно-политических идеалов лежало всё то же стремление к свободе и народному счастью, всё та же ненависть к угнетению и произволу. Однако Белинский в это время не сумел определить реальных путей к достижению своих общественных идеалов. Он хотел отдать все силы служению народу, но не знал, как это сделать. При всём этом прогрессивная целеустремлённость идейных исканий и в «примирительный» период резко отделяет Белинского от официальной идеологии, с носителями которой он продолжал вести непримиримую борьбу.

Эта целеустремлённость нашла своё выражение и в исторических взглядах Белинского рассматриваемого периода. Не удовлетворённый своим прежним абстрактным истолкованием исторического процесса, Белинский выдвинул задачу раскрытия объективных законов истории, познание которых призвано было положить конец всем субъективным измышлениям и мечтаниям о путях обще-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. I, стр. 92.

ственного развития, в частности призвано было установить объективные основы прогрессивного развития России в будущем.

Плеханов справедливо отмечал рациональный момент, содержавшийся в воззрениях Белинского в период «примирения» и заключавшийся в его стремлении опереться на объективную закономерность. Он указывал, что в основе этого стремления Белинского лежало «совершенно верное в *социологическом смысле»* положение, «что общественные учреждения возникают не потому, что кто-то захотел установить именно эти, а не другие учреждения, а потому, что они отвечают известным общественным потребностям» [1]. Именно с этих позиций Белинский подверг критике абстрактные рационалистические схемы исторического процесса французских просветителей, в частности теорию «общественного договора» Руссо. В этих взглядах Белинского нельзя не усматривать углубления его историзма.

Чутко отражая нарастание крестьянской борьбы с крепостничеством, убедившись в том, что самодержавие всей своей силой охраняет интересы крепостников, Белинский скоро преодолел свои временные заблуждения и решительно отказался от «примирительных» настроений. Свои антикрепостнические убеждения Белинский обогатил выводом о необходимости для народных масс вести борьбу не только с крепостным правом, но также и с самодержавием.

Решительный разрыв с «примирительными» настроениями, провозглашённый Белинским в начале 1840 г., сначала в письмах, а затем и в его литературно-критических и публицистических произведениях, знаменовал для великого русского мыслителя переход на позиции революционного демократизма и утопического социализма.

Таким образом, 30-е годы были периодом сложного, но восходящего по своей основной тенденции процесса формирования мировоззрения Белинского. В идейном становлении выдающегося русского мыслителя исторические воззрения, как мы убедились, занимали значительное место. Он уже в тот период понимал важную роль передовой исторической науки, призванной содействовать уяснению и разрешению коренных вопросов общественной жизни.

[1] *Г. В. Плеханов,* Соч., т. XXIII, стр. 135—136.

Понимание истории у Белинского в 30-х годах носило идеалистический характер и отличалось абстрактностью. Однако он ещё тогда выдвинул и пытался разрешить важнейшие вопросы истории: о прогрессивности исторического развития, о соотношении общечеловеческого и национального, о причинах своеобразия истории отдельных народов, о литературе как общественно-историческом явлении. Белинский внимательно изучал отечественную историю, пытаясь раскрыть особенности русского исторического процесса, обусловившие складывание национальных качеств русского народа.

К постановке и решению вопросов истории России Белинский подходил с позиций подлинного патриотизма, в котором пламенная любовь к народу соединялась с антикрепостнической направленностью идейно-политических воззрений молодого мыслителя. Важной особенностью формирования исторических взглядов Белинского являлось то обстоятельство, что они складывались в борьбе с реакционной историографией, в процессе критического преодоления социологических теорий западноевропейских философов и историков.

Белинскому приходилось прокладывать новые пути в разработке идеологии передовых разночинцев, вступивших в 30-х годах на арену политической деятельности в нашей стране. Этим объясняется сложность и противоречивость процесса формирования мировоззрения великого русского революционера-демократа. Но глубочайшей основой идейных исканий Белинского являлось его страстное стремление разрешить важнейшие вопросы русской общественной жизни. Именно на этой основе формировались исторические взгляды Белинского, которые поэтому отличались своей самостоятельностью и творческим характером.

Исторические условия, сложившиеся в России к началу 40-х годов XIX в., и в первую очередь нарастание борьбы крестьянства против крепостнического гнёта, создали предпосылки для перехода Белинского на позиции революционного демократизма.

В связи с развитием в 40-х годах революционно-демократических политических воззрений Белинского претерпели серьёзное изменение и его исторические взгляды. Крепла и углублялась демократическая тенденция в пони-

мании и истолковании исторических явлений. В 40-х годах она приобретает ярко выраженную революционную направленность. На этой основе Белинский создаёт определённую систему исторических воззрений, разрабатывает исходные принципы революционно-демократической исторической концепции.

Для исследования исторической концепции Белинского необходимо прежде всего выяснить её социально-политические и теоретические основы, определившие постановку и характер разрешения великим русским революционером-демократом важнейших вопросов отечественной и всеобщей истории.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Сороковые годы XIX в. в истории России были ознаменованы рядом новых социально-экономических явлений, которые определили собой характер и особенности общественного движения того времени. Значительно углубился кризис феодально-крепостнической системы, первые признаки которого наметились ещё во второй половине XVIII в. и с полной определённостью проявились в первые десятилетия XIX в. Вследствие этого к 40-м годам прошлого века в России произошли заметные сдвиги в экономике и значительные изменения в социальных отношениях. Характер этих изменений определился ростом капиталистических элементов, постепенное развитие которых разлагало экономический строй — базис феодального общества — и расшатывало всю сложную систему его надстройки в дореформенной России.

Ускоренное развитие капиталистических элементов в России в 40-х годах XIX в. нашло своё выражение в увеличении числа предприятий и занятых на них рабочих, в первую очередь вольнонаёмных, в изменениях в технике и социальной структуре промышленности, в происходившем вытеснении крепостной мануфактуры капиталистической фабрикой, в расширении торгового оборота внутри страны и росте внешней торговли. Все эти явления были результатом и показателем развития буржуазных

отношений. В 1848 г. Ф. Энгельс отмечал: «В России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа» [1].

Господствующий в экономической и политической жизни страны класс помещиков-крепостников не мог «удержать старых, рушившихся форм хозяйства». Реакционный самодержавно-крепостнический строй, тормозивший экономическое развитие страны, оказался не в состоянии приостановить, как указывал В. И. Ленин, действие силы «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма» [2].

Развитие капиталистических элементов затронуло и основную в условиях дореформенной России отрасль хозяйственной деятельности — сельское хозяйство, где особенно прочны были феодальные отношения. «Производство хлеба помещиками на продажу,— писал В. И. Ленин в гениальном труде «Развитие капитализма в России»,— особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима» [3]. Крепнувшие связи помещичьего хозяйства с рынком расшатывали крепостническую систему и приводили к резкому усилению эксплуатации крестьянских масс. Уменьшались наделы крестьян, возрастали барщинные и другие повинности, увеличивался оброк. Крестьянское хозяйство разорялось. Положение миллионных крестьянских масс становилось нестерпимым. Ответом на усиление крепостнической эксплуатации являлся рост стихийного массового крестьянского движения. Оно превращалось в серьёзнейшую угрозу для экономического и политического господства крепостников.

Поджоги дворянских имений, расправы крестьян над наиболее ненавистными помещиками и их управляющими, массовый отказ от выполнения повинностей, самовольный уход на места новых поселений, неповиновение властям и открытые выступления крепостных крестьян, которые часто усмирялись при помощи значительных военных сил, приводили помещиков к выводу, который был сформулирован шефом жандармов Бенкендорфом в одном из

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. V, стр. 247.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 17, стр. 95.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т 3, стр. 158.

секретных отчётов царю: «Крепостное состояние — это пороховой погреб под государством».

Вопрос об отмене крепостного права был основным вопросом жизни страны, от разрешения которого зависело её дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие. В. И. Ленин в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?» подчёркивал решающее значение вопроса о крепостном праве как основного для эпохи 1840—1860-х годов, указывая, что тогда «*все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»[1]. В. И. Ленин придавал столь важное значение данному вопросу потому, что действительная борьба против крепостного права была неразрывно связана с борьбой против всего общественного и государственного строя самодержавно-помещичьей России, с борьбой за создание новой раскрепощённой демократической России.

Вокруг разрешения вопросов о необходимости отмены крепостного права, о способах её осуществления и путях дальнейшего развития России в 40-х годах развернулась напряжённая борьба различных общественно-политических направлений, оформившихся в тот период. Оформление этих направлений именно в 40-х годах отнюдь не было случайным. Оно отразило социальные процессы, протекавшие в России в период обострения кризиса феодально-крепостнической системы, сопровождавшегося углублением классовых противоречий между господствующим классом помещиков и угнетёнными крестьянскими массами.

В общественном движении 40-х годов XIX в. определилась новая важная особенность. На арену общественно-политической борьбы в России выдвигались в качестве заметной силы разночинцы, представители собирающего свои силы лагеря революционной демократии. Зрели предпосылки для перехода освободительного движения России к новому, революционно-демократическому этапу, более высокому, чем предшествующий, представленный дворянскими революционерами.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 473.

Революционные демократы являлись выразителями интересов и чаяний широких народных масс, боровшихся за освобождение от крепостнического гнёта. Будучи наследниками традиций Радищева и декабристов в борьбе с крепостничеством и самодержавием, революционные демократы впервые начали сознательно ориентироваться на народные массы, как на революционную силу. Они считали, что народные массы только тогда выполнят своё историческое назначение, когда будут политически просвещены, организованы и, по мнению революционных демократов, возглавлены разночинной интеллигенцией для решительной борьбы с самодержавно-крепостническим строем. Но для того чтобы разночинная интеллигенция могла выполнить роль организатора и руководителя крестьянских масс, революционные демократы считали необходимым сплочение всех демократических сил на основе программы революционного преобразования страны.

Белинский начал разработку идеологии русской революционной демократии, её политической программы, философской, эстетической, социологической и исторической теорий. Политическая программа русской революционной демократии была направлена на разрушение самодержавно-крепостнического строя, на революционное разрешение важнейших общенациональных вопросов, прежде всего вопроса об освобождении крестьян от крепостной зависимости и демократизации политического строя России. Идеология революционной демократии принципиально противостояла всем формам и проявлениям идеологии господствующего класса России.

В 40-х годах наряду с официально-охранительной идеологией главной опасностью для прогрессивных сил России являлась идеология так называемых славянофилов. Славянофильская идеология была помещичьей по своим классовым основам. Славянофилы (братья Аксаковы и Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и др.) были заинтересованы в сохранении политической власти в руках помещиков, а также их преобладающей роли в экономической жизни страны. Славянофилы были оппозиционно настроены к некоторым сторонам самодержавного николаевского режима. Они выступали сторонниками ограничения деспотических проявлений самодержавия при

условии сохранения монархии и упрочения политического влияния дворянства. Они осознали необходимость отмены крепостного права в целях предотвращения крестьянских волнений, но хотели, чтобы она осуществилась «сверху», руками помещиков и в интересах помещиков. Славянофилы осуждали слепое подражание Западу в дворянских и буржуазных кругах, однако их учение о «самобытности» исторического развития России, а также враждебное отношение к революционному движению в Западной Европе были в своей основе реакционными и националистическими. Выступая под ложным знаменем защитников «исконно-национальных» устоев и «друзей» русского народа, славянофилы игнорировали творческие силы русского народа и самостоятельный характер его передовой национальной культуры. Свой классовый лжепатриотизм они противопоставляли подлинному народному патриотизму, носителями которого были деятели русского освободительного движения и передовой русской культуры.

Идеология и социально-политическая программа славянофилов были реакционными. Они стремились возродить общественный строй и нравы допетровской Руси, возвеличиваемой и идеализируемой ими, восстановить патриархальное «единство» между «властью и землёй», между помещиками и крестьянами, укрепить сельскую общину как противоядие против классовой диференциации крестьянства. Славянофилы были решительными противниками революционных преобразований и революционной самодеятельности народных масс, врагами формирующегося лагеря революционной демократии. Реакционное существо идеологии славянофилов роднило их с представителями официально-охранительной идеологии. Однако, поскольку это существо прикрывалось налётом «оппозиционности» и обманчивой «патриотической» фразеологией, способной дезориентировать политически незрелых людей, славянофильская идеология требовала решительного разоблачения со стороны революционных демократов. Вот почему критику «теорий» славянофилов Белинский считал важнейшей своей задачей.

Против славянофилов выступали и так называемые «западники»: Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, Е. Ф. Корш, Н. Х. Кетчер и др.

Западники являлись идеологами крепнущей русской буржуазии и обуржуазивавшихся помещиков. Русская буржуазия и в это время, в пору своей молодости, не могла стать и не стала позднее силой, способной возглавить общенародную борьбу против самодержавно-помещичьего строя. Эта особенность русской буржуазии, отличавшая её, например, от французской буржуазии конца XVIII в., сказывалась в общественно-политической жизни уже в 40-х годах XIX в., когда зарождалась политическая программа либерально-монархического центра в России. Отмеченная особенность определила своеобразное соотношение сил на арене общественно-политической борьбы в 40—60-х годах прошлого века, когда русская революционная демократия играла роль ведущей силы в зреющей народной революции.

Западники, будучи объективно заинтересованными в создании условий для свободного развития капитализма в России, выступали против крепостного права, являлись сторонниками осуществления реформ «сверху», дающих в некоторой мере доступ к власти буржуазным элементам и предоставляющих последним условия для свободной экономической деятельности. Они идеализировали западноевропейские буржуазные отношения, считали их конечным этапом исторического развития. Поэтому западники, мечтавшие об утверждении в России буржуазного общественно-политического строя, выступали против идеализации славянофилами допетровской старины и патриархальных отношений. Однако, как и славянофилы, западники опасались революционной активности народных масс, были врагами народной революции в России и революционных демократов как защитников интересов народа.

В идеологии западничества уже в 40-х годах начала с достаточной определённостью выявляться её буржуазно-либеральная сущность, которая окончательно обнаружилась в период нарастания революционной ситуации в России 1859—1861 гг.

При внешнем различии воззрений западников и славянофилов, несмотря на горячие споры между ними, идеология западников имела черты принципиального сходства с идеологией славянофилов. Как те, так и другие в разрешении основных вопросов русской общественно-политической жизни того времени защищали

интересы имущих классов — помещиков и буржуазии. Западники и славянофилы не были представителями двух противоположных лагерей. Различия между ними всё более сглаживались по мере роста в России массового крестьянского движения и усиления деятельности революционных демократов. Уже в 40-х годах наметилось основное размежевание в общественно-политической борьбе, развёртывавшейся в России,— размежевание между крепостнически-либеральным лагерем, с одной стороны, и лагерем революционно-демократическим, защищающим интересы угнетённых народных масс,— с другой.

Вот почему Белинский в 40-х годах, по мере проявления классового и политического существа западнической идеологии, стал усматривать в буржуазных либералах-западниках серьёзную опасность для развития революционного движения в России. Белинский начал борьбу против буржуазного либерализма в России, которую в условиях дальнейшего обострения классовых противоречий в стране с такой решительностью, последовательностью и революционной страстностью продолжили Чернышевский и Добролюбов.

Белинский видел особый вред западнической либерально-буржуазной идеологии в её антинародности, в преклонении западников перед буржуазной «цивилизацией», несущей новую форму угнетения народным массам. Буржуазные либералы были носителями тлетворных идей космополитизма и национального нигилизма. Они, заражённые холуйским низкопоклонством перед иностранщиной, культивировали неверие в силы русского народа, игнорировали его героическую историю и тот огромный вклад, который он внёс в развитие человечества. «Оторванные от народа и чуждые ему правящие классы царской России,— говорил Г. М. Маленков,— не верили в творческие силы русского народа и не допускали возможности, чтобы Россия собственными силами выбралась из отсталости. Отсюда проистекало неправильное представление о том, что русские всегда-де должны играть роль «учеников» у западноевропейских «учителей»» [1].

[1] *Г. М. Маленков,* Информационный доклад о деятельности Центрального Комитета ВКП(б) на совещании представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., Госполитиздат, 1947, стр. 29—30.

Белинский решительно боролся с вредоносным преклонением перед иностранщиной во всех его формах и проявлениях. В этой борьбе он выступал продолжателем лучших традиций передовых деятелей России — Ломоносова, Фонвизина, Новикова, Радищева и декабристов. Белинский дал гневную отповедь проповедникам космополитических идеек, клеветавшим на русский народ и угодливо пресмыкавшимся перед буржуазной цивилизацией Запада.

В истории русского народа, в его героической борьбе за единство и независимость родины, в той выдающейся роли, которую он сыграл в мировой истории, в его исторически сложившихся национальных качествах, нашедших своё выражение в особенностях самостоятельной русской национальной культуры, черпал Белинский веру в великую будущность России и русского народа. Он был преисполнен глубокой веры в творческие силы народных масс и был убеждён в их способности преодолеть временное отставание России на основе революционной ликвидации отжившего самодержавно-крепостнического строя. Великий русский революционный демократ гневно отвергал как неизбежность рабского копирования Россией буржуазных порядков стран Западной Европы, проповедуемого либералами-западниками, так и характерное для них признание буржуазных отношений пределом исторического развития всех народов. Белинский первым заклеймил буржуазных либералов метким наименованием «фантастических космополитов» [1], «беспачпортных бродяг в человечестве» [2], обличая антинародный и антипатриотический характер их устремлений.

Продолжая и развивая благородную патриотическую традицию передовых русских деятелей, выступавших против рабского преклонения перед иностранщиной, Белинский глубоко обосновал идею демократической народности и революционного патриотизма. Он разоблачал псевдонародность и лжепатриотизм славянофилов и беспощадно боролся против помещичье-буржуазного национального нигилизма и космополитизма.

Славянофилы и либералы-западники при всех своих спорах на деле сходились в своих клеветнических оценках национального характера русского народа. Белинский в

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 405.

[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 300.

своей борьбе против крепостников и либералов исходил из подлинно патриотического понимания истории и существенных черт национального характера русского народа. Многовековая трудная, но славная история русского народа выковала в нём такие черты национального характера, как горячая любовь и верность родине, выдержка и стойкость, самоотверженность и мужество в борьбе и в труде, воля и стремление к свободе, счастью и прогрессу. Вся деятельность Белинского, его борьба с врагами русского народа, разоблачение им космополитизма и реакционного славянофильства были пронизаны чувством национальной гордости, пониманием великого исторического призвания русского народа и национального своеобразия русского исторического процесса.

Патриотизм великого революционного демократа включал в себя истинную любовь к родине, к своему народу, ненависть ко всяким врагам и лжедрузьям русского народа, стремление к раскрепощению России, страстную и непреклонную борьбу за полное освобождение народа, за новую, свободную, процветающую, социалистическую Россию. Борьба Белинского с космополитизмом помещичье-буржуазных либералов была, таким образом, важным явлением в русской общественной жизни того времени. В этой борьбе рождалась и закалялась идеология русской революционной демократии, выражавшая интересы и стремления трудящихся масс. Патриотические идеи Белинского, его решительная борьба с помещичье-буржуазной идеологией космополитизма и низкопоклонства перед иностранщиной сыграли огромную роль в развитии русского освободительного движения и сохраняют и в наши дни большое идейно-воспитательное значение.

Борьба Белинского против славянофилов и западников развёртывалась по всем направлениям. Разоблачение Белинским политических воззрений славянофилов и западников сопровождалось решительной и принципиальной критикой философских, социологических, а также исторических взглядов тех и других.

* *
*

В напряжённой идейно-политической борьбе против славянофилов и западников Белинский выработал самостоятельное понимание задач исторической науки, зало-

жил основы революционно-демократической концепции исторического процесса и в результате этого достиг значительных успехов в изучении и разработке важнейших вопросов всеобщей и особенно русской истории. Постановка и разрешение Белинским исторических проблем определялись задачей обоснования революционной идеологии, призванной уяснить пути будущего развития России, пути революционной борьбы за освобождение народных масс от самодержавно-крепостнического гнёта, за демократизацию всего общественного и государственного строя России.

Высокий теоретический уровень воззрений Белинского, а также их революционная целеустремлённость плодотворно сказались на развитии исторических взглядов великого русского демократа. В них ярко обнаружились итоги его идейно-политических исканий, завершённых переходом Белинского на позиции революционного демократизма.

Белинский отчётливо сознавал, что в его время историческая наука стала одним из участков наиболее острой идейной борьбы. Обострение классовых противоречий между крестьянами и помещиками, постановка вопроса об уничтожении крепостного права, об исторических перспективах России требовали рассмотрения и решения важнейших исторических проблем. «Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее,— писал Белинский,— чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем» [1].

Интерес Белинского к истории в 40-х годах в связи с отмеченными обстоятельствами значительно возрос и углубился. Он, как и Герцен, превосходно понимал, что из мира истории «двери отворяются прямо в деятельность, в собственное участие в современных вопросах» [2]. В целях активного участия в решении современных вопросов русской жизни и революционной борьбы за демократический путь развития России нужно было уяснить общие закономерности исторического развития, определить особенности русского исторического процесса и теоретически

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 398.
[2] *А. И. Герцен,* Соч., т. IV, стр. 377.

осмыслить исторический опыт русского народа. Именно поэтому исторические вопросы приобрели особую политическую остроту и злободневность для молодой революционной демократии и её идеолога Белинского.

К вопросам истории обращались представители и других общественных течений 40-х годов, различно истолковывая прошлое с целью исторического обоснования своих политических устремлений.

Славянофилы, твердившие о «самобытности» своих воззрений, в истолковании исторического процесса на деле, руководствуясь положениями реакционного немецкого философа Шеллинга, утверждали, что в истории каждого народа раскрывается мистический «дух народа». Славянофилы полагали, что «дух народа» в неискажённом виде выявился в допетровский период русской истории в «истинно-национальных» началах религиозности, смирения, общинности, которые были якобы свойственны русскому народу до реформ Петра I. Национальные начала в России в результате этих реформ были будто бы извращены и подавлены заимствованием чуждых для русского народа западных начал. Тем самым славянофилы противопоставляли историю России истории народов Западной Европы. Такое антинаучное противопоставление понадобилось славянофилам для обоснования их реакционных политических воззрений, суть которых заключалась в стремлении избежать капиталистического пути развития, как пути «западного», чуждого русскому народу. Они настаивали на необходимости возврата к патриархальным, «исконно русским» отношениям допетровской Руси, чтобы не допустить углубления в России классовой борьбы, ведущей к революции. В политических и философско-исторических взглядах славянофилов отчётливо выявился их страх перед прогрессивным развитием России, перед возможностью революционной ликвидации экономических и политических привилегий помещиков.

Столь же тенденциозно, в соответствии со всей системой политических воззрений, истолковывался исторический процесс и западниками. В понимании исторического процесса западники являлись последователями немецкого философа Гегеля и рабски копировали его исторические доктрины. В истории они видели самораскрытие «абсолютной идеи». Закономерность и прогрессивность истори-

ческого процесса в результате идеалистически извращались. При этом западники полагали, что высшим и конечным этапом развития человечества должно стать достижение им буржуазных общественных отношений и конституционной монархии как наиболее «совершенной» формы государственного строя. Они надеялись, что и Россия в будущем должна стать типичной буржуазной страной с конституционно-монархическим государственным строем.

Решающую роль в историческом развитии западники вслед за Гегелем отводили государству. Оно выступало у них творцом истории, в то время как народ рассматривался как пассивная и инертная масса. Идеализация государства также имела определённый политический смысл. Сильное государство считалось западниками необходимым для буржуазной России. Оно должно было стать надёжным оплотом для господствующих классов в их борьбе с революционными народными массами.

Исторические взгляды западников, представителей зарождавшегося либерально-монархического лагеря, были направлены на обоснование их реформистской программы и тактики компромиссов с крепостниками. Либералы проповедовали историзм, который признавал лишь эволюционный, постепенный характер общественного развития. Они выступали против идеи революционного преобразования общества, проявляя готовность к компромиссу с реакцией и враждебность по отношению к общественным силам, вступившим на путь революционной борьбы. Либеральная концепция исторического процесса отражала страх формирующейся русской буржуазии перед революционной активностью народных масс и стремление к мирному, «безболезненному» и постепенному «прогрессу», исключающему возможность революционных взрывов и потрясений.

Такова была политическая сущность исторических воззрений славянофилов и западников, в которых выявлялся классовый характер и принципиальная общность их устремлений. Конечно, эта сущность была прикрыта многообразными наслоениями, но она всё более обнажалась по мере углубления противоречий между крепостнически-либеральным лагерем и лагерем революционной демократии.

Заслуга Белинского заключалась в том, что он как вождь и идеолог молодой революционной демократии уже в 40-х годах сумел разглядеть подлинный политический смысл воззрений как славянофилов, так и западников и понять необходимость борьбы с ними как непременного условия идейной подготовки революционного преобразования России.

Белинский, борясь против славянофилов и западников, творчески развивал свои философские и исторические взгляды, сложившиеся у него в 30-х годах, преодолевал их слабые стороны и в 40-х годах пришёл к материалистическому объяснению природы, к революционно-демократическому пониманию истории и к утопическому социализму. Разоблачая враждебные исторические теории, Белинский в 40-х годах начал разработку революционно-демократической исторической концепции, которую противопоставлял взглядам своих идейно-политических противников и рассматривал в качестве одной из важных предпосылок для теоретического обоснования собственных политических убеждений.

Белинский ясно понимал общественно-политическое значение передовой исторической науки и её практически-действенный характер. В 1841 г. он писал: «Наш век — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве» [1]. В следующем году Белинский указывал: «*Историческое созерцание* могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания. История сделалась теперь как бы общим основанием и единственным условием всякого живого знания: без неё стало невозможно постижение ни искусства, ни философии» [2]. Наконец, те же мысли Белинский более подробно развивал в 1844 г.: «История есть наука нашего времени, и потому наука новая. Несмотря на то, она уже успела сделаться господствующею наукою времени, альфою и омегою века. Она дала новое направление искусству, сообщила новый характер политике, вошла в жизнь и нравы частных людей. Её вопросы сдела-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 37.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 332.

лись вопросами жизни и смерти для народов и для частных людей»[1].

Белинский придавал прогрессивной исторической науке столь важное значение прежде всего потому, что она, по его глубокому убеждению, должна была вооружить людей пониманием закономерностей исторического развития. Вместе с тем она призвана была, по мнению Белинского, содействовать утверждению плодотворного принципа историзма и в других общественных науках, а также и в искусстве.

В конечном счёте передовая историческая наука, раскрывая закономерности общественного прогресса, должна была содействовать глубокому освещению современных общественных вопросов, определению пути дальнейшего развития человечества и, что было особенно важно для Белинского, давать перспективу русскому освободительному движению. Она была призвана служить делу борьбы прогрессивных сил против реакционного отживающего строя и тем самым — активному приближению будущего. Под будущим же народов, в первую очередь русского народа, Белинский в 40-х годах совершенно определённо понимал социалистическое устройство общества.

Белинский указывал на большую роль прогрессивной исторической науки в формировании национального самосознания и в политическом просвещении народных масс.

Таким образом, Белинский видел в передовой исторической науке сильное идейное оружие в борьбе за освобождение народных масс от угнетения, в условиях России — в борьбе за раскрепощение русского народа.

Такое понимание значения и задач исторической науки объясняет то большое внимание к вопросам истории, которое было характерно для Белинского в 40-х годах. В это время им были написаны рецензии на следующие исторические труды: И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» (1841 г.)[2], В. Бергмана «История Петра Великого» (1841 г.), Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» (1842 г.), Н. Маркевича «История Малороссии» (1843 г.), С. Смарагдова «Руководство к познанию новой истории для

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 453.

[2] Указываются годы опубликования рецензий Белинским.

средних учебных заведений» (1844 г.). В этих рецензиях разработаны и изложены теоретические основы исторических воззрений великого русского революционера-демократа, а также дана оценка конкретным историческим событиям и деятелям русской и всеобщей истории. Кроме того, Белинский систематически рецензировал вновь издававшиеся исторические материалы, мемуары, исторические романы и т. д.

Белинский в своих рецензиях не ограничивался изложением и критическим рассмотрением того или иного сочинения. Раскрывая содержание рецензируемой книги, он вместе с тем творчески обрабатывал материал, формулировал свои выводы и таким образом выступал в качестве оригинального историка, разрабатывающего свою самостоятельную концепцию. В этом и заключается особенная ценность его рецензий на исторические труды.

Большое внимание уделял Белинский исторической проблематике и оценке современного состояния исторической науки в России также в своих ежегодных обзорах литературы, в литературно-критических статьях и многочисленных письмах. Разработка вопросов истории Белинским была неразрывно связана с его напряжённой борьбой за утверждение принципов критического реализма в русской литературе, за демократическую литературу, призванную просвещать народные массы.

Белинский в борьбе с реакционной историографией, развивая традиции Радищева и декабристов, настойчиво добивался того, чтобы передовая историческая наука руководствовалась прогрессивными, демократическими общественными идеями, видя в этом решающее условие её успешного развития. Белинский хотел превратить историческую науку в мощное средство политического воспитания передовых представителей народа.

Для того чтобы прогрессивная историческая наука могла отвечать этим высоким требованиям, Белинский выдвигал перед ней важные задачи. Историческая наука прежде всего должна была, по мнению Белинского, раздвинуть рамки своего изучения, преодолеть узкие пределы, в которые замыкалась предшествующая историография. «Приступая к истории какого-нибудь народа,— писал Белинский,— историк прежде всего должен отчётливо и определённо понимать значение этого народа, видеть его

отношение к другим народам, степень, занимаемую им в человечестве, и важность его исторической роли» [1]. Для того чтобы правильно была оценена роль того или другого народа, историк не должен односторонне увлекаться изучением только политической истории, потому что «история человечества,— указывал Белинский,— ...есть вместе история и войн, и договоров, и финансов, и администрации, и права, и торговли, и изобретений, и наук, и искусств, и литературы, и нравов» [2].

Ту же мысль с ещё большей подробностью и определённостью развивал Белинский в своей рецензии на учебник Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории»: «В наше время слово «всеобщая история»,— писал Белинский,— налагает на автора огромные обязанности, потому что заставляет ожидать от него полной картины жизни народов, где, подобно искусно расположенным теням, должны занимать своё место: и религия, и искусство, и науки, и ремёсла, и нравы, и подати, и войска, а не одни только войны да договоры. Политическая сторона должна быть только рамою истории, но не содержанием её» [3].

В этих замечательных высказываниях Белинского в сущности по-новому определяется предмет исторической науки. Белинский выступает сторонником понимания истории как гражданской истории, представляющей собой органически цельную совокупность самых разнообразных сторон жизни народа, которые должен раскрыть передовой историк. Это требование было направлено против коренных методологических основ дворянско-буржуазной историографии. Не деятельность правящей верхушки, заслоняющей жизнь народа, должна стоять в центре внимания передового историка, заявлял Белинский, а история самого народа. Само определение предмета исторической науки, данное Белинским, выдвигает на первый план народ, его созидательную, производительную деятельность, его решающую роль в процессе общественного развития. Поэтому, полагал Белинский, широкие народные массы, их жизнь, их деятельность и борьба должны были стать в центре исторического изучения.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 403.
[2] Там же, стр. 465.
[3] Там же, стр. 344.

Признание народных масс основной силой исторического развития представляет собой одну из важнейших особенностей революционно-демократических исторических взглядов Белинского. В рецензии на учебник Смарагдова «Руководство к познанию новой истории» Белинский упрекал автора за то, что он, ограничившись политической историей, не раскрывал значения деятельности народных масс, вследствие чего пошёл «по избитой колее» [1].

Новое понимание Белинским предмета исторической науки являлось важным обогащением передовой русской исторической мысли его времени.

Выдвигая перед исторической наукой новые задачи, Белинский предъявлял высокие требования к передовым историкам. «В том-то и заключается трудность условий исторического таланта,— указывал он,— что в нём должны быть соединены строгое изучение фактов и материалов исторических, критический анализ, холодное беспристрастие с поэтическим воодушевлением и творческою способностью сочетать события, делая из них живую картину, где соблюдены все условия перспективы и светотени» [2].

Белинский считал необходимым для историка при разработке любого вопроса учитывать результаты, уже достигнутые исторической наукой, и уметь использовать её достижения. Только при этих условиях, по мнению Белинского, можно творчески развивать науку. Он ценил также тех историков, которые посвящали свои усилия обогащению науки новыми фактическими данными, являвшимися, по убеждению Белинского, своеобразными «кирпичами» при создании грандиозного здания исторической науки. В своих рецензиях Белинский неоднократно отмечал ценность публикации новых документальных материалов и справочных изданий, помогающих историку в его исследованиях. Однако простого собирания фактических данных при всей важности последних, по мнению Белинского, для исторической науки было совершенно недостаточно. «В прежнюю, созерцательную эпоху,— писал Белинский,— только смотрели на то, что делалось на белом свете и, посмотрев, записывали, что видели», но в наше время, про-

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 465.
[2] Там же, стр. 401.

должал он, этого недостаточно, «теперь смотрят ещё пристальнее, ещё внимательнее, но, смотря, вникают и судят, и тогда только почитают себя что-нибудь увидевшими, когда откроют смысл и значение увиденного, переведут факт на идею» [1].

Важнейшее качество современного историка — умение понять смысл совершившихся событий и раскрыть этот смысл в историческом исследовании — Белинский ставил в зависимость от овладения историком передовой философской теорией своего времени. С помощью передовой философской теории сами факты должны предстать перед историком в новом свете, он получит возможность уловить внутреннюю связь между ними. В статье «Русская литература в 1842 году» Белинский писал: «Знание фактов без разумения их ещё не есть знание в истинном и высшем значении этого слова. Без знания фактов невозможно и разумение их, потому что когда нет фактов, как данных, как предметов знания, тогда нечего и уразумевать; следовательно, и фактическое знание необходимо, только без философского знания оно будет таким же призраком, как и философское знание без фактического подготовления и основания» [2].

Прекрасно понимая взаимозависимость между накоплением фактических данных и их теоретическим обобщением, Белинский решительно подчёркивал определяющее значение раскрытия внутреннего содержания исторических явлений для научного исследования. В рецензии на книгу Смарагдова он писал: «Эрудиция непременно должна составлять одно из средств историка, но не более, как *одно* из других средств; кто способен остановиться на одном этом, тому не диво сделаться чудом учёности и превратить свою голову в огромную библиотеку, в которую весь свет может ходить за справками. Это тем возможнее, что тут требуется очень немного ума и очень много терпения и мелочной педантской кропотливости». И далее Белинский задавал вопрос: «Неужели вы думаете, что если он (историк-эмпирик.—*В. И.*) возьмётся написать историю, то это непременно выйдет самое правдивое сказание о делах народов и лиц исторических?» — и

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 1—2.
[2] Там же, стр. 1.

категорически отвечал: — «Нет, и тысячу раз нет» [1]. Белинский решительно заявлял: «Знание фактов *только потому* и драгоценно, что в фактах скрываются идеи; факты без идей — сор для голов и памяти» [2]. Умение уловить смысл изучаемой эпохи или конкретного события посредством отделения существенного от затемняющих его деталей Белинский считал ценнейшим качеством историка. «Всякая запутанность в истории,— писал он,— происходит от неумения историка отличить важное и существенное эпохи от её мелочных и пустых подробностей» [3]. Задачу исторической науки Белинский видел в том, «чтобы подвести многоразличие частных явлений под общее значение, открыть в многоразличии частных явлений органическую связь, взаимодействие и отношения, и проследить в последовательности многоразличных явлений развитие живой идеи, составляющей их душу» [4]. Эта задача могла быть реализована в результате овладения историками передовой философской теорией.

Историки, не вооружённые такой теорией, полагал Белинский, могут не только запутаться в множестве отдельных фактов, оказаться подавленными ими, но, что ещё хуже, могут использовать самые факты для обоснования ложных идей, лишь затемняющих, а не раскрывающих смысл событий прошлого. Историку предстоит трудная задача, указывал Белинский, «с честию пройти между двумя крайностями, не увлекшись ни одною из них: между опасностию затеряться и запутаться в многосложности событий и, за их частностию, потерять из виду их диалектическую связь между собою... и между опасностию произвольно натянуть события на какую-нибудь любимую идею, заставив их лжесвидетельствовать в пользу или односторонней, или вовсе ложной доктрины. Избежать этих крайностей самый даровитый историк может только при помощи верного поэтического чутья и современно-философского образования» [5]. Обобщения и выводы историка, хотел этим сказать Белинский, должны вытекать из анализа самой исторической действительности, а не быть на-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 448.
[2] Там же, стр. 453.
[3] Там же, стр. 405.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 530.
[5] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 402.

вязанными ей. Он разоблачал научную никчёмность и бесплодность тех историков, особенно немецких, которые «пишут историю по идее, заранее принятой ими, и, желая, во что бы то ни стало, уложить факты на прокрустово ложе своего воззрения, поневоле искажают их» [1]. Такие историки обычно являются защитниками реакционных воззрений, в угоду которым они извращают историю. Подобными историками в России Белинский считал представителей официальной и славянофильской историографии.

Расширение предмета истории также выдвигало перед историками требование овладения передовой философской теорией. «Современно-философское образование необходимо для историка нашего времени,— указывал Белинский,— ... ибо история не только искусство, но ещё и наука, многосложная, многосторонняя, которая, обнимая собою историю народа, в то же время обнимает и историю права, его искусства, его науки, а без современно-философского образования можно ли иметь прямое и верное понятие о праве, искусстве, науке и пр.?» [2].

Белинский требовал, чтобы в исторических трудах была раскрыта за внешней причинностью сменяющихся событий «внутренняя необходимость, дающая им глубокий внутренний смысл», который Белинский, как идеалист в понимании истории, усматривал в «диалектически-развивающейся идее» [3]. Этим требованиям историк мог удовлетворять, по глубокому убеждению Белинского, опять-таки только в результате овладения им передовой философской теорией. Без этого решающего условия историк не сможет выявить прогрессивности исторического процесса, не раскроет развития событий в диалектической связи и взаимодействии, но даст лишь бессвязное описание фактов или заставит их лжесвидетельствовать в пользу реакционных идей.

Само собой разумеется, что, говоря о передовой философской теории, о передовом мировоззрении, Белинский подразумевал под ними революционно-демократическую идеологию, которую он настойчиво разрабатывал и пропагандировал в своих произведениях 40-х годов.

---

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 447.
[2] Там же, стр. 403.
[3] Там же, стр. 401.

Обращаясь к передовым историкам, Белинский призывал их не скрывать при характеристике исторических событий своих политических убеждений. Он указывал, что передовой историк должен отвергать реакционное, приветствовать и защищать прогрессивное и революционное в истории. Белинскому трудно было писать об этом открыто в своих подцензурных произведениях, однако он не упускал возможности для заявлений такого характера.

Особенно важным, в смысле выявления передовых убеждений историка, Белинский считал изучение истории нового времени, наполненной революционными событиями. Белинский обязывал историков не только излагать события, но и производить «суд над событиями» [1]. Он требовал от историка освещения истории с позиции последовательной защиты интересов народных масс и нетерпимости ко всяким реакционным извращениям истории в угоду господствующим классам. Это были требования партийности в исторической науке, понимаемой Белинским в духе принципов революционного демократизма.

* *
*

Белинский в своих произведениях 40-х годов не только сформулировал новые задачи передовой исторической науки, но и дал яркие образцы реализации этих задач.

Исключительное внимание уделял Белинский в 40-х годах разработке теоретических основ исторической науки, отчётливо понимая, что «важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности» [2]. В этом направлении им был сделан значительный шаг вперёд сравнительно с предшествующим периодом. Разработка теоретических основ исторической науки теперь направлялась Белинским против славянофильских и либерально-западнических исторических теорий; она приобретала всё более определённо выраженный демократический и революционный характер, будучи тесно связана с практическими задачами русского освободительного движения. В понимании и объяснении истории он остался в основном на идеалистических позициях. Но революционно-демокра-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 449.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 411.

тический характер исторических воззрений Белинского не только возвышал его над современными ему дворянскими и буржуазными историками России и Западной Европы, но и противопоставлял им великого русского революционера-демократа.

Теоретическая глубина воззрений Белинского, революционная целеустремлённость и творческий характер его идейно-политических исканий, находившие выражение и в исторических взглядах замечательного мыслителя, понимание им общественного значения передовой исторической науки делали Белинского продолжателем лучших традиций русской революционной исторической мысли и основоположником нового, революционно-демократического направления в русской историографии. Он выступил и на поприще исторической науки как гениальный мыслитель-революционер домарксова периода, как ранний предшественник марксистской историографии в России.

Белинский ещё в конце 30-х годов пришёл к выводу о том, что в основе исторического развития лежат объективные законы, раскрытие которых является важнейшей задачей передовых историков. Он утверждал, что история становится подлинной наукой именно с того времени, когда она начинает рассматривать исторический процесс в качестве закономерного. «Отвергать возможность истории, как науки,— заявлял он,— значит — отвергать в развитии общественности неизменные законы, и в судьбах человека ничего не видеть, кроме бессмысленного произвола слепого случая» [1].

В самом историческом прогрессе, как объективном выражении поступательного общественного развития, Белинский начал усматривать один из важнейших исторических законов. С переходом на позиции революционного демократизма представление о закономерности исторического процесса и его прогрессивности стало важнейшей основой твёрдой убеждённости великого революционера-демократа в неизбежности победы нового над старым, в неизбежности крушения феодально-крепостнического строя в России, основой революционного исторического оптимизма Белинского.

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 453.

В связи с новым пониманием исторического процесса как процесса закономерного и прогрессивного ещё более обогатилось определение предмета исторической науки, выдвигаемое Белинским. «История есть,— писал он в 1841 г.,— фактическое жизненное развитие общей (абсолютной) идеи в форме политических обществ. Сущность истории составляет только одно разумно-необходимое, которое связано с прошедшим, и в настоящем заключает своё будущее. Содержание истории есть общее: судьбы человечества» [1]. Это определение безусловно остаётся в рамках идеалистического понимания явлений общественной жизни. Но на революционно-демократическом этапе своего идейно-политического развития Белинский самое понятие «человечество» наполнял новым содержанием. Теперь для него человечество представлялось реальной совокупностью личностей, творящих историю на основе объективной закономерности. Белинский особенно подчёркивает прогрессивное развитие и совершенствование как человечества, так и отдельной личности. В соответствии с этим он видит задачу исторической науки в том, чтобы «представить человечество... как личность, и быть биографиею этой «идеальной личности»» [2].

Развитие человечества — беспрерывный процесс поступательного, прогрессивного движения от низшей ступени к высшей. «Ничто не является вдруг,— утверждал Белинский,— ничто не рождается готовым; но всё... развивается по моментам, движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве» [3]. «Развитие человечества есть беспрерывное движение вперёд, без возврата назад» [4],— писал Белинский. Но, как идеалист в понимании истории, он полагал, что это движение вперёд находит своё выражение прежде всего в развитии человеческого сознания, в его постепенном обогащении. «Закон развития человечества таков,— отмечал Белинский,— что всё пережитое человечеством не возвращается назад, тем не менее и не исчезает без следов в пучине времени.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 121.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 335.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 61.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 247.

Исчезнувшее в действительности,— живёт в сознании»[1]. Развитие человечества, по Белинскому, есть картина его успехов на поприще просвещения и бесконечного прогресса разума. «Нет лжи для человечества, но есть только старая истина, которая, разрушаясь, рождает из себя новую, высшую истину... Человечество движется не прямою линиею и не зигзагами, а спиральным кругом»[2].

Изучение истории убеждало Белинского в закономерности и прогрессивности развития человечества. В свою очередь это убеждение являлось для него прочной методологической основой при анализе конкретных событий русской и всеобщей истории.

Идеи закономерности исторического процесса и его прогрессивности во времена Белинского уже не были новыми ни для западноевропейской, ни для русской философской и исторической мысли. Идея прогрессивности исторического процесса до Белинского в России обосновывалась Радищевым и декабристами, которые давали ей революционное истолкование. В Западной Европе идея закономерности истории развивалась Сен-Симоном, Фурье, затем французскими историками периода реставрации — Гизо, О. Тьерри, Минье, а также Гегелем. Она нашла отражение в трудах такого крупного русского историка, как Грановский, а затем в исторических работах Соловьёва. Заслуга Белинского заключалась в том, что идею исторической закономерности в системе своих социологических воззрений он неразрывно связал с революционно-демократическими и социалистическими устремлениями. Он не смог научно разработать и обосновать эту идею, ибо оставался в рамках идеалистического понимания истории общества. Но идея исторической закономерности, используемая им в борьбе со всяческой реакцией, в борьбе за освобождение народа от угнетения, получила у Белинского глубокое теоретическое обоснование и приобрела действенный, революционный характер.

Известно, что историзм Гегеля был обращён в прошлое и выражал собой аристократическую реакцию на буржуазную революцию во Франции конца XVIII в. Историческое развитие человечества завершается достижением

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 247.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 336.

такого идеального, по мнению Гегеля, государственного строя, как прусская конституционная монархия, которую Белинский ещё в начале 40-х годов XIX в. называл «узеньким понятием»[1]. Французские историки периода реставрации полагали, что историческое развитие имеет свой предел — достижение буржуазных общественных отношений и буржуазной монархии как якобы идеального государственного строя. Они со всей решительностью отвергали закономерность борьбы пролетариата против буржуазии. Точно таковы же были взгляды русских историков из лагеря либералов-западников. Политические программы и используемые для их обоснования исторические теории буржуазных мыслителей и историков отличались раболепной приверженностью к прошлому и настоящему, обнаруживавшей их классовую природу. Они всё более открыто направлялись против революционного понимания исторического прогресса и закономерности исторического развития, начинавшего приходить в противоречие с классовыми интересами буржуазии.

Белинский в противоположность идеологам буржуазии разоблачал буржуазные общественные отношения, эксплуатацию народных масс, он бичевал тех, кто преклонялся перед буржуазной государственностью, заявляя: «Горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»[2].

Историзм Белинского устремлялся в будущее, основывался на твёрдом убеждении великого революционного демократа в бесконечности прогресса человечества, который с исторической необходимостью и неизбежностью приведёт к утверждению социалистического общества, несущего освобождение трудящимся массам от всякого угнетения. Если для либералов историзм служил обоснованию примирения нового со старым, оправданию идеи компромисса и постепенной эволюции, то принципиально отличная трактовка историзма Белинским была направлена на обоснование закономерности решительной борьбы нового со старым, доведённой в общественной жизни до

---

[1] См. *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 247.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 329.

революции. Историзм Белинского заключал в себе в качестве важнейшего элемента идею революционного преобразования существующего эксплуататорского общественного строя.

В рецензии 1844 г. на книгу Смарагдова Белинский писал: «Следя за судьбами человечества, мы в ряде исторических эпох его видим строгую, непрерывную последовательность, так же как в событиях — живую, органическую связь». Вслед за этим общим определением закономерной смены исторических эпох он дал характеристику своего века как «холодного и расчётливого, положительного и мануфактурного», т. е. глубоко и метко отметил ещё в период восходящего развития капитализма неизлечимые пороки буржуазного общества. Здесь же Белинский подчеркнул всю нелепость мысли апологетов буржуазии о том, что «теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше итти не может. Нет предела развитию человечества и никогда человечество не скажет себе: *стой, довольно, больше итти некуда!..* Жизнь только в движении; в покое — смерть» [1].

Белинский не идеализировал патриархальной старины, что было свойственно славянофилам, и не признавал эксплуататорского буржуазного строя пределом развития человечества, как это делали либералы-западники. Историческое развитие Белинский рассматривал как бесконечное, в котором каждый последующий этап является более разумным и совершенным, чем предшествующий. Разоблачая врагов прогресса, Белинский писал: «Для кого настоящее не есть выше прошедшего, а будущее выше настоящего, тому во всём будет казаться застой, гниение и смерть» [2]. На основе истолкования исторического развития как прогрессивного Белинский противопоставлял преходящему буржуазному строю разумно организованное социалистическое общество, в котором он видел более высокую ступень истории человечества, его светлое будущее. В этом выявлялось принципиальное отличие революционно-демократической идеологии, разрабатывавшейся Белинским, от буржуазной.

Революционно-демократическое существо исторических взглядов Белинского находило своё яркое выражение

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 458, 460.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 21—22.

в признании им исторического процесса противоречивым, развивающимся через борьбу между старым и новым. В этой борьбе он видел один из важнейших законов исторического развития.

По мнению Белинского, окружающий мир представляет собой «мир вечной борьбы будущего с прошедшим»[1]. «Всё живое есть результат борьбы; всё, что является и утверждается без борьбы, всё то мертво». «Без борьбы... не было бы движения, развития, прогресса, словом — жизни»[2],— писал Белинский в статьях 1845 г. Борьба является движущим началом и общественного развития. По Белинскому, общество является «единством противоположностей, которых борьба и взаимные отношения составляют его жизнь»[3].

Для Белинского высказанные им положения о борьбе противоположностей уже не выступали в период его революционного демократизма в качестве отвлечённых формул. Они всё более наполнялись конкретным содержанием, являясь средством уяснения закономерности классовой борьбы и революционных взрывов в прошлом, средством обоснования борьбы угнетённых классов за своё экономическое и политическое освобождение в настоящем и будущем. Тем самым Белинский обосновывал неизбежность перерастания борьбы трудящихся в революционные выступления за коренное изменение общественных отношений и необходимость в этих целях активной и политически целеустремлённой деятельности народных масс. Взгляды Белинского на роль классовой борьбы как движущей силы истории, хотя и не были основаны на научно-материалистическом понимании законов общественного развития, принципиально отличались не только от взглядов буржуазных идеологов, но и от взглядов социалистов-утопистов Западной Европы. Белинский, остававшийся социалистом-утопистом вследствие того, что не видел и не мог в России 40-х годов XIX в. видеть «рабочую массу, являющуюся единственной **естественной** носительницей социалистического идеала»[4], решительно отличался в своих воззрениях от утопического реформизма западно-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 272.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 237, 307.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 414.
[4] *И. В. Сталин,* Соч., т. 1, стр. 12.

европейских социалистов тем, что органически соединял идеи утопического социализма с революционным демократизмом, с признанием необходимости революционного преобразования отживших общественных отношений.

В признании Белинским исторического процесса противоречивым обнаружился как революционный характер его воззрений, так и высокий уровень философской мысли великого русского демократа. Истолковывая вслед за Герценом диалектику как «алгебру революции», Белинский применил диалектический метод для глубокого раскрытия закономерностей истории и в результате достиг исключительно плодотворных результатов. В этом отношении особенно большое значение имело признание Белинским диалектической идеи отрицания, которая применительно к общественному развитию была не чем иным, как философским выражением его убеждения в необходимости революционной борьбы. Овладение идеей отрицания сказалось на углублении понимания Белинским исторического развития народов в прошлом и перспектив этого развития в будущем.

В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. Белинский заявлял: «Отрицание — мой бог. В истории мои герои — разрушители старого — Лютер, Вольтер, энциклопедисты, террористы [1], Байрон («Каин») и т. п.». Эта новая для Белинского идея связывалась им с социалистическими убеждениями, характерными для него в 40-х годах. В том же письме к Боткину, раскрывая своё понимание социалистического общества как общества, в котором «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди», Белинский писал о путях достижения такого общества: «Смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов». Свою мысль он заключал следующими знаменательными словами: «Я всё думал, что понимаю революцию — вздор — только начинаю понимать. Лучшего люди ничего не сделают» [2]. В другом письме к Боткину Белинский с не меньшей определённостью заявлял, что справедливый,

[1] Белинский имеет в виду якобинцев периода французской буржуазной революции конца XVIII в.

[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 267—269.

т. е. социалистический, строй «утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами... прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»[1].

Подчёркивая роль отрицания в историческом прогрессе, Белинский пришёл к выводу о том, что отрицание старого «играет в движении великую роль, отрывая отдельные лица и целые массы от непосредственных и привычных положений и стремя их к новым и сознательным убеждениям»[2]. Отрицание открывает путь торжеству нового над старым и наиболее полно проявляет себя в истории в периоды переломные и революционные. На этих периодах и сосредоточивал великий революционер-демократ своё внимание, подчёркивая тем самым, что Россия в 40-х годах тоже переживала переломный момент в своей истории. Наблюдая обострение классовых противоречий в России, а также борьбу классов в Западной Европе вокруг вопросов, глубоко затрагивавших жизненные интересы народных масс, Белинский уяснял себе значение классовой борьбы в историческом развитии как силы, приводящей к революционным взрывам. Овладение идеей отрицания способствовало преодолению «примирительных» настроений и дало возможность глубоко понять реакционную роль самодержавия, признать необходимость борьбы народных масс с самодержавием, ставшим сильнейшим препятствием для прогрессивного развития России.

В письме к Боткину от 10—11 декабря 1840 г., решительно заявляя об ошибочности своего кратковременного «примирения с действительностью», Белинский писал: «Конечно, наш китайско-византийский монархизм до Петра Великого имел своё значение, свою поэзию, словом, свою историческую закономерность; но из этого бедного и частного исторического момента сделать абсолютное право и применять его к нашему времени — фай — неужели *я* говорил это?.. должно было бы развить и идею отрицания, как исторического права не менее первого священного и без которого история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото»[3].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 305.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 337.
[3] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 186.

Идея революционного отрицания, идея борьбы нового со старым, закономерности и неизбежности победы нового над старым, возвышала историзм Белинского до уровня, который был недоступен для современных ему представителей домарксовой философии, общественной и исторической мысли как в Западной Европе, так и в России.

Превосходство Белинского как революционного демократа над другими представителями домарксовой историографии его времени и черты принципиального отличия его исторических воззрений от взглядов дворянских и буржуазных историков находили своё выражение также в оценке тех сил, деятельность которых обеспечивает исторический прогресс или, наоборот, задерживает его.

Рассматривая вопрос о понимании Белинским задач исторической науки и её предмета, мы уже отмечали, что важнейшей особенностью его исторических взглядов являлось признание народных масс творческой силой истории. Белинский указывал на народные массы, как на подлинного носителя исторического прогресса, как на силу, его осуществляющую своей многовековой созидательной деятельностью. В свою очередь понимание роли народных масс в истории позволяло Белинскому вернее и глубже поставить вопрос о роли государства и великих деятелей в общественном развитии.

Вопрос о государстве, о его сущности и роли выдвигался историческими условиями 40-х годов XIX в. в качестве важнейшего общественно-политического вопроса. «В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве,— указывал В. И. Ленин,— вы всегда увидите... борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства» [1].

Только марксизм-ленинизм дал научное понимание сущности и социальной природы государства, как политической надстройки над определённым экономическим базисом.

Белинский, не поднявшись до материалистического понимания истории, идеалистически решал вопрос о происхождении государства и не мог понять, что оно возни-

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 29, стр. 435.

кает в результате раскола общества на антагонистические классы. Но великий революционер-демократ при решении вопроса о роли государства исходил из интересов народных масс и, придерживаясь принципа историзма, поднимался до глубокого теоретического обобщения исторических фактов и явлений современной ему общественной жизни.

Белинский разоблачал ложность и реакционность теорий, утверждавших, что якобы эксплуататорское государство является единственной творческой силой в истории, и изображавших народ пассивной и инертной массой, лишённой способности к исторической самодеятельности.

Внимательно изучая значение государства на различных этапах русской истории и истории западноевропейских стран (см. главы третью и четвёртую), Белинский, оставаясь на позициях историзма, отмечал ту прогрессивную роль, которую играли централизованные государства, ликвидировавшие феодальную раздробленность и обеспечившие свой экономический и культурный рост, а также утверждение национальной независимости. Вместе с тем он подчёркивал решающую роль народных масс в борьбе с иноземными захватчиками, отмечал патриотизм, самоотверженность и героизм народа, выступавшего на защиту своей свободы и независимости. Убедительные примеры, подтверждающие исключительную роль народных масс, Белинскому давала прежде всего история России.

Белинский понимал, что государственная власть в феодально-крепостническом и буржуазном обществах не только никогда не была общенародной властью и не выступала защитником интересов всех сословий, как это пытались изобразить апологеты самодержавия и буржуазного государства, но была и есть силой, чуждой и враждебной народным массам. Революционно-демократическое мировоззрение Белинского включало в качестве своего существенного элемента понимание классового характера феодально-монархического и буржуазного государства. Белинский, разоблачая реакционные взгляды Гегеля и его последователей, пришёл к выводу, что эксплуататорское государство на определённом историческом этапе неизбежно превращается в реакционную силу, становящуюся серьёзным тормозом развития общества.

Таковым считал Белинский самодержавное государство в России его времени и современные ему буржуазные государства в Западной Европе. Непримиримая враждебность к самодержавно-крепостническому государству и к монархии вообще — характерная черта политической программы великого революционера-демократа. «Нет, не должно быть монархов»[1] — таков был вывод Белинского.

Белинский с гениальной проницательностью разглядел подлинный характер буржуазного государства, вскрывая ложь и лицемерие буржуазного парламентаризма, прикрывающего власть имущих классов. «Горе государству, которое в руках капиталистов»[2] — таков важный вывод Белинского, сделанный им на основе внимательного изучения истории и современного ему общественного и государственного строя стран Западной Европы.

Анализ характера и роли эксплуататорского государства служил Белинскому обоснованием одного из краеугольных положений его политической программы — об исторической необходимости революционной ликвидации самодержавно-крепостнического государства в России. Он оправдывал и считал исторически неизбежной борьбу народных масс против антинародных государственных режимов.

Во взглядах на государство, излагаемых Белинским, была заложена идея борьбы за подлинно народную, демократическую республику, свободную от фальши и лицемерия буржуазной демократии. При этом Белинским были восприняты и развиты идеи революционного свержения самодержавия и республиканские традиции декабристов, об историческом значении которых писал В. И. Ленин[3].

Глубоко решался Белинским и вопрос о роли выдающихся деятелей в историческом развитии. Первоначально он переоценивал роль личности в истории. Ему казалось, что вся история человечества есть история героев. Поэтому историки, желающие писать об истории народа,

---

[1] *В. Г. Белинский,* Избранные философские сочинения, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 583.

[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 329.

[3] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 6, стр. 103.

должны писать только о его великих людях, полагал Белинский. Такой вывод в значительной мере диктовался его стремлением теоретически обосновать возможность для личности активно отрицать гнусную, самодержавно-крепостническую действительность России при слабой ещё революционной активности народных масс. Но и великие люди для Белинского — выразители интересов («духа») своего народа.

В дальнейшем, по мере развития революционно-демократических убеждений Белинского и связанного с этим углубления понимания роли народных масс в истории, его взгляд на роль личности в истории подвергся пересмотру. Он выдвинул формулу: личность без народа — призрак. Однако эта формула не означала, что Белинский перестал совершенно придавать значение роли личности в истории. Он начал лишь с особой силой подчёркивать ту мысль, что великие личности, их сила определяются тем, в какой мере они выражают и понимают запросы исторического момента. «Каждый великий человек,— указывал Белинский,— совершает дело своего времени, решает современные ему вопросы, выражает своею деятельностию дух того времени, в которое он родился и развивался» [1]. Великие люди осуществляют, по мнению Белинского, разумно понятую необходимость.

Историческая необходимость понималась Белинским ещё идеалистически, но он уже приближался к глубокой и плодотворной постановке вопроса о роли личности в истории. Рассматривая великих деятелей в качестве выразителей потребностей своего времени, Белинский издевался над незадачливыми историками, которые задавали нелепые вопросы: «Что было бы с реформациею, если б Лютера не было, или если б Лютер умер тотчас по сожжении папской буллы и канонического права?». Белинский, отвечая на такие вопросы, заявлял: *«Было бы то, что было бы»* [2].

Признавая объективную закономерность в историческом процессе и решающую роль народных масс в истории, Белинский полагал, что выдающиеся деятели при всём своём значении не могли направлять жизнь народа

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 505.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 230.

по своему произволу, так как подобная возможность свидетельствовала бы о пассивности народных масс и о господстве субъективного произвола, случайности в истории. «Жизнь народа,— указывал Белинский,— не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление лёгким движением весла» [1]. Успех ожидает тех великих деятелей, которые своим гением уясняют интересы национального развития и своей практической деятельностью реализуют последние. «Имя гения,— писал Белинский,— миллион, потому что в груди своей носит он страдания, радости, надежды и стремления миллионов. И вот в чём заключается *всеобщность* его идей и идеалов: они касаются всех, они всем нужны, они существуют не для избранных, не для того или другого сословия, но для целого народа, а через него, для всего человечества» [2].

Таков итог размышлений Белинского над вопросом о роли личности в истории. С особенной подробностью он разрабатывает и излагает свои взгляды по данному вопросу во второй половине 40-х годов. Разрешая вопрос о роли личности в истории, определяя зависимость деятельности выдающихся людей от решающей роли народа, Белинский разоблачал ложные взгляды и концепции представителей дворянско-буржуазной историографии.

Глубина и содержательность понимания Белинским исторического процесса нашли своё яркое выражение в его отчётливом представлении о национальных формах осуществления прогресса. Белинский всегда боролся как против национального нигилизма, космополитизма, так и против националистической ограниченности и шовинистического человеконенавистничества. В конце своей жизни он писал: «Борьба человеческого с национальным есть ни больше, как риторическая фигура; но в действительности её нет. Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается через заимствование у другого, он тем не менее совершается национально. Иначе нет прогресса» [3]. С этих позиций Белинский разоблачал националистическую идеологию славянофилов, противопоставлявших Россию Западной Европе во имя «фантастической народности», и

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 399.
[2] Там же, стр. 277—278.
[3] Там же, стр. 409.

беспощадно критиковал национальный нигилизм либерально-буржуазных идеологов, которых называл «фантастическими космополитами»[1], стремившихся растворить национальное в «общечеловеческом» и рассматривать в качестве идеала для всего человечества, в том числе и для России, буржуазные общественные отношения.

Не противопоставляя национальное общечеловеческому, Белинский правильно полагал, что удовлетворение наиболее жизненных стремлений отдельных народов является важнейшим условием общечеловеческого прогресса. К числу наиболее глубоких стремлений всех народов он относил их стремление к национальной независимости. Уроки истории убеждали Белинского в том, что угнетение одних народов другими является сильнейшим препятствием национального и общечеловеческого прогресса. Белинский выступал против всякого угнетения народов, выражал уверенность в неодолимости стремления народов к национальной независимости. Так, он с глубокой симпатией относился к борьбе славянских народов против немецких притеснителей, с удовлетворением писал о бесплодности попыток последних лишить чешский народ его языка и культуры[2]. Белинский уверенно заявлял: «Решительно не верим в возможность крепкого политического и государственного существования народов, лишённых национальности», и вслед за этим с гениальной прозорливостью указал на неизбежность распада многонациональной феодально-монархической Австрийской империи — этого «искусственного государства, склеенного из многих национальностей»[3].

Белинский законно гордился самоотверженной борьбой великого русского народа за национальную независимость, против всех иноземных захватчиков, которую он вёл на протяжении многих веков своей славной истории, не раз спасая при этом не только свою независимость, но и независимость других народов Европы, как это было в период борьбы с татарскими завоевателями и с наполеоновским нашествием.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 405.
[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 80.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 401.

Белинский уважал национальные традиции и национальные особенности отдельных народов, считал необходимым их внимательное изучение, прекрасно понимая в то же время взаимосвязь в развитии всех народов, всю важность усвоения каждым народом результатов общечеловеческого прогресса. Подлинный революционный патриотизм органически сочетался в Белинском с глубоким сочувствием к борьбе всех народов против социального и национального гнёта, с пониманием общности интересов трудящихся всех стран.

Свою задачу Белинский видел в уяснении национальных особенностей в историческом развитии русского народа, определении его выдающейся прогрессивной роли во всемирной истории, оценке замечательных национальных качеств великого русского народа. Поэтому Белинский, горячий патриот своего народа, придавал первостепенное значение изучению истории России. Эти черты исторических воззрений Белинского резко отличают его от историков-либералов, пренебрежительно относившихся к русскому народу; по их мнению, государство выступало в истории России творцом прогресса, а народные массы, по циничному определению Кавелина, были лишь «этнографической протоплазмой». Этот безродный космополит, «один из отвратительнейших типов либерального хамства» [1], как называл его В. И. Ленин, находил ненужным и бесполезным определение национальных черт русского народа.

Белинский беспощадно боролся с подобными реакционными взглядами. Разоблачая измышления буржуазных либералов, выявляющие классовую эксплуататорскую природу их воззрений, Белинский писал в 1848 г.: «Люди, которые презирают народ, видя в нём только невежественную и грубую толпу, которую надо держать постоянно в работе и голоде, такие люди теперь не стоят возражений: это или глупцы, или негодяи, или то и другое вместе... Подобным мыслям следовало бы родиться только в лесах, выходить из крепколобых голов звериных» [2].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 13.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 162, 163.

Выдвигая свои новые, исключительно плодотворные идеи в истолковании исторического процесса, Белинский ещё не смог выйти за пределы идеалистического понимания истории. Однако он, как революционный демократ, сосредоточивал внимание в своих произведениях при освещении исторических явлений на вопросах, связанных с интересами народных масс. Оценка прогрессивности исторического развития определялась Белинским в зависимости от того, как и в какой мере удовлетворялись на том или ином этапе, в результате того или другого крупного исторического события интересы народа. При этом он отчётливо понимал, что полного удовлетворения интересов народных масс не было в прошлом и не могло быть в его время вследствие неравенства, нищеты и бесправия трудящихся. Коренные пороки современного ему общественного строя могли быть уничтожены, по глубокому убеждению Белинского, только в результате народной революции. Это заставляло его страстно надеяться и верить в торжество справедливости в будущем, когда народные массы вполне созреют для сознательной революционной борьбы с угнетателями за свои интересы. В революционно-демократическом истолковании исторического процесса ярко выявились исторический оптимизм и реализм Белинского, которые В. И. Ленин считал особенностью революционного просветительства [1].

Необходимо указать, что в процессе развития своих исторических воззрений Белинский испытал плодотворное воздействие ранних работ К. Маркса и Ф. Энгельса, напечатанных в «Немецко-французском ежегоднике» за 1844 г. В журнале были опубликованы статьи К. Маркса «К еврейскому вопросу», «К критике гегелевской философии права» и Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии».

В. И. Ленин указывал: «В своих статьях в этом журнале Маркс выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к *массам* и к *пролетариату*» [2].

---

[1] См. *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 484.
[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 31.

Революционная критика молодым Марксом буржуазного государства и права, критика религии, выявление её корней в самой общественной жизни, характеристика различия её форм в зависимости от различных исторических условий не могли не оказать благотворного воздействия на углубление и конкретизацию понимания Белинским исторического процесса. В этом нас убеждают высказывания в его письмах. Так, в письме к Герцену от 26 января 1845 г. Белинский писал о впечатлении, оставленном у него чтением указанных статей Маркса: «Истину я взял себе,— и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре». Вместе с тем Белинский высказывал в этом письме сожаление по поводу невозможности пропагандировать вновь усвоенную им истину. «Всё это так,— писал он,— но ведь я попрежнему не могу печатно сказать всё, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если её нельзя популяризировать и обнародовать? — мёртвый капитал!» [1]

Переход Белинского в середине 40-х годов на позиции философского материализма способствовал дальнейшему развитию и обогащению его исторических воззрений. Этот переход был неразрывно связан с углублением революционно-демократического мировоззрения Белинского и являлся одним из показателей данного процесса.

В статьях и рецензиях Белинского, написанных в последние годы его жизни, мы находим гениальные материалистические догадки в объяснении истории. Если в работах предшествующего периода Белинский переоценивал роль идей в историческом развитии, то теперь он высказывает глубокую мысль о важном значении материальных потребностей, видя в них движущую силу истории. Эта мысль отчётливо сформулирована в рецензии на учебник Смарагдова. Указывая на роль идей в общественном развитии, Белинский в данной рецензии, однако, подчёркивал, что «идеи не летают по воздуху; они расходятся по мере успехов коммуникации между обществами, а коммуникации требуют путей материальных. Отсюда великое нравственное значение, например, железных дорог, кроме

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 87.

их великого материального значения, как средства к усилению материального благосостояния обществ. Историк должен показать, что исходный пункт нравственного совершенства есть прежде всего материальная потребность и что материальная нужда есть великий рычаг нравственной деятельности. Если бы человек не нуждался в пище, в одежде, в жилище, в удобствах жизни,— он навсегда остался бы в животном состоянии» [1].

Белинский выдвигал перед историками требование уделять внимание в исторических трудах экономическому фактору и выяснять его роль в историческом развитии. В своих работах он, например, указывал на роль промышленности в общественном развитии, что, однако, не означало понимания им роли производительных сил как глубочайшей основы исторического прогресса. Успехи промышленности и торговли в истории наиболее экономически развитых стран Европы играли, полагал Белинский, бо́льшую роль, нежели войны и дипломатия [2]. В правильности этого вывода убеждал Белинского прежде всего пример Англии, где развитие промышленности является, по его словам, «основной общественной стихией... краеугольным камнем здания общества» [3].

Белинский видел и отрицательные стороны промышленного развития в условиях капитализма, однако он не был противником технического прогресса. В одном из писем к Боткину в 1847 г. Белинский писал: «Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества. Собственно, она только последнее зло в владычестве капитала, в его тирании над трудом» [4].

Являясь убеждённым сторонником технического прогресса, развития промышленности, Белинский не идеализировал отсталых патриархальных форм хозяйства и быта. Поэтому он никогда не идеализировал, например, русской общины, не видел в ней зародыша социалистических отно-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 463.
[2] См. там же, стр. 466.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 136.
[4] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 331.

шений, и в этом смысле его взгляды отличались от утопических воззрений Герцена. Придя к выводу о прогрессивности капитализма сравнительно с феодально-крепостническим строем, Белинский связывал дальнейшее развитие России с распространением в ней промышленного производства. Но капитализм, по мнению Белинского, должен быть лишь преходящим этапом в движении России к социалистическому обществу.

В приведённых суждениях нельзя не видеть его гениальных материалистических догадок в объяснении исторического развития. Отдельные материалистические догадки были высказаны Белинским и при решении вопроса о значении в истории деятельности народных масс, о роли классовой борьбы, государства и выдающихся исторических деятелей.

Самостоятельная разработка теоретических основ понимания исторического процесса и высказанные при этом по ряду вопросов гениальные материалистические догадки свидетельствуют о том, как далеко вперёд ушёл великий русский революционер-демократ сравнительно с историографией домарксова периода, которая видела в истории, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «только выдающиеся государственно-политические выступления и религиозную, вообще теоретическую, борьбу и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи вынуждена была *разделять иллюзии этой эпохи*» [1].

В последние годы своей жизни Белинский уже испытывал неудовлетворённость тесными пределами идеалистического понимания истории, его ищущая мысль начала развиваться в направлении к историческому материализму. Вот почему Белинский, обращаясь в конце своей жизни к идеалистическим западноевропейским социологическим теориям, подвергал их решительной критике. Замечательна в этом отношении критика Белинским становившихся в то время «модными» социологических воззрений Огюста Конта.

В письме к Боткину от 17 февраля 1847 г. Белинский указывал на антиисторизм Конта. «Конт,— писал он,— не видит исторического прогресса, живой связи, проходящей

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. IV, стр. 29.

живым нервом по живому организму истории человечества. Из этого я вижу, что область истории закрыта для его ограниченности». Белинскому был ясен идеалистический характер позитивистских построений Конта. Не случайно он сравнивал социологические категории Конта с категориями философии Гегеля. «Абсолютная идея, абсолютный закон,— указывал Белинский,— это одно и то же, ибо оба (термина.— *В. И.*) выражают нечто общее, универсальное, неизменяемое, исключающее случайность» [1]. Белинский понимал вместе с тем, что социологическая теория Конта пыталась теоретически обосновывать вечность и незыблемость буржуазного строя. Понятен поэтому и общий вывод Белинского в отношении Конта, опровергающий претензию последнего на создание им новой философии: «Далеко кулику до Петрова дня! Для этого нужен гений, которого нет и признаков в Конте» [2].

Гениальное открытие подлинно научной теории развития общества было сделано К. Марксом и Ф. Энгельсом — идеологами революционного пролетариата, но с их учением Белинскому не суждено было познакомиться. Самому Белинскому не удалось порвать с идеализмом в истолковании истории, перейти на позиции исторического материализма и разработать последовательную научную теорию исторического процесса.

Белинский выступал как революционный демократ, но не как пролетарский революционер. Вследствие социально-экономической отсталости современной ему России он не смог понять определяющую роль производительных сил и производственных отношений в историческом развитии, был лишён возможности понять всемирно-историческое значение пролетариата как класса, призванного к решительной и последовательной борьбе против всех форм угнетения человека человеком и способного построить новое общество на социалистических началах. Белинский не смог также разработать научную теорию классовой борьбы, он не видел, что борьба классов обусловлена господствующим способом производства, и потому не преодолел утопизма в своих воззрениях на общественное развитие. Но и те высоты, которых достиг вели-

---

[1] *В. Г. Белинский*, Письма, т. III, стр. 174.
[2] Там же, стр. 173.

кий русский революционер-демократ в объяснении истории, глубокие и плодотворные научные тенденции, содержавшиеся в его исторических взглядах, свидетельствуют о выдающемся значении Белинского в развитии революционной исторической мысли, характеризуют его как новатора в исторической науке, выступившего основоположником революционно-демократической концепции исторического процесса.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОСВЕЩЕНИЕ В. Г. БЕЛИНСКИМ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Белинский, как мы уже отмечали, формулируя своё понимание предмета и задач исторической науки, выступал как против абстрактных социологических схем, так и против описательно-фактографического метода изучения истории. В освещении вопросов отечественной и всеобщей истории он творчески сочетал конкретное и всестороннее изучение исторических явлений с их теоретическим анализом и обобщением, всегда стремясь раскрыть их внутреннее содержание и взаимозависимость, определить характер и тенденцию развития этих явлений.

Пытаясь раскрыть закономерности исторического процесса с позиций революционного демократизма, Белинский не рассматривал своих выводов в качестве отвлечённых социологических формул. Эти выводы у Белинского являлись итогом внимательного изучения исторических явлений и в свою очередь служили методологической основой для анализа исторического развития во всём его конкретном многообразии. В произведениях Белинского мы находим характеристики важнейших этапов и анализ главных проблем русской и всеобщей истории, оценки исторических событий и выдающихся общественных и государственных деятелей. Весь этот обширный материал, характеризующий энциклопедическую разносторонность

исторических интересов Белинского, даёт возможность достаточно полно изучить исторические взгляды великого революционного демократа.

Мы знаем, что интерес Белинского к тем или иным историческим вопросам определялся прежде всего условиями общественного развития России и задачами политической борьбы с идеологами антинародного самодержавно-помещичьего режима и эксплуататорских классов. Поэтому вполне естественно, что вопросы отечественной истории имели безусловно преобладающее значение для Белинского и потому занимают наиболее значительное место в его литературном наследстве (см. главу четвёртую). Однако Белинский прекрасно понимал, что история России есть неотъемлемая часть всемирной истории, что Россия играла и играет величайшую роль в важнейших событиях мировой истории и поэтому в интересах более глубокого изучения русского исторического процесса необходимо сопоставлять его с историческим развитием других народов и рассматривать в тесной связи с всемирной историей.

Обозревая основные этапы и события всемирной истории, Белинский всегда отмечал прогрессивную роль русского народа в судьбах человечества.

Существенные черты национального характера русского народа, о которых с гордостью писал и говорил Белинский, сложились в результате его многовековой творческой работы, его борьбы за свободу и независимость против иноземных захватчиков, против царизма и крепостников. Русский народ всегда играл важную роль в мировой истории, проявляя неиссякаемую энергию, огромную жизнедеятельность, стойкость и мужество в борьбе со всякими трудностями и невзгодами.

Самоотверженная и героическая борьба русского народа с внешними врагами не раз спасала народы Западной Европы от страшной участи порабощения и гибели. Русский народ не раз протягивал руку братской помощи соседним народам в тяжёлую годину бедствий и прямой угрозы истребления со стороны иноземных захватчиков.

Русский народ создал могучее государство, ставшее одним из решающих факторов политической жизни Европы в период средних веков и нового времени.

Великий русский народ, проявивший бесстрашие, мужество и высокое воинское искусство в борьбе с иноземными захватчиками, вместе с тем выступил в роли великого труженика и производителя материальных ценностей.

С исключительной стойкостью, терпением и мастерством он в борьбе с суровыми силами природы преобразовывал огромные просторы своей родины и тем самым вносил огромный вклад в развитие производительных сил человечества. Белинский особенно подчёркивал ту великую роль, которую сыграл русский народ в культурном развитии человечества. Великий революционер и патриот беспощадно разоблачал космополитические бредни либералов, игнорировавших великую прогрессивную роль русского народа в мировой истории и холопски пресмыкавшихся перед всем иностранным. Порочным и чуждым народу идеям космополитизма и низкопоклонства перед буржуазным Западом, носителями которых были либералы типа Кавелина, Боткина, Корша, В. Майкова, Белинский противопоставлял прогрессивные и благородные идеи революционного патриотизма и национальной гордости.

Отмечая прогрессивную роль русского народа в мировой истории, глубоко понимая его национальный характер и веруя в его творческие силы, Белинский пророчески предсказал, что свободная, раскрепощённая Россия встанет во главе всего прогрессивного человечества и тем самым окажет решающее влияние на весь дальнейший ход мировой истории.

Таким образом, Белинский при изучении всеобщей истории всегда отмечал выдающуюся роль России в истории человечества. С другой стороны, уроки и опыт истории человеческого общества использовались им при постановке и решении коренных вопросов русской истории и современной общественной жизни в интересах пропаганды своих освободительных идей и обоснования политической программы молодой революционной демократии. Вместе с тем в напряжённом интересе к истории западноевропейских народов и прежде всего к истории их революционной борьбы и передовой культуры выражалось чувство уважения великого русского мыслителя-революционера к историческому творчеству трудящихся масс и

передовым деятелям всех стран. Все эти причины определили значительное внимание Белинского к разработке и освещению проблем всеобщей истории. Необходимо также учитывать, что истолкование вопросов всеобщей истории имело большое значение для Белинского в его идейно-политической борьбе против славянофилов и западников.

Белинский отличался обширной эрудицией в области всеобщей истории. Кроме многочисленных указаний, содержащихся в его сочинениях и письмах, круг известной ему литературы и источников по вопросам всеобщей истории раскрывается в недавно опубликованном полном описании библиотеки Белинского[1].

Белинский был знаком с важнейшими трудами по всеобщей истории, общими курсами и учебными пособиями. Он внимательно изучал труды выдающегося историка-просветителя Т. Н. Грановского, создателя русской школы всеобщей истории. Белинскому были также известны труды иностранных историков — О. Тьерри, Ф. Гизо, Э. Гиббона, Л. Ранке и др. Некоторые из этих трудов получили критическую оценку в статьях Белинского.

Во времена Белинского изучение всеобщей истории в России ещё только начинало приобретать научный характер, и ему приходилось подвергать самостоятельному анализу многие совершенно недостаточно изученные вопросы всеобщей истории. Белинский при этом, конечно, использовал накопленный к его времени фактический материал и суждения историков — специалистов по отдельным вопросам, но отличался от последних характером своих обобщений и оценок, производившихся с позиций революционного демократизма. Он выдвигал и решал в своих произведениях наиболее злободневные как в научном, так и в общественно-политическом отношении вопросы всеобщей истории.

Из работ Белинского, специально посвящённых всеобщей истории, необходимо отметить его рецензии на учебные пособия Ф. Лоренца и С. Смарагдова, а также рецензии на сочинение Ф. де-Шампаньи «Кесари» (1842 г.),

---

[1] См. «Литературное наследство» № 55 *«В. Г. Белинский»*, М. 1948, стр. 431—572.

на книгу Ф. Ансильона «Изображение переворотов в политической системе европейских государств с исхода пятнадцатого столетия» (1840 г.). Особый интерес представляют письма Белинского, в которых он мог более откровенно и прямо излагать свои взгляды по самым острым и политически злободневным вопросам новейшей истории. Обширный материал для суждений об оценках Белинским важнейших вопросов всеобщей истории содержится в его литературно-критических статьях.

Рассматривая творчество выдающихся писателей Западной Европы, представлявших собой отдельные её народы и отразивших в своих произведениях различные эпохи, Белинский давал характеристику определённым историческим периодам и явлениям в жизни того или иного народа. Известно, что истоки своеобразия литературы каждого народа Белинский видел в особенностях его исторического развития. Применяя принцип историзма к анализу литературных явлений, Белинский как критик добивался плодотворнейших результатов. Вместе с тем углублялись и его исторические взгляды.

* *
*

Белинский принимал установившееся к его времени разделение всеобщей истории на древнюю, среднюю и новую. Кроме того, в его произведениях часто встречается уподобление истории человечества жизни отдельного человека и в соответствии с этим разделение её на «эпохи младенчества, юности и возмужалости» [1]. Эта периодизация была в основе своей идеалистической, но она вместе с тем служила Белинскому средством выражения идеи прогрессивного развития человечества. Определяя задачи всеобщей истории, Белинский в рецензии на учебник Смарагдова писал: «Задача всеобщей истории — начертать картину развития, через которое человечество из дикого состояния перешло в то, в каком мы его видим теперь. Это необходимо предполагает живую связь между современным и древним, теряющимся во мраке времён,—

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 504.

словом, предполагает непрерывную нить, которая проходит через все события и связывает их между собою, давая им характер чего-то цельного и единого... так что в них всё последующее необходимо выходит из предыдущего, а всё предыдущее служит источником последующего» [1].

В определении задач всеобщей истории и в понимании принципов её периодизации сказывалась теоретическая глубина исторических воззрений Белинского, в основе которых лежала диалектическая идея безграничного прогресса человеческого общества.

Белинский стремился раскрыть конкретное содержание отдельных периодов всеобщей истории. Он не довольствовался той абстрактной схемой саморазвития абсолютного духа, которая содержалась в «философии истории» Гегеля. В соответствии со своим пониманием предмета исторической науки Белинский, в противоположность представителям дворянско-буржуазной историографии, не удовлетворялся также тесными рамками политической истории. Изучая всю совокупность общественно-исторических явлений, всё многообразие исторической жизни, он стремился понять отличительные черты исторического развития отдельных народов — особенности их общественного строя, нравов, литературы и искусства.

Период «младенчества» человечества представляли, по Белинскому, народы Востока, Египта, древней Греции и древнего Рима, период «юности» — народы средневековой Европы и период «возмужалости» — народы Европы в новое время.

Давая характеристику древнему периоду истории человечества, Белинский писал: «Младенчество человечества в естественном состоянии выражено азиатскими народами и египтянами; в Греции человечество является уже вышедшим из пелён природы и оков естественного закона». Греция выразила уже «младенчество одухотворённого человечества» [2].

Белинский высказал своё понимание истории стран Востока и Египта в самых общих оценках, но они имеют очень важное значение для характеристики общественного содержания и теоретической глубины его историче-

---

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр 458.

[2] *В. Г. Белинский*, Соч., т. VI, стр. 250 и примечание.

ских взглядов. Он решительно выступал против «европоцентризма» Гегеля и его последователей в дворянско-буржуазной историографии, сводивших историю человечества к истории только европейских государств. Критикуя подобные взгляды, в основе которых лежала ложная теория неравноценности рас, Белинский указывал, что культура Китая, Индии и Египта, отличаясь своей глубокой оригинальностью, является более древней сравнительно с культурой Греции, Рима и других европейских стран.

В рецензии на перевод сочинения «Руководство к всеобщей истории» немецкого историка-гегельянца Фридриха Лоренца, высокомерно третировавшего Китай и Индию как страны «неисторические» и презрительно отвергавшего какой-либо вклад этих стран в развитие культуры человечества, Белинский с полным основанием заявлял, что нельзя согласиться с мнением «автора о Китае и Индии, вследствие которого эти две страны будто бы не могут и не должны иметь места в истории по причине их совершенно изолированного развития». Он спрашивал Лоренца: «Неужели такое великое явление, как Китай, велико вне истории и без всякого к ней отношения?». Давая собственную оценку истории Китая, Белинский утверждал, что в древнем Китае уже произошёл переход «из состояния семейственности... в состояние общественности, государственности». Он также отвергал мысль Лоренца об изолированности древнего Китая от других народов. «Мы скорее готовы думать,— писал Белинский,— что, по древности Китая, затеряны следы его каких бы то ни было сношений с другими народами» [1].

Столь же решительно протестовал Белинский против утверждения Лоренца о «неисторичности» Индии. В своей рецензии он раскрыл своеобразие культуры этой древнейшей страны, высказав мысль о том, что её культура предшествовала, как во времени, так и в своём содержании, культуре Египта. Вместе с тем Белинский отмечал, что Лоренц, игнорируя роль Китая и Индии в мировой истории, исходил не только из ложной концепции «европоцентризма», но и из узкого и порочного понимания самого предмета исторической науки. Автор «Руководства к

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 342.

всеобщей истории» вслед за многими историками того времени сводил историю человеческого общества к одной лишь политической истории. «Китай и Индия — страны, в высшей степени исторические»,— утверждал Белинский. И если в «Индии нет истории династий, войн, договоров, словом, истории политической», это ещё не означает, по его мнению, того, что Индия не имела истории. В ней «есть история *браминизма* и *буддизма*,— писал Белинский,— есть история искусства и литературы — и вот её настоящая, истинная история...» [1].

Таким образом, Белинский не только разоблачил «европоцентризм» Лоренца, но и показал на примере его книги ограниченность дворянско-буржуазной историографии, замыкавшейся в пределы политической истории.

Что касается истории древней Греции, то Белинский анализировал её более подробно. Это объяснялось прежде всего тем глубоким интересом, который вызывала у Белинского замечательная культура данной страны. Он тщательно изучал литературу древней Греции, её философию, искусство, а также был знаком и с другими источниками по истории античной Греции [2]. «Литература греков,— писал Белинский,— в полном значении слова, была выражением их сознания, следовательно, всей их жизни: религиозной, гражданственной, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. История греческой литературы тесно и неразрывно связана с их государственною или политическою историею» [3].

Белинский, безусловно, идеализировал общественно-политический строй древней Греции. Отчасти эта идеализация объяснялась уровнем исторической науки тех времён, слабой изученностью в тот период истории Греции. Но самый характер идеализации общественно-политического строя древней Греции у Белинского определялся особенностями его революционно-демократических воззрений. В своей статье 1841 г. «Общее значение слова литература» Белинский указывал, что в «Афинах не было равенства состояний и даже равенства просвещения и образования, зато в них не было и *черни*... масса

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 343.

[2] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 450, а также *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 526.

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 524.

афинского народонаселения состояла не из черни, а из народа. Образование греков было общественное, а поэтому всеобщее, народное, а не исключительное, в пользу одних и невыгоду других сословий»[1]. Идеализируя древнюю Грецию и республиканский Рим, Белинский противопоставлял их общественно-политический строй современной для него русской и западноевропейской действительности с её резким обострением социальных противоречий и антинародными политическими режимами.

К. Маркс неоднократно отмечал, что наиболее последовательные деятели и партии буржуазной революции идеализировали историю античной Греции и Рима, что они надевали на себя костюмы героев древнегреческой и древнеримской истории. В буржуазной революции XVIII в., писал Маркс, «воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы, а не для пародирования старой, служило... для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак»[2].

Общественно-политическая сущность взглядов Белинского на историю Греции и Рима сводилась к идее революционной борьбы за освобождение народа от гнёта царизма и крепостников. Отметим, что и в этом отношении он выступал как продолжатель традиции своих предшественников — декабристов.

Греческий народ благодаря своему демократическому общественно-политическому строю был, по мнению Белинского, счастливым народом и потому стал «народом-артистом, народом-художником», а Греция являлась «первобытной родиной изящной гуманности». Раскрывая историческое значение древнегреческой демократии, Белинский, однако, понимал, что она не может быть идеалом и пределом общественного развития, и стремился доказать возможность и необходимость более совершенного общественного строя в будущем. Он писал: «Придёт же время, когда в новом человечестве воскреснет древняя Греция, лучше и прекраснее, чем была она: Греция, прошедшая через христианство, победившая климаты, природу, прост-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 523.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, стр. 213.

ранства и время, вполне покорившая духу времени царство материи» [1].

Белинский подчёркивал особую роль Греции в древней истории человечества. «Если б можно было,— писал он,— представить океан, образовавшийся от стечения ручьёв и рек: это было бы лучшим риторическим подобием для уяснения отношений всех народов древности к Греции — и Греции ко всем народам древности, исключая римлян. Превосходство греков над всеми другими народами состоит в том, что у них всё *своё*, всё народное, частное, семейное, домашнее, было ознаменовано печатию необходимости и разумности, отличалось характером общечеловеческим» [2].

Белинский справедливо считал, что древнегреческая культура не утратила полностью своего значения и потому заслуживает тщательного изучения.

История древнего Рима была также предметом пристального изучения Белинского. Он был прекрасно знаком с источниками и сочинениями по истории древнего Рима. В библиотеке Белинского имелись произведения Цицерона [3], «Летописи» Тацита, «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря [4], «Древности иудейские» Иосифа Флавия, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, «История о войне Катилины и о войне Югурфы» Саллюстия, «Жизни двенадцати первых цесарей римских» Светония, «Всеобщая история» Марка Юстина [5] и др.

Изучение древнеримской истории по источникам

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 524—525.

[2] Там же, стр. 243.

[3] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 551. Белинский характеризовал Цицерона как великого оратора, «но характер ничтожный» (Соч., т. XII, стр. 351). Письма Цицерона к родным и друзьям Белинский считал лучшим пособием для изучения быта древнего Рима.

[4] См. там же, стр. 500, 516. Белинский давал следующую оценку произведениям Цезаря и Тацита: «Истинная латинская литература заключается в памятниках красноречия и исторических сочинениях, между которыми достаточно указать только на записки Юлия Цезаря и летопись Тацита, чтоб увидеть великое значение латинской литературы» (Соч., т. VI, стр. 294). Это замечание Белинского объясняет его особый интерес к римской исторической литературе.

[5] См. там же, стр. 458, 484, 494, 516. Особенно глубокое впечатление произвели на Белинского «Жизнеописания» Плутарха (см. оценку этого сочинения у Белинского. Соч., т. VI, стр. 245).

дополнялось у Белинского знакомством с сочинениями крупных историков. Ему была, например, известна книга Эдуарда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» [1].

Историю древнего Рима, как и историю древней Греции, Белинский воспринимал и освещал в соответствии со своими революционно-демократическими убеждениями. Поэтому вполне естественно, что своё внимание он преимущественно сосредоточил на истории республиканского Рима, в событиях и деятелях которой он видел воплощение идей гражданской свободы и патриотического служения своему отечеству. Для Белинского история Рима — это «страстное самозабвение в идее государственности, в идее политического величия своего отечества, пафос к гражданской свободе, к ненарушимости и неприкосновенности прав сословий и каждого гражданина отдельно, гражданская доблесть в цветущие времена великой республики, и гордая стоическая борьба с роком, увлекавшим к падению великую отчизну великих граждан» [2].

Белинский идеализировал римское республиканское государственное устройство, как и древнегреческую демократию. При этом он не подчёркивал со всей силой то решающее обстоятельство, что республиканский Рим, как и античная Греция, был рабовладельческим государством, что рабы — эта основная производительная масса населения — находились в бесправном положении и нещадно эксплуатировались, оставаясь за рамками демократических и гражданских свобод в Греции и Риме.

Республиканскую форму правления, демократизм и высокую общественную активность граждан Рима периода республики Белинский противопоставлял деспотизму римских императоров. «В классически строгих преданиях Римской республики» [3] он находил богатый и яркий материал для того, чтобы, преодолевая цензурные рогатки, разоблачать реакционный деспотический режим самодержавия и проводить идею революционного освобождения народа, идею свободы и демократии.

---

[1] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 451 (см. упоминание Белинского об этой книге. Соч., т. XII, стр. 297).

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 95.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, стр. 213.

В подцензурных произведениях Белинский не мог открыто и прямо провозглашать революционные идеи. В письмах он часто открыто высказывал те мысли, которым в своих произведениях был вынужден придавать эзоповскую подцензурную форму. Так, делясь с В. П. Боткиным своими впечатлениями от чтения Плутарха, Белинский в письме 27—28 июня 1841 г. писал, что книга эта «свела меня с ума» и что наибольшую симпатию у него вызвали три героя: Тимолеон и братья Гракхи. К ним он питал «любовь, обожание, энтузиазм». Далее Белинский, объясняя эти чувства, писал: «Во мне развилась какая-то дикая бешеная, фантастическая любовь к свободе и независимости человеческой личности, которые возможны только при обществе, основанном на праве и доблести... в римских биографиях душа моя плавала в океане. Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество. Без них средние века ничего не сделали бы. Я понял и французскую революцию, и её римскую помпу, над которою прежде смеялся... Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства» [1].

Белинский стремился к тому, чтобы изучение истории древней Греции и Рима служило пробуждению ненависти у молодого поколения к самодержавно-крепостническому строю, воспитанию патриотизма, любви к свободе и готовности к самоотверженной борьбе за освобождение русского народа.

В произведениях Белинского содержится много плодотворных и замечательных догадок по некоторым

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 246—247. Весьма интересно, что Белинский обратил внимание на «римскую помпу» французской буржуазной революции. Это обстоятельство глубоко объяснил Маркс, который писал: «...Как герои, так и партии и народные массы старой французской революции,— осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. I, стр. 212). Маркс при этом показал, что причина этого своеобразного явления кроется в особенностях и характере буржуазной революции конца XVIII в.

важным проблемам истории древнего Рима. Белинский отмечал первоначальное могущество этой державы, военное искусство римлян, развитие в Риме ремесла, расширение торговли, достижения римлян в области права. Что касается древнеримского искусства, то Белинский указывал на черты подражательности в нём и зависимость его от греков. Он писал по этому поводу: «Народ практический, народ меча и закона, римляне были обделены от природы эстетическим чувством» [1].

Стремясь раскрыть движущее начало римской истории, Белинский высказал глубокие мысли относительно значения классовой борьбы и классовых противоречий, которые были присущи римскому обществу.

«В Риме,— писал Белинский,— между патрициями и плебеями была вражда основательная и разумная: первые возникли и образовались из племени завоевателей, вторые — из племени побеждённого и завоёванного: вот первый исходный пункт вражды двух сословий. Далее: патриции образовывали собою правительственную корпорацию; в их руках была высшая государственная власть, они были полководцами и сенаторами, из них преимущественно выбирались консулы и диктаторы; вообще, сословие патрициев пользовалось большими правами, которые составляли часть коренных государственных законов, владели большими имениями: а народ был беден и правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законам. Наконец: патриций считал себя существом высшим плебея и гнушался вступить с ним в родство, или допускать его в своё общество. Патриций оскорблял плебея и самым превосходством своим в образовании. Всё это поддерживало борьбу, бывшую источником римской истории и причиною её колоссального развития» [2].

Из этого высказывания видно, что Белинский придерживался ошибочной точки зрения относительно происхождения классов. Но вместе с тем он совершенно правильно связывал господство патрициев с их имущественным положением и обладанием политической властью.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 294.

[2] Там же, стр. 446.

Примечательно, что Белинский отмечал в ряду причин антагонизма между патрициями и плебеями сосредоточение земельных владений в руках первых и малоземелье вторых. Следует при этом иметь в виду указание Энгельса, что борьба, происходившая в недрах Римской республики, велась в конечном счёте «из-за земельной собственности» [1]. Перед нами одно из доказательств глубокой проницательности Белинского в оценке исторических явлений.

Белинский приближался к пониманию римского государства и права как классовых или, по его выражению, сословных институтов. Он следующим образом расценивал роль права в римской истории: «*Право* было источником всех событий, всех волнений и переворотов в исторической жизни римлян, и вся история их — развитие идеи права в хронологической последовательности фактов: оно, это право, было вечным движителем и рычагом государственной и общественной жизни римлян; из него и для него длилась эта упорная борьба патрициев и плебеев, за него волновался народ и умирали Гракхи; приобщения к нему добивались побеждённые города и народы. Процесс гражданской борьбы и внешней войны почти всегда имел в Риме своим результатом — успех *права*» [2]. Идеализм исторических взглядов Белинского обусловил наличие противоречий в его высказываниях по некоторым вопросам римской истории. С одной стороны, он усматривал в классовой борьбе внутри римского общества движущую силу его исторического развития, а с другой — сама эта борьба объясняется им идеалистически, как борьба за правовые нормы.

Белинский, оставаясь на идеалистических позициях в истолковании истории, не мог понять, что «нормы гражданского права представляют собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни» [3], что «политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения» [4], как указывает И. В. Сталин, являются

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 377.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 133.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 376.
[4] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5.

надстройкой над экономическим строем общества на данном этапе его развития.

Падение могущества Римской империи Белинский также объяснял идеалистически. Белинский правильно указывал на своекорыстную политику римской знати, угнетавшей народы, подчёркивал, что могущество Рима, основанное на паразитическом высасывании всех жизненных соков из покорённых народов, не могло не завершиться грандиозным крахом этой мировой державы [1].

Но этот вывод опять-таки преломлялся через призму идеалистических воззрений. Конечной причиной падения Рима Белинский считал порчу нравов римских граждан: «Духовный образ древнего Рима являлся двойственным: доблесть, могущество, великодушие, прямота, геройство во всём, что касалось чувства национального самохранения и национальных интересов,— и всегда эгоизм, коварство и предательская политика в отношении ко всем другим народам, врагам и друзьям... Первое делало Рим достойным быть владыкой мира по праву; второе навлекло на него ненависть и проклятие мира... И это проклятие не замедлило отяготеть страшною карою над тираном царей и народов; собранные в вечном городе сокровища, омытые кровию и слезами человечества, принесли ему богатый рост: республиканская доблесть поколебалась, суровость древних нравов растлилась сибаритством, непомерно усилившаяся роскошь родила страсть к стяжанию, сделала правосудие продажным, а подкупы обратила в обычай...» [2].

По вопросу о причинах падения Римской империи Белинский высказал отдельные верные и глубокие суждения, которые в то же время сочетаются с общими идеалистическими выводами. Следует при этом заметить, что если Белинскому была свойственна идеализация республиканского Рима, то он совершенно свободен от неё

---

[1] Белинский указывал на непрочность и неизбежность гибели не только Римской империи, но и других мировых держав — держав Александра Македонского, Чингис-хана, Наполеона,— как основанных на насильственном подчинении народов, которые в борьбе за свою независимость разрушили эти державы. Это справедливое утверждение свидетельствует об исключительной глубине исторической мысли великого русского революционера-демократа.

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 351.

при характеристике императорского Рима. Более того, Белинский, как мы видели, решительно осуждал агрессивную политику императорского Рима по отношению к другим народам, на безграничной эксплуатации которых основывалось его временное могущество.

В подавлении народов, включённых силой оружия в состав Римской империи, Белинский усматривал одну из важнейших причин упадка Рима.

Другой важной причиной этого упадка Белинский считал ликвидацию республиканского строя. В рецензии на книгу Ф. де-Шампаньи «Кесари» в 1842 г. он писал: «Рим был могущ, когда гражданская свобода одушевляла сынов его и была невидимым рычагом, который двигал политическим составом его общественности. При императорах осталось одно чувство, одно побуждение, служившее и источником и связью общественной жизни: это — чувство личного самохранения на чужой счёт. Всякий губит другого, чтоб спасти себя»[1]. Напор «варварских» племён завершил то, что давно подготовлялось процессом внутреннего распада Рима, и в результате Римская империя пала.

Высказав замечательные по своей глубине мысли о социальной борьбе в древнем Риме, Белинский, однако, не понимал характера социально-экономического развития рабовладельческого общества и подлинного значения классовой борьбы в древнеримской истории. Поэтому он не мог понять и того, что в неотвратимом процессе смены рабовладельческой общественно-экономической формации феодальной лежала коренная причина падения некогда могущественной Римской империи.

История древнего Рима, по мнению Белинского, являлась своеобразным продолжением истории Греции и, будучи последним звеном истории древнего мира, она в свою очередь создала предпосылки для перехода человечества к новому этапу его развития — средневековью, представлявшему уже «юность» человечества. Взаимосвязь между различными этапами древней истории Белинский подчёркивал неоднократно. «Греция сложилась из элементов, выработанных Азиею и Египтом,— писал он в

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 358.

1848 г.,— но она переработала все эти заимствованные элементы, наложила на них печать своего национального духа, и прибавила к этому элемент, ей собственно принадлежащий... У греков у первых явились понятия об отечестве, государстве, гражданине, гражданском достоинстве... Римляне по-своему развили европейское начало, пришедшее к ним из Греции в доисторические времена, и передали его новой Европе» [1]. Так Белинский подчёркивал прогрессивное развитие человечества ещё в период древности.

В рецензии на перевод сочинений Платона Белинский писал: «Древняя Греция и Рим — страны духа, впервые освободившегося от деспотического владычества природы, представитель которого Азия. Там, на этой классической почве, развились семена гуманности, гражданской доблести, мышления и творчества; там начало всякой разумной общественности, там все её первообразы и идеалы. Правда, там общество, освободив человека от природы, слишком покорило его себе. Зато средние века уж слишком освободили его от общества и впали в другую крайность. Теперь настаёт время примирения этих двух крайностей, во имя *средних веков* и *древнего мира;* следовательно, Греция и Рим теперь ещё живут и действуют в нас, к нашему благу и нашему преуспеянию в осуществлении на деле *идеальной истины*» [2].

Перед нами пример подцензурной пропаганды Белинским его демократических и социалистических идей. Говоря о «разумной общественности», высказывая надежду на примирение «крайностей», на достижение в будущем высшего единства древнего — общественного и средневекового — личного начала, он вкладывал во все эти определения своеобразный смысл. Для Белинского утверждение этих начал в будущей «идеальной системе» означало победу принципов демократии, республики, социалистического общественного строя, обеспечивающего на деле свободу и права народным массам. Так великий революционный демократ использовал обращение к истории античного мира для пропаганды своих передовых идей.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 154.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр 393.

* *
*

Значительным был интерес Белинского к истории средних веков. Он был знаком с важнейшей научной литературой по средневековой истории. Кроме трудов Т. Н. Грановского ему были известны работа М. С. Куторги «Политическое устройство германцев до шестого столетия» и перевод П. А. Яновским «Истории немецкой империи... со времени восстановления её Карлом Великим до императора Лотария II» [1]. Белинский отозвался рецензией на книгу Леопольда Ранке «Римские папы, их церковь и государство в XVI и XVII столетиях», переведённую на русский язык [2]. Ещё ранее он был знаком с сочинениями О. Тьерри: «Рассказы о временах меровингских», «История завоевания Англии норманнами» [3].

Белинский следил за новыми успехами в изучении средних веков, а также за популяризацией знаний по истории средневековья. Он отмечал удачные опыты в этом направлении [4]. Белинский признавал также большую пользу чтения исторических романов Вальтера Скотта для живого представления о событиях и деятелях средневековой Европы [5].

---

[1] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 472, 516.

[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 319.

[3] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 568 (см. оценку О. Тьерри Белинским. Соч., т. XII, стр. 402, 456).

[4] Например, в 1838 г. Белинский отметил статью Шульгина «Папа Григорий VII и император Генрих IV» (Соч., т. III, стр. 438); в 1844 г. статью М. С. Куторги «Исторические очерки Людовика XIV» назвал одной «из лучших учёно-беллетристических статей во всей прошлогодней журналистике» (Соч., т. VIII, стр. 414); в 1845 г. одобрил исторический очерк «Людовик XV и французское общество XVIII столетия», являвшийся результатом сокращения и переработки книги французского историка-компилятора Капфига (Соч., т. IX, стр. 170—171). Среди учебных пособий по истории средних веков Белинский выделял «Руководство к познанию средней истории» С. Смарагдова, ценя его за «ясность, простоту изложения, запечатлевающуюся в памяти искусную группировку и расположение событий» (Соч., т. XII, стр. 298).

[5] Белинский неоднократно отмечал художественные достоинства романов Вальтера Скотта, ценя последние в частности за то, что они развивают у юношества *«историческое чувство,* без которого изучение истории бесплодно» (Соч., т. X, стр. 12). Белинский, преодолевая своё раннее некритическое отношение к Вальтеру Скотту, в период революционного демократизма сумел отметить социальную

Внимательно следя за изучением истории средних веков, отмечая достоинства и недостатки русских и иностранных работ, посвящённых средневековью, Белинский использовал приобретённые знания для разработки собственных взглядов по вопросам истории западноевропейского средневековья.

Особый интерес Белинского к истории средних веков вызывался тем, что он понимал непосредственную связь этого исторического периода с новой историей и мог черпать в средневековой истории обширный материал для революционной критики остатков феодальной старины в современной общественной жизни. Будучи глубоко убеждённым в прогрессивном развитии человечества, Белинский, однако, не был сторонником упрощённого представления об историческом прогрессе. Он понимал прогрессивное развитие как противоречивый, диалектический процесс. «Прогрессом может быть и то,— указывал он,— в чём вовсе нет успеха, приобретения, даже шагу вперёд; и, напротив, прогрессом может быть иногда неуспех, упадок, движение назад. Это именно относится к историческому развитию. Бывают в жизни народов и человечества эпохи несчастные, в которые целые поколения как бы приносятся в жертву следующим поколениям. Проходит тяжёлая година — и из зла рождается добро» [1]. Отправляясь от своего понимания прогрессивного характера исторического процесса, он давал определение места средних веков в истории человечества.

Белинский подчёркивал историческую неизбежность этого периода, указывая, что и в средние века зрели предпосылки для прогрессивного развития человечества. Но при всём этом Белинский как просветитель и революционный демократ уделял много внимания критике мрачных сторон средневековья, решительно выступая против его идеализации реакционерами.

ограниченность английского писателя. Итоговую оценку творчества Вальтера Скотта Белинский дал в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года», где он писал: «В романах Вальтера Скотта невозможно не увидеть в авторе человека более замечательного талантом, нежели сознательно-широким пониманием жизни, тори, консерватора и аристократа по убеждению и привычкам» (Соч., т. XI, стр. 99).

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 78

В своих замечаниях и характеристиках, посвящённых средним векам, Белинский подчёркивал упадок просвещения и культуры в этот период сравнительно с древним миром, подавленность личности церковью, преследование свободной мысли, ужасы инквизиции, необузданное своеволие феодалов, полное бесправие угнетённых народных масс. В этом смысле Белинский писал, что средние века были эпохой «дикого невежества, кровавых войн, беспорядка и смешения» [1].

Критика Белинским мрачных сторон средневековья была весьма актуальной и приобретала в русских условиях 40-х годов XIX в. характер обличения самодержавно-крепостнического строя и выступления в защиту угнетённого русского народа.

Белинский рассматривал средневековье как период расцвета феодальных отношений. В статье «Древние Российские стихотворения» (1841 г.) Белинский писал: «Феодализм вышел из системы завоевания: целый народ двигался на завоевание другого народа; покорив его, основывался, делался оседлым на завоёванной земле. Так как у завоевателя личную силу давало не рождение, а храбрость и заслуга, то избранный главою войска брал себе часть завоёванной земли, а всё остальное делил на участки между своими сподвижниками. Отсюда произошли бесчисленные следствия, без сознания которых не может быть объяснена даже современная нам история Европы... Завоёванный же народ, по праву завоевания, делался собственностью, рабом завоевателя, кроме, разумеется, людей высшего сословия, которым политика завоевателей предоставляла равные права, на условии покорности. Из этого положения возникла борьба, результатом которой было разумное развитие. Завоёванный народ, питая ненависть к завоевателю, образовывал собою самостоятельный элемент государственной жизни,— и борьба не переставала ни на минуту» [2].

Взгляд Белинского на образование классов в Западной Европе в результате завоевания, конечно, неверен. Но он совершенно справедливо подчёркивал важную роль

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 459.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 373.

классовой борьбы в истории средневековой Западной Европы, приближаясь к пониманию её значения как движущего начала исторического развития.

Среди событий средневековой истории Европы Белинский выделял крестовые походы. Развёрнутую характеристику крестовых походов Белинский дал в 1845 г. в рецензии на перевод «Краткой истории крестовых походов». Здесь он рассматривал крестовые походы как событие, ярко отразившее важнейшие черты средневековья. Белинский называл крестовые походы «великим, странным, огромным, диким, фантастическим и сумасбродным событием, вполне достойным невежества и варварства средних веков». Белинский одобряет переводчика, подвергшего книгу основательной переработке, за то, что он «яркими красками изображает невежество, своекорыстие, разврат, неверие, смешанное с диким фанатизмом, зверство, жестокость и кровожадность рыцарей гроба господня». Далее Белинский приводит мнение переводчика относительно роли пап в организации крестовых походов: «Главную причину этого события видит он преимущественно в хитрой и своекорыстной политике пап, для которых крестовые походы явились прекрасным средством отделаться от многих государей, опасных их самовластью, и, следовательно, средством к увеличению влияния, силы и преобладания престола наместников св. Петра над властями светскими». Белинский соглашается с этим мнением. Итоговая же оценка переводчиком исторического значения крестовых походов совпадала с собственным мнением Белинского по данному вопросу. «Но что всего лучше,— писал Белинский,— переводчик *Истории крестовых походов* видит в этом невежественном событии великий шаг вперёд со стороны человечества на пути к эмансипации от невежества; видит в нём причину падения папского авторитета, следовательно, видит *прогресс*. Вспомним,— добавляет от себя Белинский,— что крестовые походы кончились в конце XIII столетия, а в конце XIV явился Виклеф, в начале XV Иоанн Гусс, а в последней половине того же XV столетия родился Лютер, выступивший на своё великое дело в начале XVI века (1517)...» [1].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 371.

Характеризуя историю Западной Европы, Белинский придавал важное значение благоприятной международной обстановке, в которой протекало историческое развитие западноевропейских государств. Как Пушкин, а впоследствии Герцен и Чернышевский, Белинский справедливо полагал, что героический русский народ, принявший на себя всю тяжесть длительной и напряжённой борьбы с татарскими завоевателями, спас тем самым народы Западной Европы от варварского татарского ига. Выдающуюся роль сыграл великий русский народ и в борьбе с турецкой опасностью, грозившей западноевропейским народам в XV—XVII вв. Всё это обеспечило народам Западной Европы условия для прогрессивного общественного и государственного развития и создания ими выдающихся культурных ценностей в эпоху Возрождения и в последующий период. В борьбе с татарскими и турецкими завоевателями Белинский, как и все революционеры-демократы и передовые деятели России, видел яркое доказательство прогрессивной роли великого русского народа в мировой истории.

Белинский отмечал большую роль изучения античной истории и культуры, широко развернувшегося в эпоху Возрождения, для идеологической подготовки реформации. «Изучение классической древности,— писал он,— преобразовало Европу, свергло тысячелетние оковы с ума человеческого, способствовало освобождению от инквизиции и тому подобных человеколюбивых и кротких мер к спасению душ. Законодательство римское заменило в новейшей Европе феодальную тиранию...» [1].

Создание мощных централизованных государств Белинский считал прогрессивным явлением в истории средневековой Европы. Указывая на последствия крестовых походов, он отмечал ослабление авторитета римских пап, что было одним из условий усиления власти светских государей. Важнейшим фактором укрепления централизованных государств в Европе он считал победоносный исход борьбы королевской власти с децентрализаторскими стремлениями крупных феодалов. В создании централизованных государств и ликвидации феодальной раздробленности Белинский усматривал показатель перехода к

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 393.

истории нового времени. Белинский именно с этой точки зрения оценивал деятельность французского короля Людовика XI, которого он сравнивал с Иваном Грозным, подчёркивая при этом, что вся деятельность как того, так и другого сводилась к борьбе за создание единого, централизованного государства. «В характере и действиях Людовика XI,— писал Белинский в 1841 г.,— выразился дух эпохи, конец средних веков и начало новейшей истории Европы»[1]. Белинский отмечал также значение борьбы за централизацию Франции со стороны кардинала Ришелье, который «сокрушил феодализм и приуготовил монархию Людовика XIV»[2].

В процессе создания централизованных государств важную роль сыграла борьба классов, в которой Белинский усматривал движущую силу исторического развития. Белинский полагал, что без учёта классовой или, по его терминологии, сословной борьбы не может быть объяснена новейшая история Европы. Она явилась итогом предшествующего многовекового развития, которое протекало в напряжённой борьбе классов. «Феодализм (Белинский имеет в виду крупных феодалов как носителей децентрализаторских стремлений.— *В. И.*) боролся с королевскою властию,— указывал он,— и, побеждённый ею, ограничил её, явившись аристократиею, среднее сословие боролось и с феодализмом и с аристократиею; демократия — с средним сословием»[3].

Говоря о причинах постепенной ликвидации феодальных отношений, Белинский ещё более подробно и с замечательной глубиной характеризует процесс классовой борьбы, протекавший в истории западноевропейских государств. «Возникновение городов и среднего сословия было первым шагом к изменению этих отношений,— писал он.— Ещё прежде завязалась борьба между государями и феодалами, борьба, бывшая не случайностью, а естественным результатом положения дел, и необходимая для сформирования государства в единое политическое

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 123

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 123.

[3] Там же, стр. 345.

тело. Монархизм нашёл себе естественного союзника в городах, города — в монархизме, и оба они стали грудью против рыцарства, до тех пор, пока рыцарство, переродившееся в аристократию, или вельможество, снова не явилось естественным союзником монархизма, и только в другом виде, но всё прежним врагом и среднего сословия и народа»[1]. Развитие средневекового общества, обусловленное борьбой сословий, разгоравшейся внутри него, в конечном счёте и привело феодализм в Западной Европе к крушению.

Не ограничиваясь анализом внутренних процессов в развитии западноевропейских государств в эпоху средневековья, Белинский дал содержательную оценку характера многочисленных кровавых и опустошительных войн той эпохи. Он подчёркивал губительность завоевательной политики западноевропейских государей, стремившихся усилить свою власть путём захватов территорий соседних стран. Эта политика агрессии и войн, проводимая под предлогом борьбы за восстановление и сохранение «равновесия» в Европе, приносила народным массам страдания, бедствия и разорение.

Белинский упрекал историка Смарагдова за то, что «на мечту о политическом равновесии Европы он смотрит, как на что-то важное по своему принципу и своим результатам». В действительности же, по мнению Белинского, «это было не более, как мечта, державшая государства Европы в беспрерывном напряжении их сил. Лучшее доказательство в том, что результатом целого ряда кровопролитных войн за равновесие вышло совершенное неравновесие, и что первостепенные державы, каковы, например, Испания и Швеция, низошли на разряд второстепенных, а второстепенные, как Англия и Пруссия, возвысились на степень первостепенных»[2].

Белинский указывал на те страдания, которые несут завоевательные войны народным массам, подчёркивал неизбежность борьбы угнетённых народов против своих поработителей. Он писал: «Нарушение равновесия видели не в успехах промышленности, торговли, просвещения, а

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 374.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр 466.

в расширении владений, тогда как оно-то самое и было причиною расслабления *внешним образом* усиливавшегося государства: ибо соединение под одною властью разнородных и часто враждебных друг другу земель только умножало издержки на содержание войск в приобретённой стране и не давало в вознаграждение никаких существенных выгод, не говоря уже о том, что вовлекало в кровопролитные войны с завистливыми чуждыми государствами» [1].

Таким образом, обращение к истории средних веков Белинский использовал и для решительного осуждения завоевательных, несправедливых войн, несущих страдания и гибель народным массам и обогащающих их угнетателей.

Характеристика Белинским средних веков отличалась, как мы видим, многосторонностью. Он, раскрывая мрачные стороны этого периода в истории человечества, решительно отвергал идеализацию средневековья реакционерами, считая, что не может быть возврата к средневековым порядкам. Вместе с тем Белинский оценил прогрессивные черты в истории средневековой Европы, что является иллюстрацией его понимания процесса прогрессивного развития человечества на всех этапах истории. «Каждый век вытекал из другого и один был необходимым результатом другого» [2],— утверждал Белинский. Такое понимание средневековой истории Европы Белинским противостояло упрощённому пониманию её у французских просветителей, в частности у Вольтера, считавших средние века каким-то пробелом в историческом развитии человечества, плодом невежества и заблуждений.

Ф. Энгельс, осуждая антиисторический подход к оценке средневековья, писал: «На средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории... Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, великие жизнеспособные нации, образовавшиеся там в соседстве друг с другом, наконец, огромные технические

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 466.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 505.

успехи XIV и XV веков. А тем самым становился невозможным правильный взгляд на великую историческую связь...» [1]. Глубокий историзм Белинского исключал подобное, подвергнутое критике со стороны Энгельса, ошибочное представление. Он понимал преемственную, последовательную связь исторических периодов, оставаясь при этом на идеалистических позициях в понимании определяющих причин исторического прогресса. «Долг нашего века,— писал Белинский,— ни над чем (в прошлом.— *В. И.*) не смеяться, но всё сознать объективно, всему указать своё место в ряду явлений, всему отдать должную справедливость» [2].

Говоря о переходе от средневековья к новому времени — от «юности» человечества к его «возмужалости»,— великий русский революционер-демократ указывал на крупнейшие исторические явления, подготовившие знаменательный перелом в истории человечества. «Рыцарство уже отжило свой век и падало, уступая развитию новой гражданственности, возвышению среднего сословия и городов,— писал Белинский в рецензии на книгу Ф. Ансильона.— Открытие Америки, изобретение пороха и книгопечатания довершили падение первого и торжество второй. Средние века кончились — настал новый великий период жизни человечества» [3].

* *
*

Новая история, по мнению Белинского, «должна обнимать собою только время от конца XV в., или от открытия Америки, до конца XVIII века, или до французской революции, которая начинает собою *новейшую* историю, так же точно относящуюся к новой, как новая — к средней» [4].

Из всех периодов истории человечества период нового времени в 30—40-х годах XIX в. был наименее изучен. Исключительное обилие самых разнообразных материалов находилось в резком несоответствии с почти полным отсутствием серьёзных обобщающих трудов. В России

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, стр. 355.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 386.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 230.
[4] Там же, стр. 465.

изучение новой истории едва начиналось. Реакционные историки освещали эти события в духе официальной монархической идеологии. Положительная оценка революционных событий этого периода была невозможна благодаря цензурным препятствиям.

Белинский же именно к истории нового времени проявлял преобладающий интерес. Изучение нового времени давало ему наиболее широкие возможности для развития и обоснования своей революционно-демократической программы.

Белинский на материале древней и средневековой истории проводил идею прогрессивности и противоречивости исторического процесса. Ещё более обильный, яркий и общественно-актуальный материал для этого давала история нового времени, которая была наполнена крупнейшими революционными событиями, влиявшими на общественно-политическое развитие стран Западной Европы, военными столкновениями, исход которых иногда решал судьбу многих народов, а также национально-освободительными движениями. В новое время деятельными участниками политической борьбы выступали народные массы, выдвигавшие требования об удовлетворении своих интересов.

Так как новая история непосредственно смыкалась с современностью, истолкование её событий становилось ареной наиболее ожесточённой идеологической борьбы. Идеологи пришедшей к власти западноевропейской буржуазии, напуганные выступлениями рабочих (лионские восстания, восстание силезских ткачей), испытавшие страх перед нарастанием революции накануне 1848 г., замазывали характер, остроту и историческое значение социальных противоречий и классовой борьбы, присущих капиталистическому обществу.

Белинский придавал большое значение изучению революционного опыта Западной Европы и лучших достижений её передовой общественной мысли в интересах определения путей и средств борьбы за освобождение русского народа от самодержавно-крепостнического гнёта. Указанная задача приобретала особенно важное значение в процессе осмысления Белинским причин неудачи восстания декабристов и уяснения роли народных масс в качестве основной революционной силы,

способной коренным образом преобразовать социально-политический строй страны.

Период 40-х годов явился, как указывал В. И. Ленин, исходным этапом исканий передовой революционной теории в России, начатых Белинским и Герценом. Как мы знаем, В. И. Ленин высоко оценивал историческое значение этих исканий идеологами русского революционного движения.

Революционная теория выковывалась прежде всего в горниле революционной борьбы в самой России, на основании собственного исторического опыта. Вместе с тем деятели русского освободительного движения внимательно, творчески и критически изучали опыт революционной борьбы других народов и передовую западноевропейскую общественную мысль. В своих исканиях правильной революционной теории они проявили невиданный героизм, невероятную энергию и беззаветность, о чём с глубоким уважением и чувством революционной гордости писал В. И. Ленин в замечательной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» [1].

Стремясь к усвоению революционного опыта Западной Европы, Белинский, естественно, должен был сосредоточить своё внимание именно на истории нового времени, как периоде наиболее острых классовых столкновений и борьбы различных политических направлений. Белинский указывал, что «новая история по преимуществу есть пробный камень всякого исторического таланта: в ней более, чем в древней и средней, должны обнаружиться все симпатии, верования, всё беспристрастие и, вместе с тем, весь энтузиазм, вся живая человеческая сторона историка» [2].

Белинский не мог в своих статьях прямо и открыто давать оценку и развёрнутую характеристику революционных событий конца XVIII и начала XIX в., происходивших в Западной Европе. Он вынужден был преодолевать препоны и рогатки николаевской цензуры, чтобы довести до читателя свои взгляды и идеи. Поэтому при анализе взглядов Белинского на явления и события новой

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 31, стр. 9.

[2] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 447.

истории Европы его письма часто могут служить ключом к пониманию подцензурных текстов.

Наибольшее внимание Белинского среди событий истории нового времени привлекала буржуазная революция во Франции конца XVIII в. Ещё в 30-х годах Белинский приветствовал насильственное свержение изжившего себя реакционного феодального режима во Франции, указывал на историческую неизбежность якобинского террора и в якобинцах видел самых деятельных и последовательных революционеров того времени. В этом отношении показателен спор Белинского в Прямухине в 1836 г. с отцом М. А. Бакунина, осуждавшим французскую буржуазную революцию. Белинский в этом споре выступил защитником Робеспьера и якобинцев. Важно отметить, что уже в этих ранних суждениях Белинский поднялся выше декабристов, как известно, осуждавших деятельность якобинцев.

В период своих «примирительных» настроений Белинский временно стал на точку зрения осуждения французской буржуазной революции. Однако в 40-х годах великий русский революционный демократ последовательно отвергал как реакционно-аристократическое отрицание прогрессивного исторического значения этой революции, так и упрощённое представление о её «неожиданности». Наоборот, в духе своего понимания исторического процесса как закономерного, в котором «великие исторические события не являются случайно или вдруг, сами из себя или (что всё равно) из ничего, но всегда бывают необходимыми результатами предшествовавших событий» [1], Белинский полагал, что французская буржуазная революция была подготовлена предшествовавшим историческим развитием Франции. Необходимость решительных преобразований понимали французские просветители задолго до революции, и не случайно они сыграли важную роль в её идеологической подготовке. В рецензии на книгу французского историка Капфига «Людовик XV и французское общество XVIII столетия» Белинский писал: «Капфиг... хотел во что бы то ни стало, представить его (Людовика XV.— *В. И.*) и мудрым и славным, взвалив всю вину на энциклопедистов; но очевидная и вопиющая истина фактов невольно заставила его достичь совсем

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 352.

другого результата. Из них ясно, даже в книге Капфига, что царствование Людовика XV было колыбелью революции... тогда как энциклопедисты виноваты только в том, что они печатно высказали всё, что все и каждый думали про себя и говорили вслух» [1].

Белинский решительно подчёркивал прогрессивное значение французской буржуазной революции, нанесшей сокрушительный удар феодализму. Деятели, подготовившие и осуществившие революцию, привлекали глубокую симпатию Белинского. «В истории мои герои,— писал он,— разрушители старого — ...Вольтер, энциклопедисты, террористы... Мне отраднее кощунства Вольтера, чем признание авторитета религии, общества, кого бы то ни было! Знаю, что средние века — великая эпоха, ...но мне приятнее XVIII век — эпоха падения религии: в средние века жгли на кострах еретиков, вольнодумцев, колдунов; в XVIII — рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам бога, разума и человечности» [2]. Для Белинского XVIII век был временем ускоренного общественного развития. «Этот умнейший и величайший из всех веков был особенно страшен для средних веков» [3],— писал он.

В классовой борьбе, развернувшейся в период французской буржуазной революции, Белинский видел яркое выражение противоречивости исторического процесса. Характерно при этом, что революционно-демократическое существо убеждений Белинского выявлялось в его симпатии к передовым политическим течениям. В его письмах мы находим сочувственные оценки деятельности якобинцев и их вождей — Марата, Робеспьера и Сен-Жюста, в которых он видел последовательных революционеров, а в их поражении усматривал причину ограниченных результатов, которых достигла революция. В 1841 г. Белинский писал В. П. Боткину: «Я понял... французскую революцию... Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом». Характеризуя свои собственные революционные настроения, Белинский заявлял: «Я начинаю любить

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 170—171.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 267.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 240.

человечество маратовски»[1]. Он решительно отвергал осуждение Т. Н. Грановским якобинского террора как «ненужной крайности» и не одобрял его приверженности к умеренному буржуазному течению жирондистов. Давая собственную оценку вождям якобинцев Робеспьеру и Сен-Жюсту, Белинский писал в 1842 г.: «Дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство божие (Белинский здесь иносказательно говорит о социалистическом обществе.— *В. И.*) утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов»[2].

Во французской буржуазной революции Белинский видел исторический пример того, как сокрушается революционным натиском народа феодально-крепостнический строй, и считал её уроки глубоко поучительными для борьбы с самодержавием и крепостничеством в России. В отношении Белинского к революции во Франции конца XVIII в. со всей определённостью выявилась принципиальная противоположность его революционно-демократических убеждений взглядам как славянофилов, видевших в революционном движении показатель «гниения» Западной Европы, так и взглядам буржуазных либералов-западников, осуждавших революционные средства борьбы.

Понимая прогрессивное историческое значение буржуазной революции во Франции, подорвавшей устои феодализма в стране, Белинский был далёк от идеализации её результатов. Он указывал, что этими результатами воспользовалась буржуазия, а не народные массы, совершившие революцию. Он видел, что буржуазия, сначала отдавшая власть Наполеону и затем временно оттеснённая от власти при Бурбонах, вновь взяла её в свои руки в результате революции 1830 г. и использовала свою власть для эксплуатации и порабощения народных масс, которые совершили и эту революцию.

Белинский не случайно при освещении событий нового времени уделял особое внимание истории Франции. Во Франции классовая борьба развёртывалась в наиболее

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т II, стр 246, 247.

[2] Там же, стр. 305.

острых и открытых формах, оказывая сильнейшее влияние на общественно-политическое развитие других стран Европы.

Франция в период господства Наполеона стала очагом агрессии и войн в Европе. В освещении истории наполеоновской империи, принесшей народам Европы, в том числе и французскому народу, порабощение и муки кровавых войн, Белинский был менее стеснён цензурными преследованиями и поэтому смог довольно подробно осветить в своих произведениях эту эпоху. Интерес к военно-политическим событиям начала XIX в. у Белинского тесно связывался с его преобладающим вниманием к истории России. Он подчёркивал прогрессивную роль России в мировой истории, ярко проявившуюся в Отечественной войне 1812 г., когда великий русский народ совершил всемирно-исторический подвиг, разгромив армию французских захватчиков, возглавляемую Наполеоном, разрушил его империю и сорвал его авантюристические планы мирового господства, освободив тем самым народы Западной Европы от наполеоновского ига.

Белинский осветил в своих произведениях причины возвышения и катастрофического падения Наполеона. Развёрнутую оценку режима и политики Наполеона он дал в рецензии на русский перевод книги французского буржуазного историка Тьера «История консульства и империи». В этой рецензии, написанной в 1846 г., Белинский прежде всего подчёркивал, что он не считает сочинение Тьера научным исследованием, а расценивает его, как «произведение чисто беллетристическое». Осуждая апологетическое отношение буржуазного реакционного историка Тьера к Наполеону, характерное для всей французской буржуазной историографии, Белинский писал, что после смерти императора во Франции «началась эпоха какого-то идолопоклоннического восторга к Наполеону... Франция забыла бедствия, которыми он терзал её столько времени, забыла тёмные пути, которыми этот сын судьбы пробрался к владычеству — всё забыла!.. Он стал героем, полубогом!»[1].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 38—39. Характерно, что и ранее, в 1843 г., Белинский писал о «военном терроризме Наполеона», о конскрипции, «которая лишила Францию цвета молодого народона-

Белинский отмечал, что в его время «число обожателей и восторженных поклонников Наполеона со дня на день уменьшается, а безотчётные фразы о его безупречном величии остались на долю только крикунам и фразёрам». Белинский ярко охарактеризовал способы, которыми Наполеон добился власти. Отвечая на вопрос: «Как возвысился Наполеон? Одним ли своим гением?», Белинский решительно заявлял: «Нисколько! При всём своём гении он недалеко бы ушёл, если бы не одарён был от природы весьма гибкою, уступчивою и сговорчивою совестью». Доказывая это конкретными фактами, Белинский с негодованием отмечал жестокость Наполеона и неразборчивость в средствах для достижения своих честолюбивых замыслов. «Сколько было в душе и сердце Наполеона уважения к правам человечества и законности,— это он вполне показал, расстреляв герцога Энгиенского и, в египетском походе, велев умертвить четыре тысячи турков, которых по договору, им же утверждённому, он должен был выпустить из Яффы живыми и невредимыми... Нарушать святость договоров Наполеон считал делом высшей политики и высшей мудрости». При этом Белинский саркастически замечает, что «о нарушении же договора г. Тьер *беспристрастно* умалчивает» [1].

Белинский гневно осуждал эгоизм Наполеона, его властолюбие и деспотизм. Он подчёркивал полный крах завоевательных планов Наполеона. «В самом деле, чего он хотел? Сделать Францию могущественнейшею землёю в мире, чтоб, опираясь на её порабощении, самому деспотически властвовать над всем миром, ругаясь над народным правом и упрочить это владычество за своею династиею. А чего достиг он? — Разорения, обезлюдения и позора Франции, а себе — тюрьмы на бесплодной скале Атлантического океана».

Правильно отмечая, что политика Наполеона была чужда интересам народных масс Франции, Белинский не понял классового существа этой политики. Он не видел в Наполеоне выразителя интересов французской крупной буржуазии, но связывал его деятельность с «духом

селения, принесённого в жертву молоху ненасытного честолюбия» (Соч., т. VIII, стр. 346).

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 39—40.

времени», считая Наполеона орудием исторической необходимости: «Дух времени воспользовался им, сколько было ему надобно, и потом бросил его как уже ненужное орудие,— и тщетно тогда развёртывал он всю силу своего гения, всю неистощимость своих титанических сил и средств — ничто не помогло, и он пал...» [1].

В своей рецензии Белинский дал убийственную характеристику автору книги — Тьеру, показал отвратительный облик этого будущего главы правительства национальной измены, который при помощи Бисмарка подавил Парижскую Коммуну. Белинский видел в Тьере типичного представителя буржуазии. Он подчёркивал в Тьере полнейшую аморальность, претензию на руководящую роль в политике, его стремление путём возвеличения Наполеона разжечь военный психоз. «Г. Тьер — великий воитель, истинный Наполеон в карикатуре,— иронически писал Белинский,— и будь он опять министром, в Европе запылало бы пламя войны, при зареве которого г. Тьер выгодно играл бы на бирже в ажиотаж». Указав, что возвеличить деятельность Наполеона Тьеру не удалось, Белинский замечает по адресу последнего: «Нет ничего опаснее для оправдания дурных дел исторического лица, как апологист, которого нравственные убеждения составились и укрепились на бирже, в министерских и в палатных интригах» [2].

В оценке Белинским Тьера проявилось его резко отрицательное отношение к буржуазии, как к господствующему классу в странах Западной Европы. Пороки Тьера, по глубокому убеждению Белинского, являлись не только личными качествами, присущими ему одному, но органическими пороками, свойственными буржуазным государственным деятелям и буржуазным идеологам. Характеристика Белинского оказалась чрезвычайно прозорливой и меткой. Именно эти качества предопределяли национальное предательство Тьера в 1871 г., измену Франции со стороны его прямых потомков — Петена, Лаваля — в 1940 г., а также Плевена, Жюля Мока, де Голля, Бидо и им подобных, продающих и предающих Францию в наши дни американским империалистическим колонизаторам. Стремление к наживе и к удержанию власти в своих

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 40.
[2] Там же, стр. 40—41.

руках, классовые интересы эксплуататоров и страх перед народом превращают буржуазию во врага трудящихся масс и в предательницу национальных интересов.

Суждения Белинского о предательстве буржуазией интересов народа сложились на основе изучения им событий 1830 г. во Франции, когда буржуазия грубо обманула народ, совершивший революцию. Глубокую оценку революции 1830 г. Белинский дал в 1844 г. в рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны». К этому времени для Белинского было совершенно ясно, что плодами революции, совершённой народом, целиком воспользовалась французская буржуазия.

Белинский, оценивая июльские события 1830 г. в Париже, писал: «Королевскими повелениями в 1830 году была изменена французская хартия; рабочий класс в Париже был искусно приведён в волнение партиею среднего сословия (bourgeoisie). Между народом и королевскими войсками завязалась борьба. В слепом и безумном самоотвержении народ не щадил себя, сражаясь за нарушение прав, которые нисколько не делали его счастливее». Когда дело было кончено, буржуазные политиканы тотчас «повыползли из своих нор и по трупам ловко дошли до власти, оттёрли от неё всех честных людей и, загребая жар чужими руками, преблагополучно стали греться около него, рассуждая о нравственности. А народ, который в безумной ревности лил свою кровь, ...что же выиграл себе этот народ? — Увы! тотчас же после июльских происшествий этот бедный народ с ужасом увидел, что его положение не только не улучшилось, но значительно ухудшилось против прежнего». Белинский гневно заклеймил предательство и лицемерие буржуазии, указывая: «А между тем вся эта историческая комедия была разыграна во имя народа и для блага народа!» [1].

В этой статье, гениальной по глубине анализа июльской революции 1830 г. и замечательной своим гневным пафосом обличения предательского поведения буржуазных политиканов, с особой отчётливостью обнаружились сила теоретической мысли Белинского и его натура страстного революционера-демократа.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 470, 471.

Белинский дал также меткую характеристику отношений между буржуазией и трудящимися, утвердившихся после революции 1830 г. Он разоблачил мнимое «равенство», которое превозносили идеологи буржуазии, чтобы прикрыть неприглядную эксплуататорскую сущность буржуазных отношений. «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом..., но беда в том,— писал Белинский,— что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот даёт ему работу и произвольно назначает за неё плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник с этой платы берёт 99 процентов на сто... Хорошо равенство!.. Собственник... смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода» [1].

Великий русский революционер-демократ гневно и беспощадно осуждал буржуазный строй и буржуазию как господствующий класс, установивший режим нищеты и бесправия трудящихся. С исключительной проницательностью и глубиной, с революционной страстностью и непримиримостью он раскрыл и показал внутреннюю гнилость и отвратительность буржуазного строя в отрывке из статьи «Парижские тайны», изъятом царской цензурой, но оказавшемся напечатанным в переводе статьи, помещённом в одной из немецких газет и недавно обнаруженном советским исследователем А. Дубовиковым.

Характеризуя ненавистный революционеру-демократу облик человека-собственника, одержимого «злым гением стяжательства», Белинский писал в этом отрывке: «Вся его жизнь — это непрерывная азартная игра, постоянный крик va banque! Ажиотаж, оппозиция в палате, подкуп избирателей, покровительство эфемерной власти, от которой зависит раздача выгодных должностей — всё это зелёный стол, на который он ставит свой капитал. Неутолимая жажда собственности, ненасытный волчий голод

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 471.

по золоту составляет единственный пафос в жизни богачей, которые всегда хотят стать ещё богаче; так называемые «таланты» (адвокаты, учёные, литераторы), у которых ещё нет капитала, стремятся только к одному — обогатиться, а если они уже богаты — стать ещё богаче. Отсюда можно сделать заключение о нравственном уровне общества. Там всё продажно, от голоса до совести, там нет никакой другой веры кроме веры во **власть денег**»[1].

В письмах Белинского мы также находим полную глубокого презрения и негодования характеристику торгаша-буржуа, живущего лишь интересами наживы. «Торгаш,— писал Белинский В. П. Боткину в декабре 1847 г.,— есть существо по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное, ибо он служит Плутусу... Торгаш — существо, цель жизни которого нажива; поставить пределы этой наживе невозможно. Она, что морская вода: не удовлетворяет жажды, а только сильнее раздражает её. Торгаш не может иметь интересов, не относящихся к его карману. Для него деньги не средство, а цель, и люди — тоже цель; у него нет к ним любви и сострадания, он свирепее зверя, неумолимее смерти, он пользуется всеми средствами, детей заставляет гибнуть в работе на себя, прижимает пролетария страхом голодной смерти... снимает за долг рубище с нищего, пользуется развратом, служит ему, и богатеет от бедняков... Торгашу недоступны никакие человеческие чувства»[2].

Великий русский революционер-демократ понял всю фальшь и лицемерие буржуазных правителей Америки, которые, прикрываясь лживыми фразами о демократии, обогащались за счёт жестокой эксплуатации трудящихся. Белинский понял характер социального строя Америки и вслед за Радищевым и декабристами беспощадно разоблачал американских торгашей, использующих власть для обмана народа и для своего обогащения. «Моя застоявшаяся, сгустившаяся от тины и паутины, но ещё не охладевшая, кровь,— писал он,— кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей»[3].

---

[1] «Литературное наследство» № 56, т. II, М. 1950, стр. 489.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 329.
[3] *В. Г. Белинский,* Письма, т. I, стр. 114.

Таким образом, Белинский более ста лет тому назад разоблачил подлинное лицо лживой американской демократии, прикрывавшей гнусные дела американской буржуазии, пытающейся ныне в погоне за максимальной прибылью превратить весь мир в арену разбоя, грабежа и насилия.

Сочувствие Белинского было на стороне угнетённых, в них он видел воплощение лучших человеческих качеств. Поэтому великий русский революционер-демократ беспощадно разоблачал хищничество буржуазии, бичевал её пороки От критики моральных качеств представителей буржуазии Белинский поднимался до признания необходимости решительной борьбы с буржуазным эксплуататорским строем.

В своей критике капиталистических отношений Белинский использовал разоблачение пороков буржуазного строя социалистами-утопистами Западной Европы. В процессе напряжённых исканий правильной революционной теории и связанного с этим критического освоения достижений передовой западноевропейской общественной мысли Белинский изучал воззрения великих социалистов-утопистов Сен-Симона и Фурье. Он был также знаком с произведениями Кабе, Пьера Леру, Луи Блана. Однако Белинский стоял на голову выше социалистов-утопистов Западной Европы, и его воззрения существенно отличались от воззрений последних. Черты отличия находили своё выражение в более глубоком понимании Белинским происхождения буржуазных отношений, их преходящего характера и, что самое важное, в твёрдой убеждённости в исторической неизбежности революционной ликвидации этих отношений.

Белинский не считал буржуазные отношения и господство буржуазии исторической случайностью. «Я понимаю,— писал он,— что буржуазия явление не случайное, а вызванное историею, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела своё великое прошедшее» [1]. Белинский не соглашался с упрощёнными представлениями по данному вопросу Луи Блана, который не понимал различия между буржуазией, борющейся за власть, и буржуазией торжествующей, пришедшей к власти. Белинский отмечал, что утверждение капитализма

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 327—328.

для своего времени означало движение вперёд сравнительно с феодализмом. Но он беспощадно критиковал политику победившей буржуазии, использующей свою власть для эксплуатации народных масс. В этой критике великий русский демократ поднялся выше социалистов-утопистов Западной Европы.

Белинский писал, что современный для него капиталистический век — «вовсе не рыцарь, не думает нисколько ни о добродетели, ни о морали, ни о чести и весь погружён в *приобретение* или, как у нас ловко выражаются, в *благоприобретение*... Он... ухватился за принцип собственности, впился в него душою и телом и развивает его до последних следствий, каковы бы они ни были». Белинский вместе с тем проницательно заметил, что пришедшая к власти буржуазия использует в своих интересах некоторые остатки феодализма и что капиталистический век, таким образом, прочно связан с прошлым: «Из старой морали и из всего, чем думало держаться прежнее общество, он удержал только то, что пригодно ему как полицейская мера, облегчающая средства к «благоприобретению» и обеспечивающая спокойное обладание его сочными плодами» [1].

Но между XIX веком — веком капитализма и феодализмом имеется и различие, указывал Белинский: «Наш век... заранее знает в чём последующие века должны увидеть его варварство» [2]. Это варварство заключается в «благоприобретении» — в той эксплуатации человека человеком, против которой гневно выступал Белинский.

Представления о жестокой капиталистической эксплуатации трудящихся в странах Западной Европы, ранее известные Белинскому по литературе, конкретизировались у него во время поездки за границу в 1847 г. В одном из писем В. П. Боткину из Германии Белинский писал: «Только здесь я понял ужасное значение слов: пауперизм, пролетариат... Бедность есть безвыходность из вечного страха голодной смерти. У человека здоровые руки, он трудолюбив и честен, готов работать — и для него нет работы: вот бедность, вот пауперизм, вот пролетариат!» [3].

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 479

[2] Там же, стр. 228.

[3] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 244.

Белинский не только сам критиковал буржуазное общество и выражал глубокое сочувствие трудящимся, но и поддерживал подобные выступления своих единомышленников. Так, он солидаризировался с «Письмами из «Avenue Marigny»», напечатанными в 1847 г. в «Современнике», в которых Герцен глубоко раскрыл социальные противоречия буржуазной Франции. По поводу «Писем» Герцена Белинский писал Боткину: «...Я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... Всё в нём мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости... Всё, в чём блещут искры жизни и таланта, всё это принадлежит к оппозиции — не к паршивой парламентской оппозиции, которая, конечно, несравненно ниже даже консервативной партии, а к той оппозиции, для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на теле Франции» [1].

Белинский решительно встал на защиту Герцена, когда против герценовской критики буржуазии и её идеологов начали протестовать западники — Боткин, Анненков и др. Либералам претила острая критика капиталистических отношений Белинским и Герценом, так как в буржуазном строе они видели идеал «разумно организованного» общества. В глубоко различном отношении к буржуазному обществу Белинского и Герцена, с одной стороны, и западников-либералов — с другой, отчётливо обнаружилось принципиальное отличие идеологии революционного демократизма от буржуазной идеологии.

Белинский и Герцен не признавали и не могли признать буржуазного общества «разумным». Они ещё до революции 1848 г. разоблачали идеализацию буржуазных отношений, от кого бы она ни исходила — от либералов-западников в России или от идеологов буржуазии в Западной Европе, историков периода реставрации Гизо, Тьерри, буржуазного социолога О. Конта или от прожжённых политиканов типа Тьера.

Глубокое сочувствие Белинского к угнетённым трудящимся массам, его уверенность в неизбежности установления справедливого общественного строя — социализма,

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 326.

опиравшаяся на признание непрерывности исторического развития человечества, являлись основой острой критики капитализма Белинским, в глубине которой он превосходил западноевропейских социалистов-утопистов. Вместе с тем убеждённость в революционной роли народных масс в истории и в неизбежности революционного преобразования общества, свойственная Белинскому как революционному демократу, определяла самое существенное его отличие от социалистов-утопистов Западной Европы. Он решительно отрицал иллюзорные филантропические надежды последних на мирные преобразования «сверху», осуществляемые венценосцами или обладателями капиталов.

В отличие от социалистов-утопистов Белинский полагал, что только сами народные массы своей революционной борьбой могут добиться освобождения от буржуазной эксплуатации. Белинский ещё не поднялся до понимания всемирно-исторической роли пролетариата, необходимости его руководства трудящимися в их революционной борьбе. Он не понимал, что только пролетариат является естественным носителем социалистического идеала, что только он может стать могильщиком буржуазного строя и созидателем нового, социалистического общества. Таким образом, поднявшись на голову выше западноевропейских утопистов, Белинский сам оставался в рамках утопического социализма, но слитого воедино с боевым революционным демократизмом. Белинский был убеждённым сторонником революционной ломки буржуазного строя. Ещё в начале 1841 г. он писал: «Вообще, все общественные основания нашего времени требуют строжайшего просмотра и коренной перестройки, что и будет рано или поздно. Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности» [1].

Обобщая опыт революционной борьбы трудящихся, Белинский выражал твёрдую уверенность в том, что недалеко то время, когда пробудится политическое сознание народных масс и они, учтя уроки прошлого, начнут борьбу не за интересы буржуазии, а за свои собственные — против буржуазии, их угнетающей. И эта борьба, по его

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 203.

мнению, приведёт в конечном счёте к крушению буржуазного строя и торжеству социализма.

Обличая гнусные пороки буржуазии, Белинский в то же время находил тёплые слова сочувствия народным массам. В них он видел носителей исторического прогресса, с их борьбой за своё освобождение связывал надежды на светлое будущее каждой страны и всего человечества. Характерно в этом отношении высказывание Белинского о французском народе в его рецензии на роман Э. Сю «Парижские тайны»: «...Искры добра ещё не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растёт и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму... Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать своей крови за слова... и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками... Он ещё слаб, но он один хранит в себе огонь национальной жизни и свежий энтузиазм убеждения, погасший в слоях «образованного» общества» [1].

В этих пламенных строках великого русского революционера, написанных более 100 лет тому назад, звучит подлинная любовь к французскому народу и уверенность в его конечной победе. Великая борьба французского пролетариата в июне 1848 г., на баррикадах Парижской Коммуны, против фашистских захватчиков и их прихвостней в годы второй мировой войны свидетельствует о жизненной исторической правде гениального предвидения Белинского. В настоящее время носителем чувства национальной чести и национальной гордости являются не французская буржуазия и правосоциалистические предатели, а героический французский пролетариат и его славная Коммунистическая партия, партия Мориса Тореза. Рабочий класс Франции под руководством своей Коммунистической партии в непримиримой борьбе с силами внешней и внутренней реакции отстаивает кровные интересы французского народа и национальный суверенитет страны, борется против закабаления Франции американскими империалистами, разоблачает происки

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 472.

поджигателей новой войны. Народ французский, как мудро и проницательно писал в своё время Белинский, «один хранит в себе огонь национальной жизни».

Таким образом, при анализе и освещении событий новой истории Белинский последовательно и настойчиво проводил идею решающей роли народных масс в историческом развитии.

* *
*

В освещении основных этапов всеобщей истории нашли выражение важнейшие черты революционно-демократических исторических воззрений Белинского. В последовательном переходе человечества от одного этапа его развития к другому — более высокому — он видел выражение прогрессивности исторического процесса, в классовой борьбе и особенно в революционных переворотах — выражение его противоречивости. Изучая и разрабатывая вопросы истории древней Греции, Рима, средних веков, Белинский всегда стремился выразить и исторически обосновать свои революционно-демократические и социалистические убеждения. Он осуждал деспотизм римских императоров, порабощение народных масс, грубый произвол феодалов, засилье церкви в средние века, умея в то же время выделить и прогрессивные явления средневековья — реформационное движение, образование централизованных государств, географические открытия, развитие наук и искусств, предвещавших переход к истории нового времени.

В истории нового времени Белинский сосредоточивал своё внимание на революционных периодах и событиях, прогрессивных политических течениях и деятельности их вождей. В этом сказывалось его настойчивое стремление к овладению революционным опытом передовых стран Западной Европы для самостоятельного и творческого использования последнего в русском освободительном движении, в борьбе с самодержавием и крепостничеством в России.

Белинский дал острую и глубокую критику капиталистических порядков, утвердившихся в Западной Европе, он обнажал их язвы и пороки, решительно осуждал эксплуатацию трудящихся масс и отвергал идеализацию буржуаз-

ного строя как идеологами буржуазии в Западной Европе, так и либералами-западниками в России. Белинский, бичуя стремления буржуа к стяжанию и глубоко сочувствуя массам трудящихся, подавленным капиталистической эксплуатацией, был твёрдо уверен в пробуждении политического сознания народных масс. С их революционной борьбой он связывал надежды на разрушение буржуазного строя и утверждение социалистического общества, обеспечивающего справедливость и подлинное равенство для трудящихся. Белинский высоко поднялся над социалистами-утопистами Западной Европы с их иллюзорными надеждами на мирные реформы «сверху» и отрицанием революционных средств борьбы за коренную перестройку общественных отношений.

Изучение всеобщей истории служило для Белинского важным средством и одной из необходимых предпосылок выработки глубокого понимания прошлого России, её прогрессивной роли в мировой истории, для уяснения настоящего и дальнейших перспектив исторического развития великого русского народа в связи с общим процессом исторического развития человечества.

Белинский, вскрывая своеобразие и особенности русского исторического процесса, всегда подчёркивал его неразрывную связь с историей других народов.

С чувством национальной гордости он писал о мужественной и самоотверженной борьбе русского народа против иноземных агрессивных сил, борьбе, которая не раз спасала от страшной угрозы порабощения и гибели народы Западной Европы.

Разгром немецких «псов-рыцарей», тяжёлая и героическая борьба против татар, победа над польскими панами и шведскими феодалами, замечательные успехи русского оружия в войне с Пруссией Фридриха II, борьба с султанской Турцией, славные победы Суворова, наконец, разгром наполеоновской армии, державшей в страхе народы Западной Европы,— все эти события всемирно-исторического масштаба сыграли важнейшую роль в исторических судьбах Европы. В этой борьбе русский народ, проявляя героизм и стойкость, самоотверженность и мужество, выдвинул великих полководцев — Александра Невского и Дмитрия Донского, Петра I и Румянцева, Суворова и Кутузова, творцов русского

национального военного искусства, доказавшего своё превосходство на полях многочисленных битв, определявших часто общую военно-политическую обстановку в Европе.

На всех этапах средневековой и новой истории Россия выступала в качестве активного и выдающегося участника общеевропейской жизни. Белинский характеризовал Россию как «великое и могущественное государство, с огромным влиянием в сфере европейской политики»[1]. Творческий гений русского народа создал огромные материальные и духовные ценности. Великий русский народ сыграл выдающуюся роль в создании мировой культуры и внёс огромный и ценнейший вклад в её сокровищницу, оказывая плодотворное влияние на развитие культуры других народов. История России, её деятельное участие в международной политической и культурной жизни привели Белинского к убеждению, что русский народ, сыгравший выдающуюся роль в мировой истории на предшествующих этапах, призван стать носителем передовых идей, передовой культуры и авангардом прогрессивного человечества, борющегося за свободу и счастье народов.

Освещая основные этапы истории человечества и важнейшие вопросы всеобщей истории с позиций революционного демократизма, Белинский выступал как новатор, обогащавший русскую революционную историческую мысль, как сторонник освобождения народов от социального и национального угнетения, как великий патриот своего народа.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 42.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

РАЗРАБОТКА В. Г. БЕЛИНСКИМ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ РОССИИ

Многовековая история России, полная испытаний для героического русского народа, находилась в центре внимания Белинского и получила наиболее разностороннее освещение в его произведениях. Изучение истории России и разработка её важнейших проблем подчинялись у великого русского патриота задаче исторического обоснования его революционных социально-политических воззрений, задачам борьбы революционной демократии за освобождение русского народа от гнёта самодержавия и крепостничества. Белинский доказывал необходимость и неизбежность этой борьбы, как исторически закономерной, отвечавшей коренным интересам народных масс и назревшим национальным потребностям, следовательно, нуждам прогрессивного развития России. Глубокое изучение истории России помогало Белинскому понять, в чём заключались пережитки старины в настоящем, тормозящие прогрессивное развитие страны, и тем самым определить, с чем необходимо бороться; оно же помогало ему уяснить перспективы исторического развития России, указывая, за что необходимо бороться. Изучение истории своего народа, раскрывая Белинскому свободолюбие трудящихся масс, их ненависть к угнетателям, героизм и самоотверженность русского народа в борьбе за свою свободу и национальную

независимость, вселяло в великого революционного демократа твёрдую уверенность в том, что эта борьба будет доведена до победоносного завершения. Белинский, рассматривая историю России как неразрывную часть всемирной истории, подчёркивал выдающуюся прогрессивную роль великого русского народа в исторических судьбах других народов.

В разработке вопросов отечественной истории, как и во всей своей многогранной деятельности, Белинский выступал выразителем интересов и чаяний народных масс.

Понятно поэтому, что ни уяснение существа социально-политических воззрений Белинского, ни понимание характера его революционного патриотизма невозможно без изучения взглядов великого демократа на историю России.

В разработке Белинским вопросов русской истории с наибольшей отчётливостью и полнотой раскрылось понимание им задач исторической науки и её общественно-политического значения. На основе главным образом материала отечественной истории формулировались Белинским те основные положения революционно-демократической исторической концепции, которые затем развивались и углублялись Чернышевским и Добролюбовым в условиях подъёма демократического движения в России. Свои выводы из изучения истории России Белинский широко использовал в борьбе с официальной историографией, а также с историческими теориями славянофилов и либералов-западников. В разработке проблем русской истории прежде всего и в наибольшей мере обнаружился тот вклад, который внесён Белинским, продолжавшим традиции Радищева и декабристов, в развитие русской революционной исторической мысли.

Изучение взглядов Белинского на историю России имеет также важное значение для правильного и глубокого понимания его историко-литературной концепции.

Белинский глубоко и всесторонне знал конкретное содержание русской истории. Вместе с тем он был гениальным теоретиком, стремившимся проследить исторические явления в их развитии, установить внутреннюю связь между событиями и периодами русской истории, глубже оценить её выдающихся деятелей. Сочетание глубоких знаний с высоким уровнем теоретической мысли делало

Белинского выдающимся историком-теоретиком, способным противопоставить дворянско-буржуазной историографии самостоятельную, революционно-демократическую концепцию русской истории.

Идейно-политические и теоретические особенности исторических воззрений Белинского нашли своё выражение в круге его интересов при изучении русской истории, в характере постановки и разрешения её проблем, в его выводах, использовавшихся для обоснования программы революционной демократии. Мы знаем, что Белинский уделял значительное внимание освещению вопросов всеобщей истории. Однако изучение и освещение истории России носило у него при единстве методологических принципов более систематический характер. Мы убедились в том, что самый интерес великого русского революционера-демократа к истории других народов в значительной мере вызывался необходимостью уяснения особенностей исторического развития России, его стремлением показать прогрессивную роль великого русского народа в мировой истории, а также использовать опыт всемирной истории для решения современных вопросов русской общественно-политической жизни. В преобладающем интересе Белинского к освещению проблем истории России большую роль играло также и то обстоятельство, что демократическое истолкование отечественной истории позволяло ему действенно пропагандировать свои идейно-политические воззрения и воспитывать чувство революционного патриотизма у передовых современников. Исходя из этих соображений, Белинский уделял постоянное и исключительно большое внимание освещению вопросов русской истории. Не ограничиваясь рецензиями на исторические труды, он освещал эти вопросы и в своих замечательных обзорах русской литературы. Особый интерес гениального русского мыслителя к отечественной истории был справедливо отмечен Чернышевским, писавшим, что Белинский «почёл необходимым расширить горизонт своих годичных обозрений, обратив на труды по русской истории столько же внимания, как и на произведения изящной словесности» [1].

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Полное собрание сочинений, т. III, 1947, стр. 298.

* *
*

Белинский был основательно знаком с состоянием русской исторической науки своего времени и внимательно следил за её развитием. Он изучил важнейшие источники по истории России и широко использовал их в своих произведениях. Ему были известны летописные памятники, публикации актовых материалов, «Древняя российская вивлиофика», изданная Новиковым [1], сочинение Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» [2]. Белинский особенно внимательно изучал широкий круг источников по истории России времени Петра I, а также источники по истории России послепетровского периода, которые при его жизни ещё только начинали издаваться.

В одной из рецензий 1841 г. он писал, что «русская история совершенно не обработана фактически и не озарена светом истинного уразумения в своём значении и характере» [3], что объяснялось им прежде всего недостаточной изученностью основных источников русской истории. Осуществлённые ранее издания летописей и хронографов справедливо считались Белинским несовершенными. Отмечая ошибки в изданных летописях, он подчёркивал тем самым отсутствие *научно* изданных летописей. Белинский одобрял работу Археографической комиссии, взявшей на себя задачу научного издания исторических документов, и указывал на важность этой работы для дальнейшего развития исторической науки. Эта комиссия, по мнению Белинского, «может дать нам летопись в настоящем её виде, с вариантами, примечаниями, комментариями, снимками; тогда только — никак не прежде — вопрос о достоверности летописи и сказаний её может быть рассматриваем со всех его сторон» [4]. Белинский выдвигал пожелание, чтобы издание источников происходило «с верных ...проверенных списков, с вариантами, не сводя нескольких списков в один, не переделывая или

---

[1] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 455. О «Древней российской вивлиофике» Белинский упоминает в статье «Записки русских людей. События времён Петра Великого» (Соч., т. XII, стр. 317).

[2] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 467 (отзыв о сочинении Котошихина см. Соч., т. VI, стр. 118—143).

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 295.

[4] Там же, стр. 246.

дополняя их произвольно — словом, так, как издаёт подобные вещи Археографическая комиссия» [1]. Вместе с тем он указывал, что инициатива и усилия Археографической комиссии должны быть дополнены частной инициативой по изданию исторических материалов.

Соображения Белинского по поводу приёмов научного изучения и издания исторических источников доказывают глубину понимания им задач русской исторической науки.

В середине 40-х годов Белинский с удовлетворением отмечал повышение интереса историков к изучению источников, указывая, что историки «принялись за разработку исторических материалов», ибо они убедились, что освещение истории без предварительного тщательного изучения источников «может быть только попыткою, пожалуй и прекрасною, но из которой выходит не история, а историческая поэма» [2].

В заботе Белинского о научном издании и тщательном изучении источников выражалось его стремление создать условия для развития передовой исторической науки в России.

Белинский, однако, прекрасно понимал, что залогом успешного развития передовой русской исторической науки является не только «фактическая» её разработка, но в ещё большей мере «истинное уразумение», т. е. теоретический анализ явлений и событий истории России. Он выступал как против простого коллекционирования фактов, так и против догматизма, доказывая необходимость органического единства документально-исторического и теоретического изучения русской истории. Именно поэтому в теоретической ограниченности и идейно-политической направленности дворянской и формировавшейся в его время буржуазной историографии Белинский усматривал важнейшую причину того состояния, в котором находилась русская историческая наука в 30—40-х годах XIX в.

Белинский был хорошо знаком с важнейшими трудами по русской истории, написанными в XVIII и начале XIX в. Ему была известна «История Российская...» В. Н. Татищева, «История Российская с древнейших времён» М. М. Щербатова, а также его «Краткая повесть о бывших в России

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 306.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 22.

самозванцах»[1]. Белинский неоднократно перечитывал и внимательно изучал «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, отмечая её превосходство над предшествующими сочинениями по русской истории. «Бывшие до него историки России не были известны России,— писал Белинский,— потому что прочесть их историю могло только одно испытанное школьное терпение»[2]. В отличие от них Карамзин «открыл целому обществу русскому, что у него есть отечество, которое имеет историю и что история его отечества должна быть для него интересна и знание её не только полезно, но и необходимо. Подвиг великий! И Карамзин совершил его не только в качестве исторического, сколько в качестве превосходного беллетристического таланта»[3].

Но, отмечая достоинства карамзинской «Истории», Белинский постепенно всё более глубоко раскрывал и её недостатки, определявшиеся как общим состоянием исторической науки, так и социальными позициями её автора. Некоторые из этих недостатков были им отмечены ещё в «Литературных мечтаниях». В раннем произведении Белинского мы не находим ещё развёрнутой критики концепции русской истории Карамзина, однако и в «Литературных мечтаниях» Белинский отметил, что главный недостаток Карамзина «состоит в его взгляде на вещи и события, часто детском и всегда, по крайней мере, не мужеском; в ораторской шумихе и неуместном желании быть наставительным, поучать там, где факты говорят за себя; в пристрастии к героям повествования, делающим честь сердцу автора, но не его уму»[4]. В этой характеристике уже намечалась оценка концепции дворянского историка. Известно, что Карамзин питал пристрастие к описанию деяний князей и царей, которые и являлись у него «героями повествования», что было неразрывно связано с монархическим существом его воззрений.

Развёрнутый анализ концепции Карамзина с позиций революционного демократизма Белинский дал в 40-х годах в десятой статье о сочинениях А. С. Пушкина,

---

[1] См. «Литературное наследство» № 55, стр. 514.

[2] *В. Г. Белинский*, Соч., т. VIII, стр. 258.

[3] Там же, стр. 257—258. Настоящая рецензия Белинского относится к 1843 г. и даёт наиболее полную оценку труда Карамзина.

[4] *В. Г. Белинский*, Соч., т. I, стр. 350.

посвящённой «Борису Годунову». Здесь он указывал не только на фактические ошибки, содержащиеся в «Истории» Карамзина, чем ограничивались многие критики, но и подчёркивал монархизм историографа и преклонение перед допетровской стариной, обнаруживающие его реакционность. «С Иоанна III Московское царство, в глазах Карамзина,— писал Белинский,— становится высшим идеалом государства,— и, вместо истории допетровской России, он пишет её панегирик. Всё в ней кажется ему безусловно-великим, прекрасным, мудрым и образцовым»[1]. А в итоговой оценке Карамзина, данной Белинским в его статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года», он справедливо усматривал в воззрениях официального историографа один из источников исторических взглядов славянофильства: «Влияние Карамзина до сих пор ещё очень ощутительно. Это всего лучше доказывает так называемая партия *славянофильская.* Известно, что в глазах Карамзина Иоанн III был выше Петра Великого, а допетровская Русь лучше России новой»[2]. Вследствие этого Белинский полагал, что взгляды Карамзина, отрицавшего прогрессивный характер русского исторического процесса и роль народных масс в истории, совершенно несостоятельны. В своём отрицательном отношении к монархической концепции Карамзина Белинский выступил прямым продолжателем традиции декабристов и Пушкина.

Ещё в 30-х годах определённо выявилось резко отрицательное отношение Белинского к представителю официальной историографии того времени М. П. Погодину. Белинскому была ясна сущность его исторических взглядов, сводившаяся к обоснованию реакционной идеологии «официальной народности». Белинский осуждал увлечение Погодина глубокой стариной и мелочность его изысканий, отвлекавших внимание историков от разработки важных проблем истории России времени Петра I и послепетровского периода. Он решительно разоблачал попытки Погодина популяризировать свои антинаучные взгляды в учебных пособиях, составлявшихся им, как отмечал Белинский, крайне небрежно[3]. Отрицательное

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 150—151.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 397.
[3] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 184.

отношение к Погодину как представителю реакционной официальной историографии было свойственно Белинскому на протяжении всей его жизни.

Уже в 30-х годах Белинский сумел отметить наиболее существенные пороки так называемой «скептической школы» и прежде всего огульно нигилистическое отношение основателя этого направления М. Т. Каченовского и его сторонников к историческому прошлому русского народа, к его успехам в области культурного развития. Так, в 1835 г., т. е. в следующем году после опубликования «Литературных мечтаний», Белинский в одной из рецензий отмечал «новый и сильный факт против скептиков» [1], который заключался в том, что было обнаружено свидетельство об умении новгородцев снимать планы городов ещё в XII в. В дальнейшем его критическое отношение к «скептикам» усилилось. В 1840 г. Белинский высоко оценил труд Буткова «Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков», который нанёс сильный удар сторонникам Каченовского. Он считал работу Буткова выдающимся для своего времени трудом вследствие её научной основательности, аргументированности выводов и обширной эрудиции автора [2].

Взглядам «скептической школы» Белинский противопоставлял своё понимание исторического процесса и задач исторической науки. Он при этом выдвигал требование научно-критической обработки источников и документального обоснования исторических обобщений, указывая на необходимость соблюдения исторической перспективы и недопустимость модернизации русской старины.

Историческая концепция революционного демократа Белинского коренным образом отличалась от взглядов Каченовского, выступавшего представителем формировавшейся в то время русской буржуазной историографии.

Концепция русской истории, которую попытался создать другой её представитель, Н. А. Полевой, вызвала резкую критику со стороны Белинского. Белинский с самого начала занял отрицательную позицию по отношению к историческим трудам Полевого, в которых тот пытался выступить в качестве исследователя. Белинский иронизи-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 130.
[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 244—249.

ровал по поводу «высших взглядов», положенных в основу «Истории русского народа» Полевого, и указывал, что автор не смог справиться с задачей создания обобщающего труда по истории России. «Истинная русская история, без «высших взглядов» и построенная не на песке, а на твёрдом основании»[1], будет возможна тогда, полагал Белинский, когда будут тщательно изучены источники и освещены отдельные стороны русского исторического процесса. К тому же «высшие взгляды» Полевого сводились в сущности к попыткам некритического применения к русской истории взглядов французских историков Гизо и Тьерри.

Всё это приводило Белинского к выводу, что сложная задача создания обобщающего научного труда по истории России не по плечу такому историку, как Полевой[2].

Несколько лучшего мнения был Белинский о научно-популярных исторических работах Полевого. В своих рецензиях на последовательно выходящие из печати части «Русской истории для первоначального чтения», написанной Полевым, Белинский давал этому сочинению в общем положительную оценку. Однако и при этом он вступал в полемику с Полевым по весьма существенным вопросам. Так, Белинский не согласился с его характеристикой Ивана III и совершенно разошёлся в понимании и оценке личности и характера деятельности Ивана Грозного[3].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 322.

[2] См. отзывы Белинского о работах Полевого, Соч., т. VI, стр. 328—332; т. IX, стр. 80, 148, 389.

[3] Последовательное углубление оценки Белинским исторической концепции Карамзина и его критическое отношение к взглядам Каченовского и Полевого, конечно, объясняются прежде всего идейно-политической эволюцией великого русского демократа. Вместе с тем Белинский испытал определённое воздействие в этом направлении исторических воззрений А. С. Пушкина. Белинскому была известна знаменитая эпиграмма Пушкина на «Историю» Карамзина, подчёркивающая прославление дворянским историографом «самовластья и прелестей кнута». Пушкин писал о творческой бесплодности Каченовского. В рецензиях на первые два тома «Истории русского народа» Полевого Пушкин усмотрел недостаток данного труда в желании автора «приноровить систему новейших (французских.— *В. И.*) историков и к России». Пушкин заметил, что «Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри» (*А. С. Пушкин,* Полное собрание сочинений, т. VII, 1949, стр. 145, 148).

Следует также отметить определённое сходство в понимании Пушкиным и Белинским задач исторической науки и особенно в истолко-

Белинский в 40-х годах проявлял интерес к первым работам К. Д. Кавелина — представителя буржуазной исторической науки в России,— видя в них определённый шаг вперёд сравнительно с дворянской историографией. Белинский на основе первых работ Кавелина ещё не смог дать критику его воззрений, сложившихся в законченную либерально-буржуазную концепцию позднее и подвергнутую разоблачению уже со стороны идейных преемников Белинского — Чернышевского и Добролюбова. Но политические основы исторических воззрений Белинского— революционера-демократа и Кавелина — буржуазного либерала были принципиально различны.

Существенный порок дворянско-буржуазной историографии Белинский видел в самом понимании ею предмета исторической науки, в том, что дворянские и буржуазные историки не выходили за пределы политической истории, игнорируя изучение различных сторон жизни народа. Белинский решительно осуждал неумеренное увлечение историей далёкого прошлого, чем особенно отличались славянофилы.

Указывая на ближайшие задачи русской исторической науки, Белинский писал: «У нас до тех пор не будет удовлетворительной истории России, пока наши историки не примутся за составление частных историй по предметам ...истории церкви, истории военного ремесла, нравов, торговли, промышленности, права, политики, финансовой системы и пр. Все эти предметы требуют отдельной и частной разработки, фактической, критической и философской, требуют и трактатов и полных историй. Кроме того, полезна разработка каждого важного события особо, как,

---

вании основных проблем истории России. Таковы близкие в своём существе оценки Пушкиным и Белинским различий русской истории от западноевропейской в допетровский период, удельной системы, татарского ига, деятельности Ивана Грозного. Особенно велико было сходство в оценке Пушкиным и Белинским реформ Петра I, а также послепетровского периода и Отечественной войны 1812 г. (см. *Н. Н. Степанов,* Исторические воззрения А. С. Пушкина, 1949). Все отмеченные моменты свидетельствуют о значительности и плодотворности влияния исторических взглядов великого русского писателя на воззрения Белинского, продолжавшего и углублявшего традиции передовой русской исторической мысли.

наприм., владычества татар, междуцарствия, отдельных царствований и проч.» [1].

Белинский с исключительной широтой наметил программу всесторонней разработки истории России и развития русской исторической науки. Он понимал, что для создания обобщающего труда по истории России необходимо предварительно изучить все стороны исторической жизни русского народа и важнейшие периоды русской истории.

* *
*

В изучении истории России Белинский важное значение придавал её периодизации. Она в его понимании не сводилась к механическому разделению истории на произвольные периоды, а должна была выражать и обобщать философскую разработку конкретного исторического материала и на этой основе выделять последовательно сменяющиеся периоды закономерного прогрессивного развития русского народа. «Деление истории на периоды,— писал Белинский,— должно основываться не на произволе автора, не на привычке, а на духе событий» [2]. Белинский пытался определить важнейшие этапы в историческом развитии России. Подчёркивая своеобразие истории России, он вместе с тем справедливо считал её частью истории человечества и потому находил возможным применять к ней утвердившееся деление всеобщей истории на древнюю, среднюю, новую. Однако он полагал необходимым конкретизировать эту периодизацию с учётом содержания и особенностей русской истории.

Наиболее общим делением истории России для Белинского являлось её расчленение на допетровский и послепетровский периоды. «Как ни дробите нашу историю,— писал он в 1841 г.,— в ней всё будут разительно заметны два только отдела — *до* и *после* Петра» [3]. Однако Белинский давал и более дробную периодизацию хронологически весьма обширного допетровского периода. Наи-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 400, примечание.
[2] Там же, стр. 465.
[3] Там же, стр. 311.

более отчётливо свои суждения относительно периодизации истории России Белинский изложил в двух статьях: в 1841 г. в рецензии на книгу Ишимовой «История России в рассказах для детей» и в 1843 г. в рецензии на книгу Маркевича «История Малороссии». По существу периодизация, приведённая в обеих рецензиях, почти не различается, но во второй она раскрывается более полно. Белинский указывает на следующие периоды в истории допетровской Руси: древний, удельный, период татарского ига и начала централизации России, период укрепления Московского государства. Эта периодизация имела внешнее сходство с той периодизацией, которая была принята современными Белинскому историками. Однако Белинский самостоятельно раскрывал содержание намеченных им периодов, давая, таким образом, своё истолкование русского исторического процесса.

Характеризуя первый период русской истории в рецензии на книгу Ишимовой, Белинский писал: «Первый период, до Ярослава (в рецензии на книгу Маркевича — до Владимира — «начала удельного периода и водворения христианства»)... должен состоять в отрывочных, бессвязных известиях византийских историков» [1]. Белинский считал, что всестороннее и глубокое изучение эпохи Олега, Игоря, Святослава затруднено вследствие отсутствия достаточного количества достоверных источников. Однако он решительно разоблачал вымыслы представителей официальной историографии и славянофилов о том, что русское государство создано норманнами. Вопреки им Белинский определённо заявлял, что норманны «не оставили по себе никаких следов ни в языке, ни в обычаях, ни в общественном устройстве» [2]. Доводы сторонников антинаучной норманской «теории» или «скандинавоманов», как называл их Белинский, являются «обветшалыми доказательствами», и потому, «сколько трактатов не пишут они», доказать свои измышления не в состоянии [3]. В своей критике норманизма Белинский выступил непосредственным продолжателем патриотической традиции Ломоносова и декабристов.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 404, 296 (см. аналогичную характеристику в т. VI, стр. 121, т. IX, стр. 453).

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 121.

[3] Там же, стр. 374.

В характеристике всех периодов истории России Белинский неизменно подчёркивал решающую роль внутренних, а не внешних факторов развития, что находилось в полном соответствии с его пониманием исторического процесса. Следует заметить, что в оценке древнейшего периода истории России Белинский иногда не удерживался от ошибочного определения его в качестве «баснословного», что являлось у него в значительной степени своеобразной реакцией на чрезмерное увлечение древностью со стороны дворянских историков и особенно славянофилов. Это пристрастие вызывалось не столько научными интересами, сколько политическими реакционными мотивами, и приводило к игнорированию изучения новой истории России. «Наши «славянофилы» и «патриоты»,— писал Белинский,— ограничиваются... пересыпанием из пустого в порожнее, рассматривая такие вопросы, как происхождение Руси и решая их произвольными гипотезами. Другие, посмелее, пишут историю России, для которой не разработаны фактические материалы; удивительно ли, что вместо истории они издают компиляции, да и те недоконченные?..» [1] Белинский отмечал и антиисторизм дворянских историков в понимании древнего периода. «Для них первый период русской истории... также ясен,— иронически писал он,— как период от Екатерины Великой до наших дней» [2].

Таким образом, характеристика Белинским древнего периода русской истории относится не столько к действительной истории этого времени, сколько к состоянию её изучения в 30—40-х годах XIX в. Он выступал против бездоказательных реакционных схем и произвольных «гипотез», выдвигая задачу изыскания и внимательного изучения широкого круга новых источников, «разработки фактических материалов» для создания действительно научной, документально обоснованной русской истории древнего времени.

Критически относясь к достоверности некоторых сведений по древней истории России, Белинский в своей общественно-литературной деятельности использовал события и факты древнерусской истории для того, чтобы

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 400, примечание.
[2] Там же, стр. 295.

подчеркнуть героизм русского народа в борьбе с внешними врагами, а также для того, чтобы нанести удар по реакционным воззрениям своих политических противников. Мы уже видели, что Белинский категорически отвергал реакционные, антипатриотические взгляды норманистов.

В период Киевской Руси, указывал Белинский, славяне в напряжённой борьбе с Византией, в борьбе с печенегами и половцами, под водительством «хитрого воителя Олега, сурового воителя Святослава» [1], а затем под руководством Владимира Мономаха сумели не только отразить нападения кочевников, но и нанести им сильные удары.

Отмечая значение принятия христианства для последующего развития Киевской Руси, Белинский давал этому событию оценку, опровергающую измышления славянофилов о глубокой религиозности русского народа как его исконной национальной особенности, резко отличающей будто бы русский народ от западноевропейских народов, со свойственным им рационализмом. В соответствии с этими измышлениями славянофилы переоценивали прочность языческих верований у славян, а также полагали, что после принятия христианства развитие русского народа совершалось под преобладающим влиянием православной церкви, определившим все стороны его жизни и в частности характер образования в России: «У нас образовательное начало заключалось в нашей церкви»,— утверждал славянофил И. Киреевский, в то время как «характер образованности европейской отличается перевесом рациональности» [2].

В противоположность славянофилам Белинский полагал, что у славян не было особой привязанности к язычеству и что влияние православной церкви не могло стать и не стало решающим фактором русской истории. «...Важное отличие русского мира...— отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности,— заявлял Белинский.— Наше славянское язычество было так слабо и ничтожно, что не оставило по себе никакой памяти... Князь Владимир одним словом мог уничтожить его, и народ без

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 404.

[2] *И. Киреевский,* Соч., т. 1, М. 1911, стр. 113—114.

всякого фанатического сопротивления крестился»[1]. Опровергая реакционные вымыслы славянофилов, Белинский утверждал, что религиозность не является национальной особенностью русского народа. В знаменитом «Письме к Н. В. Гоголю» Белинский писал: «Поприглядитесь попристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко-атеистический народ. В нём ещё много суеверия, но нет и следа религиозности... Мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме, и вот в этом-то, может быть, огромность исторических судеб его в будущем»[2]. Белинский вместе с тем глубоко и проницательно оценил истинную роль православной церкви, указав, что она «всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма»[3]. Выражая уверенность в великом будущем русского народа, Белинский делал замечательный вывод: «Россия видит своё спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности»[4]. Перед нами пример того, как Белинский, глубоко изучая историю России, смог определить исторически сложившиеся подлинные национальные особенности русского народа и предвидеть исторические перспективы его дальнейшего развития.

Характеризуя удельный период истории России, Белинский писал: «Идея удельного периода русской истории должна быть не чем иным, как идеею расширения России во вне,— и только те факты должны быть изложены (да и то как можно короче), которые могут служить к уяснению этой идеи»[5].

Протестуя против механических параллелей между историей России и историей западноевропейских государств, в которых усердно упражнялся Полевой, Белинский заявлял: «Один из величайших умственных успехов нашего времени в том и состоит, что мы, наконец, поняли, что у России была своя история, нисколько не похожая на историю ни одного европейского государства, и что

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 272.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 233—234.
[3] Там же, стр. 232.
[4] Там же, стр. 231.
[5] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 296.

её должно изучать и о ней должно судить на основании её же самой»[1].

Правильно отмечая своеобразие русского исторического процесса, Белинский, однако, был не прав, когда писал о коренном различии между удельной системой на Руси и феодальной системой на Западе. Различие между этими системами Белинский усматривал в том, что феодализм в Западной Европе был результатом завоевания, о чём Белинский подробно писал в уже известной нам статье 1841 г. «Древние российские стихотворения». Наоборот, «прототип нашей удельной системы совсем не политический и не государственный,— полагал Белинский,— а чисто семейственный и племенной, который и теперь сохранился во всей чистоте в помещицком праве»[2].

Взгляд Белинского на так называемую «удельную систему», конечно, совершенно неверен по существу. Однако при всей своей ошибочности и эти воззрения Белинского направлялись против официальной историографии и славянофилов. Последние, подчёркивая различие между историческим развитием России и Западной Европы, вкладывали, как известно, в свои утверждения реакционный смысл, стремясь доказать, что «самобытный» путь развития России обеспечивает ей сохранение самодержавно-крепостнических устоев. Для этой цели привлекалось такое «доказательство», как различие исходных моментов развития государственности в Западной Европе и в России. Там — завоевание, положившее начало классовой борьбе, в России — «призвание», обусловившее «мирное» гармоническое сосуществование «власти» и «земли».

Белинский, наоборот, в классовой борьбе, «борьбе разнородных элементов» в Западной Европе видел не показатель её «гниения», а основу прогрессивного развития современных государств, отсутствие же такой борьбы в допетровской России наряду с последствиями татарского ига рассматривал как причину её отставания. К тому же Белинский указывал на относительное различие между историческим развитием России и Западной Европы только в период допетровский. Реформы же Петра I, по мнению

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 390—391.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 447.

Белинского, привели к тому, что и в России создались условия для «борьбы разнородных элементов».

Что касается бесконечных столкновений между удельными князьями, то Белинский, не умея разобраться в их смысле и значении, отказывался видеть в них какое-либо разумное содержание. Борьбу между удельными князьями он расценивал как исторически бесплодную.

Белинского интересовало отношение народных масс к междоусобной борьбе удельных князей. Указав, что «в междоусобиях князей нет никакой идеи, потому что их причина — не племенные различия, не борьба разнородных элементов (т. е. не классовая борьба.— *В. И.*), а просто личные несогласия», Белинский решительно утверждал: «Народ тут не играл никакой роли, не принимал никакого участия. Черниговцы дрались с киевлянами не по племенной ненависти, а по приказанию князей» [1]. Народные массы выступали страдающей стороной в бесплодной борьбе между удельными князьями. Подчёркивая эту мысль, Белинский хотел сказать, что там, где нет деятельного участия народа в исторических судьбах страны, где, наоборот, попираются его интересы, не может быть плодотворного исторического развития. В этом выражался демократический подход Белинского к освещению удельного периода в истории России.

Следует отметить, что удельную систему в России Белинский рассматривал в значительной степени упрощённо, называя её самой естественной и простодушной системой в мире [2]. Белинский также не смог понять исторически обусловленных причин процесса раздробления княжеств, происходившего в тот период.

На оценке Белинским удельного периода сказалось, во-первых, то, что историки, изучавшие данный период русской истории, обычно ограничивались освещением междукняжеских усобиц, оставляя в стороне изучение социально-экономического строя, и, во-вторых, его общая идеалистическая трактовка исторического процесса.

Идея следующего периода в истории России — периода татарского ига, по мнению Белинского, заключалась в начале централизации русских земель и объедине-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 374—375.

[2] См. там же, стр. 374.

ния русского народа вокруг Москвы. «Татарский период,— писал Белинский,— был началом централизации древней Руси. Общее бедствие мало-помалу воспитало в русских чувство единокровности и единоверия; удельные княжества ослабевают по мере возвышения Москвы, счастливо выдерживающей свои споры с Рязанью и с Тверью. Великий князь постепенно становится из помещика государем, и самодержавие сменяет патриархально-помещичье право» [1]. Но Белинский не ограничивался этой общей характеристикой. Он глубоко задумывался над причинами установления татарского ига, указывал на его тяжесть для народных масс, отмечал их решающую роль в борьбе с татарами и останавливался на характеристике последствий татарского ига для исторического развития России.

Белинский разоблачал ложность славянофильских утверждений о том, что русский народ будто бы покорился татарам из-за своего смирения. Он с негодованием отвергал эти клеветнические измышления славянофилов, справедливо усматривая основную причину установления власти татар в ослаблении сил русского народа длительными междоусобными раздорами удельных князей. «Татарам поддались мы совсем не от смирения (что̀ было бы для нас не честью, а бесчестием, как и для всякого другого народа),— заявлял Белинский,— а по бессилию вследствие разделения наших сил родовым, кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени» [2].

Белинский с горечью отмечал тяжкие последствия татарского ига для русского народа: «Междоусобия и тёмное владычество татар... приучили русского крестьянина считать свою жизнь, своё поле, свою жену и дочь, и всё своё скудное достояние — чужою собственностию, ежеминутно готовою отойти во владение первого, кто с железом в руке вздумает объявить на неё своё право» [3]. Татарское иго, принесшее народу неимоверные страдания и разорение, имело длительные исторические последствия. «Под татарским игом,— писал Белинский,— нравы грубеют: вводится затворничество женщин, отшельничество

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 405.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 404.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 476.

семейной жизни... Застой и неподвижность, сделавшиеся с этого времени основным элементом исторической жизни старой Руси, тоже были следствием татарского ига»[1]. Тем самым Белинский подчёркивал, что результаты татарского ига сказывались на протяжении многих веков истории России: был прерван естественный ход экономического и культурного развития страны. Народ испытал тяжесть варварского гнёта, и потребовалось много народных сил для борьбы с ним. Именно эти причины, по мнению Белинского, определили отставание России от передовых стран Западной Европы, спасённых русским народом от ужасов татарского нашествия и потому не имевших внешних препятствий для своего исторического развития. Известно, что тяжесть татарского ига с особой силой подчёркивал К. Маркс. Он называл господство татар «кровавой грязью монгольского ига», которое «не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»[2].

Белинский основную роль в освобождении от татарского владычества отводил народным массам, своей самоотверженной и длительной борьбой завоевавшим в конечном счёте национальную независимость. Высшим моментом этой длительной и героической борьбы была Куликовская битва, когда русский народ под водительством славного патриота и выдающегося военачальника — Московского великого князя Дмитрия Донского «мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью»[3]. Длительная борьба русского народа с татарскими завоевателями имела всемирно-историческое значение. Её победоносное завершение обеспечило национальную независимость русскому народу и тем самым создало условия для его последующего ускоренного исторического развития, в котором он достиг замечательных успехов. Вместе с тем разгром татарских завоевателей навсегда избавил от их вторжения другие страны Европы.

Необходимо отметить глубину и содержательность суждений Белинского по поводу отрицательного влияния татарского ига на историческое развитие России и значения

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 405.

[2] *К. Маркс,* Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по книге «История СССР», т. I, М 1948, стр. 154.

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 404.

борьбы с ним русского народа. Выводы Белинского были направлены против взглядов дворянского историка Н. М. Карамзина и коренным образом отличались от позднейших выводов крупнейшего буржуазного историка С. М. Соловьёва, который не видел тяжёлых последствий татарского ига для России. Формуле Карамзина «Москва обязана своим величием ханам» и взглядам буржуазного историка Соловьёва, игнорировавшего роль народных масс, противостоял вывод Белинского о решающей роли русского народа в борьбе с татарским игом, своей стойкостью и самоотверженностью опрокинувшего господство татарских ханов и завоевавшего национальную независимость. В этой борьбе выковывались такие национальные качества русского народа, как патриотизм, выдержка, героизм и храбрость. Белинский разоблачал славянофильскую фальсификацию отечественной истории, замазывавшую героическую борьбу русского народа с иноземными захватчиками. В одной из своих рецензий он писал: «Битва при Калке, битва донская, нашествие Литвы, наконец, вторжение в Россию сына судьбы (Наполеона.— *В. И.*), не стоили нам ни капли крови и мы отделались от них одними слезами: мы не дрались, а только плакали!..» [1] — таков, по мнению Белинского, должен быть нелепый, но неизбежный вывод из насквозь фальшивой и по своему существу антипатриотической концепции славянофилов. В противоположность им Белинский подчёркивал, что русский народ в борьбе с иноземными нашествиями закалил свои силы и объединился вокруг Москвы, в которой завершалось «возвышение княжеской власти на степень государственности» [2]. Значение же государственности он видел прежде всего в том, что она обеспечила России национальную независимость.

Последний период допетровской Руси характеризуется Белинским в качестве периода, который выражает собой «усилие русского племени стать государством, укрепиться в определённых гражданских формах» [3].

Между признанием Белинским наличия государственности в допетровской Руси и его заявлением об «усилии русского племени стать государством» не было противо-

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. IX, стр. 467.
[2] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 405.
[3] Там же, стр. 296.

речия, если учесть, что он различал понятия «государственность» и «государство». Для Белинского первое было неполным выражением второго, предварительной стадией в процессе становления государства. Белинский полагал, что, несмотря на ту роль, которую выполняла государственная организация в допетровской России в борьбе с внешними врагами, она оставалась незавершённой, односторонней в силу того, что до реформ Петра I Россия будто бы не знала такого важного внутреннего условия для её развития, как «борьба разнородных элементов», борьба сословий. В частности Белинский не видел в допетровской России активной деятельности горожан, среднего сословия, опираясь на которое короли в странах Западной Европы создали прочные централизованные государства. Поэтому Белинский приходил к неправильному выводу, что в России государство окончательно сложилось только при Петре I.

Однако отмеченные ошибки Белинского в известной мере преодолевались им при характеристике конкретных событий и явлений русской истории. В этом можно убедиться при анализе его взглядов по некоторым вопросам истории России от Ивана III до Петра I.

Содержание истории России от Ивана III до начала XVII столетия Белинский определял следующим образом: «Падение уделов, укрепление самодержавия, государственные формы, нравы, обычаи, сделавшиеся status quo: вот содержание русской истории от Иоанна III до периода междуцарствия» [1]. Рассматривая события и деятелей данного периода, Белинский высказывает глубокие суждения, смело выступая против представителей дворянской и формировавшейся в его время буржуазной историографии.

Известно, что в утверждении централизованного государства в России крупную роль сыграл Иван III. В дворянской историографии ему уделялось большое внимание. Так, Карамзин даже явно идеализировал Ивана III и крайне переоценивал историческое значение его деятельности, в чём выразились его монархические симпатии и реакционные политические воззрения.

Карамзин ставил Ивана III выше Ивана IV. А последовавший в данном вопросе вслед за Карамзиным Н. По-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 406.

левой сравнивал Ивана III по историческому значению его деятельности даже с Петром I. Белинский не мог согласиться ни с тем, ни с другим. В своей рецензии на книгу Полевого «Русская история для первоначального чтения» Белинский решительно возражал автору: «Излишнее пристрастие в пользу Иоанна III заставило историка быть пристрастным в невыгоду Иоанна IV. Славный дед Грозного нейдёт ни в какое сравнение с Петром: он был государь умный, хитрый, осторожный, благоразумный, твёрдый; ...он обеспечил, благодаря своему осторожному уму... самостоятельность Руси» [1]. Существо своей оценки Белинский не изменил и в дальнейшем. Отмечая, что Иван III, «*первый* царь русский, замысливший идею единовластия и самодержавия», отличался «железным характером, непреклонною волею» [2], Белинский, однако, никогда не ставил его выше Ивана IV и тем более Петра I.

Среди важнейших событий времени княжения Ивана III Белинский выделял присоединение к Московскому великому княжеству Новгорода с его обширными владениями. Это событие действительно являлось весьма важным по своим историческим последствиям. Будучи существенным этапом в объединении русских земель в единое государство, оно укрепило позиции московских великих князей в их борьбе с внешними врагами.

Внимание Белинского к истории Новгорода обусловливалось и особенностями того политического строя, которыми отличался Новгород до своего присоединения к Москве.

Первоначально довольно обширный очерк новгородского общественного и политического строя Белинский дал в одной из четырёх статей, опубликованных под общим наименованием «Древние российские стихотворения». Этот очерк понадобился ему для раскрытия исторических основ новгородской народной поэзии. Белинский прежде всего указывает на связь между Новгородом и Киевской Русью: «Новгород, вероятно, был колониею южной Руси, которая была первоначальною и коренною Русью» [3].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 444.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 42, 43
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 443.

Рассматривая далее важное значение в экономической жизни Новгорода торговли, в частности внешней, Белинский объяснял это обстоятельство географическими условиями: «Почва Новгорода бедная, болотистая, климат холодный», что и «направило поневоле деятельность новгородцев на торговлю: по невозможности быть земледельцами, они оторвались от общего славянского быта и сделались купцами, соседство же с немцами ещё более способствовало развитию их предприимчивости» [1].

Белинский отмечал социальные противоречия в Новгороде: «Вы видите существование в Новгороде двух сословий — аристократии и черни, которые не совсем в ладу между собою» [2]. Но этим противоречиям Белинский в соответствии со своим общим представлением об отсутствии классовой борьбы как внутренней движущей силы исторического развития в допетровской России первоначально не давал правильного истолкования, не видел в них «разумного» содержания. Поэтому Белинский приходил к следующему ошибочному выводу относительно государственной организации Новгорода: «Это был инфузорий государственной жизни, но не государство», в нём были только «зачатки государственной жизни» [3]. Белинский недооценивал степень зрелости новгородской государственной организации как феодальной боярско-купеческой республики, но он был безусловно прав в своём выводе о неизбежности и исторической прогрессивности присоединения Новгорода к Москве.

Обосновывая свой вывод, Белинский писал: «Бессилие разъединённой Руси дало Новгороду укрепиться; а соединение Руси в одну державу, без борьбы и особенных усилий, ниспровергло его. И если бы Москва допустила существование Новгорода,— он пал бы сам собою и стал бы лёгкою добычею Польши, или Швеции. Чтó не развивается, тó не живёт, а чтó не продолжает жить, тó умирает: таков мировой закон всех гражданских обществ» [4]. Выводу Белинского, которым подчёркивается историческая прогрессивность присоединения Новгорода к Москве,

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 443.
[2] Там же, стр. 446.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 443—444.

сделанному в самом начале 40-х годов в условиях недостаточной изученности истории Новгорода, нельзя отказать ни в глубине, ни в проницательности.

В тех же статьях, посвящённых народному творчеству, Белинский дал высокую оценку новгородским былинам. Ему были дороги национальные качества русского народа — любовь к свободе, самоотверженность, отвага, носителями которых были герои этих былин. «В грёзах народной фантазии сказываются идеалы народа, которые могут служить мерою его духа и достоинства,— писал революционный демократ и пламенный патриот.— ...И эта отвага, это удальство и молодечество, особливо в новгородских поэмах, являются в таких широких размерах, в такой несокрушимой исполинской силе, что пред ними невольно преклоняешься... Новгород можно смело назвать гнездом русской удали, и теперь составляющей отличительную черту характера русского народа» [1].

В статьях Белинского 1841 г. «Древние российские стихотворения», в которых он дал характеристику общественно-политического строя Новгорода, содержались основные положения, развивавшиеся им в дальнейшей борьбе против славянофилов. Антиславянофильская заострённость анализа общественно-политического строя Новгорода с особой силой выражена в статье Белинского 1847 г. «Ответ «Москвитянину»». В этой статье Белинский разоблачал взгляды славянофила Ю. Самарина, развитые последним в статье «О мнениях «Современника», исторических и литературных», напечатанной в журнале «Москвитянин».

Ю. Самарин, исходя из славянофильского убеждения в том, что особенностью славян, отличавшей последних от всех других народов, была наряду с религиозностью и смирением общинность, рассматривал Новгород как патриархальную общину, из чего вытекало отрицание им социальных противоречий в Новгороде и характеристика его вечевого строя как воплощения согласия и гармонического единства между «властью» и «миром». В основе славянофильской идеализации новгородского общественно-политического строя лежало стремление доказать превосходство допетровской Руси над послепетровской

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 463, 451.

Россией. Белинский не мог оставить без разоблачения подобную идеализацию старины.

В борьбе со славянофилами Белинский доказывал, что общинный строй, во-первых, не является особенностью только славянских племён и, во-вторых, что Новгород отнюдь не являлся патриархальной общиной, не знавшей внутренних социальных противоречий, а вечевой строй не обеспечивал защиты интересов народа.

Белинский решительно заявлял, что «общины были совсем не у одних славянских племён, как уверяют гг. славянофилы, а были у всех племён и народов в патриархальном состоянии, даже и у дикарей; да только нигде они не развились, во многих местах не удержались». Таким образом, Белинский вносил известную поправку в своё раннее представление относительно существенного различия между русским историческим процессом и западноевропейским в древний период.

Белинский придавал большое значение правильному решению вопроса об общественном строе славян, потому что славянофилы, как писал Белинский, назначили этому строю «свидетельствовать в пользу любовности, как общественной стихии, отличающей славянские племена от всех других» [1].

Но если общинная организация не была специфической особенностью славян, то отпадала и «любовность», т. е. отсутствие социальных противоречий, как якобы отличительный признак славянских племён. Распад общинных отношений у славян приводил к тем же последствиям, которые знали другие европейские народы,— к обострению социальных противоречий. История Новгорода и давала Белинскому доказательства для такого вывода.

Белинский в противоположность славянофилам доказывал, что Новгород, не будучи патриархальной общиной, знал социальные противоречия. В статье «Ответ «Москвитянину»» Белинский утверждал, что вслед за распадом общинного строя в Новгороде политическая власть оказалась в руках бояр, обострилась борьба между боярами и народными массами, находившая своё выражение в столкновениях при решении вопросов на вечевых собраниях, а подчас и в восстаниях народа против бояр. Бояр-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 43, 44.

ское меньшинство вынуждено было считаться с волей народа, поскольку «являлось слишком ничтожным, чтобы спорить с большинством, и часто соглашалось с ним не по убеждению, а из опасения хлебнуть волховской водицы» [1].

Характеризуя политический строй Новгорода, Белинский повторял свои прежние суждения относительно неоформленности его государственной организации. Он выступал против идеализации как общественного, так и политического строя Новгорода.

Важно отметить, что в более определённом указании Белинского на обострение социальных противоречий в Новгороде выявилась зрелость его революционно-демократических воззрений, позволившая ему разоблачить извращения славянофилов и по существу внести поправку к своему прежнему ошибочному представлению об отсутствии классовой борьбы в допетровской Руси. Белинский сделал шаг вперёд по сравнению с Радищевым и декабристами, отказался от революционно-романтической идеализации политического строя Новгорода и признавал его присоединение к Москве необходимым и прогрессивным явлением, тогда как дворянские революционеры видели в этом историческом акте лишь насилие со стороны Ивана III и ликвидацию новгородской вольности.

Из всех периодов истории России до XIX в. наибольшее внимание Белинский уделил времени Ивана IV и времени Петра I. Яркая личность Ивана Грозного, широта его замыслов, размах деятельности, драматизм и напряжённость борьбы, ею вызванной, а также исторические последствия его преобразований не могли не привлечь пристального внимания Белинского.

Во времена Белинского личность Ивана Грозного и его деятельность являлись предметом особого интереса как со стороны представителей исторической науки, так и художественной литературы. Белинский выдвинул и обосновал свою оригинальную точку зрения на эпоху и личность Ивана IV. Он сумел в условиях недостаточной изученности этого периода в основном правильно оценить прогрессивный характер деятельности Ивана IV.

Впервые Белинский высказал своё суждение о личности Ивана Грозного в 1836 г. в рецензии на книгу Н. Полевого

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 43.

«Русская история для первоначального чтения». Здесь он подвергает критике сложившиеся в исторической литературе мнения об Иване IV. Белинский начинает с критики Карамзина: «Карамзин представил его каким-то двойником, в одной половине которого мы видим какого-то ангела, святого и безгрешного, а в другой — чудовище, изрыгнутое природою в минуту раздора с самой собою, для пагубы и мучения бедного человечества, и эти две половины сшиты у него, как говорится, белыми нитками. Грозный был для Карамзина загадкою». Затем Белинский подвергает критике других историков, в частности автора рецензируемой им книги Н. Полевого: «Другие представляют его не только злым, но и ограниченным человеком, некоторые видят в нём гения. Г. Полевой держится какой-то середины: у него Иоанн не гений, а просто замечательный человек. С этим мы никак не можем согласиться». Давая здесь же свою оценку личности Ивана IV, Белинский писал: «Это была душа энергическая, глубокая, гигантская. Стоит только пробежать в уме жизнь его, чтобы удостовериться в этом» [1]. Вслед за этим Белинский даёт характеристику деятельности Ивана IV. Психологические перемены, происшедшие в нём к началу борьбы с боярством, Белинский объяснял той обстановкой, которая окружала царя. Белинский указывал на то, что наиболее деятельные члены Избранной рады — Сильвестр и Адашев — стремились использовать своё влияние на Ивана IV с целью полного подчинения его воли, что не могло не вызвать у царя стремления сбросить эту опеку. Белинский ярко описывает попытку бояр во время тяжёлой болезни Ивана IV в 1553 г. выдвинуть вопреки воле царя своего кандидата на престол — удельного князя Владимира Старицкого. Иван IV убедился, что «его сан, его достоинство поруганы... справедливость нарушена: его сын лишён престола, который отдаётся удельному князю... Этот удар был слишком силен, нанесённая им рана слишком глубока: царь восстал для мщения... Трепещите, буйные и крамольные бояре! ваш час пробил, вы сами накликали кару на свою голову» [2]. Говоря о «бездне преступлений» Ивана IV, Белинский всю вину за них возлагает на само-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 441—442.

[2] Там же, стр. 443.

вольство «бояр, этих буйных бояр, крамольных, корыстных, которые не почитали за бесчестие и стыд лености, нерадения, явного неповиновения царской воле, проигрыша сражения вследствие споров о местах, а почитали себя обесчещенными, уничтоженными, когда их сажали не по чинам на царских пирах» [1]. Белинский показал неизбежность борьбы Ивана IV с боярством, закономерность его перехода к опричнине. Но вместе с тем в своей первоначальной характеристике он ещё сильно переоценивал значение личных побуждений в политике Ивана IV по отношению к боярской знати и не мог ещё рассмотреть в этой политике её подлинного смысла. Общая оценка личности Ивана IV, остающаяся в рамках психологического подхода, даётся Белинским в рецензии 1836 г. в следующих словах: «Это был падший ангел, который и в падении своём обнаруживает по временам и силу характера железного и силу ума высокого» [2].

Наиболее значительным моментом в первоначальной оценке деятельности Ивана Грозного у Белинского выступает отношение царя к боярству. Ему было чуждо пристрастие Карамзина, идеолога реакционного дворянства, к боярской оппозиции. Наоборот, симпатии Белинского находились на стороне Ивана Грозного, боровшегося за упрочение централизованного государства в России. В последующих своих высказываниях и оценках Белинский всё более глубоко и последовательно доказывал неизбежность и историческую прогрессивность борьбы Ивана IV против боярской реакции, за укрепление самодержавной власти.

Эволюция суждений Белинского о деятельности Ивана Грозного определялась его идейно-политическим развитием. Прочно усвоив к концу 30-х годов идею объективной закономерности исторического процесса, Белинский распространяет её на понимание русской истории. В результате перед ним выдвинулась задача обоснования исторической необходимости и подготовленности преобразований Петра I, знаменовавших собой, как всегда полагал Белинский, поворотный период в истории России. В этой связи в новом свете представилось ему значение деятельности Ивана Грозного. В нём Белинский впервые в истори-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 442.
[2] Там же, стр. 444.

ческой науке начал усматривать далёкого предшественника Петра I. С тех пор данное представление прочно закрепится у Белинского и найдёт отражение во многих его высказываниях. Впервые же эта мысль была высказана в рецензии на исторические романы Лажечникова, относящейся к 1839 г. Здесь Белинский писал: «Вот могучий Иоанн III — *первый* царь русский, замысливший идею самовластия и самодержавия... Вот Иоанн IV, этот Пётр I, не во-время явившийся и грозою докончивший идею своего великого деда...» [1].

Переход на позиции революционного демократизма не мог не содействовать углублению представления Белинского о характере деятельности Ивана Грозного. Этому способствовало также внимательное изучение Белинским фольклора, который справедливо рассматривался им в качестве важного исторического источника.

Новым поводом для развёрнутого анализа деятельности Ивана Грозного, на этот раз уже на революционно-демократической основе, явилась для Белинского рецензия 1841 г. на сборник «Стихотворения М. Ю. Лермонтова», в частности оценка «Песни о купце Калашникове», посвящённой времени Ивана Грозного. Белинский, высоко оценивая это произведение Лермонтова, писал, что поэт создал «художественное произведение, во всей полноте, во всём блеске жизни, воскресившее один из моментов русского быта, одного из представителей древней Руси» [2]. Белинский отмечает, что в характеристике «колоссального образа» Грозного Лермонтов оказался близким к народной фольклорной традиции, в чём усматривает одно из важных достоинств его произведения.

Белинский высоко ценил произведения народного творчества, посвящённые Ивану Грозному. «Лучшие исторические песни — об Иване Грозном,— писал он.— Тон их чисто сказочный, но образ Грозного просвечивает сквозь

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 42. Тезис о том, что Иван IV являлся предшественником Петра I, наиболее отчётливо был сформулирован Белинским в статье 1841 г. «Древние российские стихотворения», где он назвал Ивана Грозного «предтечей и предвозвестником Петра Великого». Но это определение было устранено Краевским при редактировании статьи (см. «Литературное наследство» № 56, 1950 г., стр. 55).

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 35—36.

сказочную неопределённость со всею яркостью громовой молнии»[1]. Белинского привлекал образ Ивана Грозного, воссозданный в памятниках фольклора, включавших в себя прославление выдающихся дарований грозного царя как государственного деятеля и признание правоты его борьбы с боярством.

Белинский в 40-х годах начинает рассматривать Ивана Грозного как деятеля, попытавшегося утвердить новые начала в борьбе с отживающей стариной и тем самым решительно преобразовать страну, но оказавшегося бессильным осуществить эту задачу вследствие отсутствия необходимых условий, созревших только ко времени Петра I. «Это была сильная натура, которая требовала себе великого развития для великого подвига,— писал Белинский о Иване IV.—...Может быть это был своего рода великий человек, но только не во-время, слишком рано явившийся России,— пришедший в мир с призванием на великое дело и увидевший, что ему нет дела в мире: может быть в нём бессознательно кипели все силы для изменения ужасной действительности, среди которой он так безвременно явился, которая не победила, но разбила его и которой он так страшно мстил всю жизнь свою, разрушая и её и себя самого в болезненной и бессознательной ярости»[2].

Белинский, таким образом, рассматривал личность и деятельность Ивана Грозного во всей их сложности и противоречивости. Выдающиеся дарования и обширные замыслы царя были направлены на преодоление отсталости страны, которая явилась результатом неблагоприятных для России условий исторического развития — татарского ига и изоляции от стран Западной Европы, а также на сокрушение боярской реакции и укрепление единства страны под сильной самодержавной властью. Эти замыслы преследовали цель создания условий для прогрессивного развития страны и укрепления её национальной независимости, что соответствовало национальным потребностям и народным интересам. Добиваясь осуществления своих целей, Грозный выступал выразителем зревшего могущества русского народа, воплощал в себе черты его национального величия.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 467.
[2] Там же, стр. 24, 25.

Такова была зрелая и глубокая оценка личности и деятельности Ивана Грозного Белинским. Личность и деятельность Ивана IV рассматривались им в связи с особенностями русской истории данного периода и исторической перспективой развития русского государства. В понимании объективной прогрессивности деятельности Ивана Грозного наглядно проявилась глубина исторических воззрений великого русского мыслителя. Вместе с тем демократическая направленность исторических взглядов Белинского позволила ему сделать важный вывод, что у Грозного в его социальной политике не проявлялось «никакого особенного внимания к народу» [1]. Следовательно, Белинский понимал ограниченность прогрессивности мероприятий Ивана Грозного, не приведших к облегчению положения народных масс.

Но если Иван Грозный не смог добиться реализации всех своих целей, тем не менее его деятельность не рассматривалась Белинским в качестве бесплодной. Иван Грозный упрочил единство государства и авторитет самодержавной власти, нанёс сильный удар децентрализаторским стремлениям бояр. Имея в виду именно эти результаты деятельности Ивана IV, Белинский писал, что Иван Грозный — «характер сильный и могучий», «он довершил уничтожение уделов, окончательно решил местный вопрос» [2]. Интересно заметить, что в той же статье «Россия до Петра Великого», откуда взято приведённое высказывание, Белинский сравнивал Ивана Грозного с Людовиком XI, подчёркивая тем самым, что как выдвижение задачи создания единого государства с сильной самодержавной властью, так и методы её решения отнюдь не являлись специфическими только для России и Ивана IV.

Итоговая оценка деятельности Ивана IV была наиболее отчётливо сформулирована Белинским в 1843 г. в рецензии на книгу Маркевича «История Малороссии». Здесь он писал: «Царствование Грозного было периодом окончательного сформирования физиономии и духа старой Руси, а вместе с тем и началом отрицания того и другого. В лице Грозного выразилась идея этого отрицания, и неосновательно было бы думать, что дурное воспитание и

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 148.

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 123.

смерть Анастасии сделали Грозного бичём Руси. По натуре своей Иван Грозный был великий человек и для него возможны были только две роли — или Петра Великого, или *Иоанна Грозного;* для первой были непреодолимые преграды, заключавшиеся сколько в отчуждении Руси от Европы, столько и в хаотическом состоянии самой Европы,— и внук Иоанна III сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы её государственного быта» [1].

Таким образом, Белинский сумел оценить прогрессивный характер деятельности Ивана Грозного и тем самым показать полную несостоятельность взглядов представителей дворянской историографии Щербатова и Карамзина, тенденциозно извращавших смысл и содержание политики Ивана IV и не останавливавшихся при этом перед обращением к порочным иностранным источникам. Оценка Белинским деятельности Ивана IV оказала известное влияние на взгляды С. М. Соловьёва. Однако подход революционного демократа безусловно отличался от подхода буржуазных либералов к историческим проблемам, в частности и к такому важному вопросу русской истории, как оценка деятельности Ивана IV.

Белинский как революционный демократ стремился подчеркнуть в деятельности Ивана Грозного исторически-прогрессивные черты, видел в ней выражение борьбы нового со старым. Белинский вместе с тем отмечал в политике Ивана IV такие стороны, которые объективно соответствовали интересам народа, хотя он был далёк от идеализации её социальной направленности. Его интересовало отношение народа к Ивану Грозному, нашедшее выражение в народном творчестве. В результате оценка Белинским личности и деятельности Ивана Грозного отличалась своей разносторонностью и замечательной глубиной.

Соловьёв вслед за Белинским признавал выдающиеся качества Ивана Грозного и видел в нём предшественника Петра I. Однако буржуазно-либеральная ограниченность концепции русской истории Соловьёва не позволила ему понять всего исторического значения деятельности Ивана Грозного. Соловьёв обходил вопрос об отношении между политикой царя-реформатора и интересами народа, не

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 406.

проявлял внимания к тому, как сам народ в своём творчестве оценивал деятельность Ивана Грозного. Он сосредоточивал своё внимание в оценке времени Ивана IV почти исключительно на укреплении государственных начал. С другой стороны, при наличии стремления объяснить деятельность Ивана IV её обусловленностью исторической обстановкой Соловьёву свойственно было морализирование по поводу жестокостей Ивана Грозного, что сближает его с дворянской историографией.

Что касается славянофилов, то последние оказались совершенно неспособными дать что-либо новое в оценке времени Ивана Грозного и его деятельности. Разгадка всех сложных вопросов искалась ими исключительно в противоречиях характера Ивана Грозного, в сфере «его собственного духа». Так, Константин Аксаков в рецензии на VI том «Истории» Соловьёва отрицал наличие какой бы то ни было борьбы бояр против политики Ивана IV и представлял все боярские заговоры и измены только плодом необоснованной подозрительности царя, вызванной его психической неуравновешенностью. Такая тенденциозная оценка времени Ивана IV преследовала цель доказать господство «мира и согласия» в общественном строе допетровской Руси, идеализируемой славянофилами.

Белинский оценивал политику Ивана Грозного глубже и проницательнее не только своих современников, но и последующих поколений дворянских и буржуазных историков. В вопросе об историческом значении деятельности Ивана IV в дворянско-буржуазной историографии впоследствии наблюдалось движение вспять. Такие буржуазные историки, как В. О. Ключевский и Н. И. Костомаров, отказывались усматривать прогрессивные черты в политике Ивана IV. В своих оценках они сделали шаг назад от Соловьёва к славянофилам и Карамзину.

Характеристика Белинским деятельности Ивана Грозного и его личности представляет собой яркий образец того, как представитель прогрессивной исторической мысли в силу превосходства своего революционно-демократического мировоззрения оказался значительно выше представителей академической, дворянско-буржуазной историографии в понимании одного из важнейших вопросов истории России.

Белинский дал глубокую оценку деятельности и личности Бориса Годунова. В этой оценке с ещё большей силой, нежели в оценке Ивана Грозного, выявились особенности идейно-политических воззрений Белинского как революционного демократа.

Развёрнутую характеристику политики и личности Бориса Годунова Белинский дал в 1844 г. в статье, посвящённой драме А. С. Пушкина «Борис Годунов». Поскольку Белинский упрекал Пушкина в том, что он в своей трактовке образа Бориса Годунова пошёл вслед за Карамзиным [1], великий русский критик прежде всего остановился в своей статье на оценке личности Бориса Годунова Карамзиным. «Карамзинский Годунов,— указывал Белинский,— лицо совершенно двойственное, подобно Грозному: он мудр и ограничен, и злодей и добродетельный человек, и ангел и демон» [2]. Отвергая эту эклектическую оценку Бориса Годунова дворянским историком, Белинский раскрывает в статье своё понимание характера его деятельности и личности.

Белинский неоднократно подчёркивал выдающиеся дарования Бориса Годунова. В них в частности он усматривал доказательство его непричастности к убийству царевича Дмитрия, в чём обвиняли Годунова враждебно настроенные по отношению к нему современники, а вслед за ними и Карамзин. Белинский хотя и не брал на себя задачу окончательного разъяснения этого вопроса, но вся его аргументация клонилась к доказательству невиновности Бориса Годунова: «Грешно и стыдно утвердить недоказанное преступление за таким замечательным человеком, как Борис Годунов... Не утверждаем за достоверное, но думаем, что с большею основательностию можно считать Годунова невинным в преступлении, нежели виновным. Одно уже то сильно говорит в пользу этого мнения, что

[1] Необходимо отметить, что Белинский недостаточно глубоко раскрыл характеристику Бориса Годунова и его политики, которую дал великий русский поэт. В действительности характеристика Годунова, данная А. С. Пушкиным, резко отличалась от оценки этого исторического деятеля Карамзиным и имела много общего с высказанными впоследствии взглядами самого Белинского по данному вопросу. Пушкин отмечал непопулярность Годунова в народных массах и отсутствие поддержки его политики «мнением народным» (см. статью К. В. Базилевича «Борис Годунов в изображении Пушкина», «Исторические записки» № 1, 1937, стр. 29—54).

[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 151.

Годунов,— человек умный и хитрый, администратор искусный и дипломат тонкий,— едва ли бы совершил своё преступление так неловко, нелепо, нагло, как свойственно было бы совершить его какому-нибудь удалому пройдохе, в роде Дмитрия Самозванца, который увлекался только минутными движениями своих страстей и хотел пользоваться настоящим, не думая о будущем» [1].

Но вместе с тем Белинский должен был объяснить тот факт, что не только враги Бориса Годунова из среды боярской знати, но и народное мнение обвиняло его в этом преступлении. Стремясь объяснить это несомненно важное историческое обстоятельство, Белинский даёт со своих демократических позиций глубокую оценку характеру политики Годунова. «Здесь главный факт есть не убеждение тогдашнего народа в преступлении Годунова,— проницательно замечал Белинский,— а готовность, расположение народа к этому убеждению,— расположение, причина которого заключалась в нелюбви, даже в ненависти народа к Годунову» [2]. И далее Белинский раскрывает лицемерный характер социальной политики Годунова, его показной заботы о «благе народном», в основе которой лежало стремление властолюбивого царя к упрочению своего положения и к закреплению царского престола за своим родом. В связи с этим Белинский писал: «Из всех страстей человеческих, после самолюбия, самая сильная, самая свирепая — властолюбие. Можно наверное сказать, что ни одна страсть не стоила человечеству столько страданий и крови, как властолюбие» [3]. В этом обобщении ярко выразилось решительное отрицание революционером-демократом Белинским монархических начал, господство которых всегда означает порабощение и угнетение народных масс.

Демагогическая политика Годунова не встретила поддержки народных масс. Ему не удалось завоевать симпатии народа, и это определило неизбежность его падения. Объясняя причины неудачи Годунова, Белинский указывает на то, что «он хотел играть роль гения, не будучи

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 154. Отметим здесь беглую, но меткую характеристику Лжедмитрия.

[2] Там же, стр. 155.

[3] Там же, стр. 156.

гением,— и зато пал трагически и увлёк за собою падение своего рода...»[1]. Этот вывод явился поводом для Белинского ещё раз сформулировать своё понимание роли гениальных деятелей в истории. Важнейший признак гения — новаторство, его основное назначение — «ввести в жизнь новые элементы и, через это, двинуть её вперёд, на высшую ступень. Явление гения — эпоха в жизни народа. Гения уже нет, а народ долго ещё живёт в формах жизни, им созданной, долго — до нового гения... Тот не гений в истории, чьё творение умирает вместе с ним: гений по пути истории пролагает глубокие следы своего существования долго после своей смерти»[2]. Такими гениальными деятелями в истории России были по мнению Белинского Иван III, Иван IV и особенно Пётр I.

«Борис Годунов был человек необыкновенно умный и способный,— писал Белинский.—...Как правитель и как царь, Годунов обнаружил много ума и много способности; но нисколько гения». «Когда он сделался царём,— тогда он непременно должен был явиться реформатором-зиждителем»[3],— замечал Белинский. Однако, анализируя важнейшие мероприятия Годунова, он приходит к выводу, что Годунов не замышлял никаких коренных преобразований и не был способен на их осуществление при всех своих выдающихся способностях. Только глубокими реформами, улучшающими положение народных масс, содействующими быстрому прогрессивному развитию страны, Годунов мог упрочить свою власть. Не осуществив их, Борис Годунов сделал неизбежным своё падение, свою гибель. «На всех действиях Бориса, даже самых лучших,— указывал Белинский,— лежит печать отвержения. Все дела его неудачны, не благодатны, потому что все они выходили из ложного источника. Любовь его к народу была не чувством, а расчётом, и потому в ней есть что-то ласкательное, льстивое, угодническое, и потому народ не обманулся ею и ответил на неё ненавистью». И вслед за этими словами Белинский — великий революционер-разночинец — с чувством глубокого уважения и любви писал о народе: «Удивительное существо—народ!.. Он непогрешительно-истинен и прав в своих инстинктах;

---

1 *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 157.
2 Там же, стр. 157, 158.
3 Там же, стр. 158, 159.

если он иногда обманывался с этой стороны, то на одну минуту — не более, и кто не любит его по внутренней, живой, сердечной потребности любить его... любим никогда не будет». Сравнивая, далее, Годунова с Петром I, Белинский подчёркивает выдающиеся качества Петра, нашедшие выражение в размахе его реформ и энергичной борьбе за их осуществление, и неспособность Годунова к решительным преобразованиям: «Ведя Русь по старой колее, он сам не мог не споткнуться на этой колее, потому что старая Русь не могла простить ему того, что видела его боярином прежде, чем увидела царём своим. Чтоб утвердиться самому на престоле и упрочить его за своим потомством,— ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести в её жизнь новые элементы. Но для этого у него не было никакой идеи, никакого принципа. Он был только умнее своего времени, но не выше его. В нём жила старая Русь». Его преобразования укрепляли старое, но не вводили нового. Одним из таких «преобразований» являлось учреждение патриаршества в России. «Другое нововведение,— продолжает Белинский,— было ещё более в современном ему духе, и потому самому было вредно для России того века и для новой России, и гибельно для самого Годунова: мы говорим о том законе Годунова, который увековечен русскою пословицею: *Вот тебе, бабушка, Юрьев день!* Этим нововведением Годунов раздражил обе стороны, которых оно касалось — и помещиков и крестьян» [1]. В последнем мероприятии обнаружилась подлинная антинародная сущность политики Годунова, особенно ярко проявился демагогический характер его «заботы» о народе. Белинский рассматривал Годунова в качестве основоположника крепостного права: «До Годунова у нас не было крепостного сословия, и в этом отношении не мы у Европы, а Европа у нас могла бы с большою для себя пользою позаимствоваться,— заявлял он.—...И вот чем пережил себя Годунов в потомстве» [2]. Белинский, конечно, не прав в своём утверждении, так как он не различает длительного социально-экономического процесса складывания крепостных отношений от производного процесса их юридического оформления. К тому же и этот

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 162, 163—164.
[2] Там же, стр. 164.

процесс начался, вопреки мнению Белинского, задолго до Годунова. Однако Белинский сумел, как мы убедились, подчеркнуть крепостническую сущность политики Годунова.

При всей глубине оценок Белинским деятельности Ивана Грозного и Бориса Годунова в них нельзя не отметить наличия и слабых сторон. В центре внимания Белинского находилась характеристика личных качеств, личных стремлений Грозного и Годунова. Эта характеристика не была лишена черт психологизма и являлась идеалистической в своей основе. Иван Грозный рассматривается Белинским как гений, который оказался вследствие своей личной одарённости способным выдвинуть прогрессивные задачи, но встретил непреодолимые препятствия и потому не сумел добиться реализации всех своих замыслов. Другой — Годунов — не являлся гением, он не смог выдвинуть прогрессивные задачи и потому потерпел неудачу. Эти ошибочные суждения Белинского определялись тем обстоятельством, что он, придя к некоторым гениальным догадкам о роли выдающихся деятелей в истории, не мог дать последовательно научного решения этого вопроса, которое возможно лишь на основе материалистического понимания истории. В оценку таких личностей, как Иван Грозный и Годунов, Белинский, однако, привносил понимание связи их деятельности с реальной исторической обстановкой — и в этом сильная сторона его взглядов. Но, оставаясь идеалистом в понимании истории и не давая в силу этого материалистического разрешения вопроса о роли классовой борьбы в развитии общества, Белинский не удерживался от преувеличения роли личности в истории. Поэтому ему не удалось раскрыть социальную обусловленность политики Ивана Грозного и Годунова. Так, Белинский, понимая, какие задачи решал Иван IV и с какими консервативными силами он боролся, не смог всё же определить, на какие социальные слои он опирался, чьи интересы выражал и в ком находил активную поддержку. Белинский не раскрыл дворянского характера политики Ивана Грозного и Годунова, не увидел, что последний также боролся за укрепление самодержавия и являлся по существу продолжателем политики Ивана IV. В этом смысле его политика не была такой бесплодной, какой она

представлялась Белинскому. В выводах Белинского сказалось непонимание того, что внутри господствующего класса имелись различные группировки, боровшиеся между собой.

Однако при всём этом характеристика Белинским деятельности Ивана Грозного и Годунова свидетельствует о превосходстве воззрений великого русского революционера-демократа над современной ему дворянско-буржуазной историографией.

Начало XVII в.— период борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией — Белинский выделял в качестве особого периода истории России. Следует отметить, что Белинский пользовался принятыми в его время определениями данного периода — «междуцарствие», «смутное время», что не мешало ему наполнять эти определения содержанием, в значительной степени отличным от общепринятых канонов в современной ему русской историографии.

В начале XVII в. Польша и Швеция намеревались воспользоваться тогдашним внутриполитическим положением России, попытавшись превратить её в объект завоевания. Польско-шведская агрессия убедительно доказывала, по мнению Белинского, неотложную необходимость преодоления отставания страны, сковывавшего могучие силы русского народа и потому ставившего под угрозу независимость России. Только решительные преобразования во всех областях национальной жизни могли обеспечить прогрессивное развитие России и восстановление принадлежащего ей по праву положения великой державы среди европейских государств. «Вмешательство поляков и шведов было фактом, что отчуждённое от Европы существование Руси уже кончилось,— указывал Белинский,— и что ей должно было или погибнуть, или войти в состав политического тела Европы» [1].

Великий русский революционер-патриот был уверен в том, что неиссякаемые силы народа были тем «зерном жизни», которое и в это тяжёлое время национальной истории являлось залогом движения России вперёд, свидетельством её способности к мощному и самостоятельному развитию. Обозревая важнейшие периоды истории

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 406.

допетровской России, в том числе и период борьбы с польско-шведскими захватчиками, Белинский с чувством патриотической гордости писал о замечательных качествах великого русского народа, всегда с особой силой проявлявшихся в критические моменты его истории: «Дух народный всегда был велик и могущ: это доказывает и быстрая централизация Московского царства, и мамаевское побоище, и свержение татарского ига, и завоевание тёмного Казанского царства, и возрождение России, подобно фениксу, из собственного пепла в годину междуцарствия» [1].

В характеристике событий начала XVII в. Белинский сосредоточил внимание на борьбе русского народа за свою национальную независимость, на оценке вождей народного движения. Он с юношеских лет восхищался деятельностью великих русских патриотов — Минина и Пожарского. В 1829 г., описывая свои первые впечатления о Москве, Белинский сообщал своим родственникам о чувствах, навеянных на него памятником Минину и Пожарскому: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мной тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние!.. «Вот, думаю я, вот два... исполина веков, обессмертившие имена свои пламенной любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: имением, жизнию, кровию... и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности... Имена их бессмертны как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»» [2]. Это восхищение подвигом Минина и Пожарского Белинский пронёс через всю свою жизнь.

В 1836 г. Белинский писал о Минине, как об одном из величайших героев «нашей средней истории», которому «Русь одолжена своим спасением» [3]. Эта оценка противостоит оценке Белинским другого деятеля начала XVII в. — Прокопия Ляпунова. В своих замечаниях на статью Н. Полевого «Прокофий Ляпунов» Белинский соглашался с автором, что Ляпунов был «отнюдь не

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 274.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. I, стр. 19.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 445.

патриот, а напротив безнравственный человек, игравший присягами и клятвами, изменявший всем партиям. Мысль справедливая, хорошо изложенная и достаточно подтверждённая фактами» [1].

В характеристике деятельности Минина выражалась народная, демократическая основа патриотизма Белинского. Белинский подчёркивал, что Минин «был мясник, которому каждый боярин... мог безнаказанно наплевать в лицо», но он «умел не только возбудить патриотический восторг сограждан, но и поддержать его, согласить партии, примирить вождей... и достигнуть своей цели». Белинский с возмущением писал о спесивом отношении боярской знати к Минину после изгнания поляков из Москвы, когда ему дали дворянство и боярство, но не сделали полноправным участником боярской думы, где «этот *мясник* мог оскорбить своим присутствием достоинство знаменитых бояр, которые все были так доблестны, что и сам Мстиславский казался между ними гением первой величины» [2]. Вследствие этого выдающиеся государственные дарования Минина, с таким блеском проявленные им в период организации и руководства народным ополчением, в дальнейшем, по мнению Белинского, остались без должного применения.

Белинскому, конечно, была известна острота социальных противоречий в начале XVII в., борьба закрепощаемых крестьян с помещиками. Но неизученность этих вопросов, а также невозможность их освещения в подцензурных произведениях объясняют отсутствие у Белинского оценки крестьянского движения начала XVII в.

Среди важнейших событий XVII в. Белинский выделял присоединение Украины к России. Он справедливо усматривал в историческом акте воссоединения украинского и русского народов показатель упрочения могущества обоих народов. Белинский подчёркивал общность исторических судеб русского и украинского народов, закономерность, неизбежность и прогрессивный характер объединения их в едином государстве.

Белинский, выступая против дворянско-националистической идеологии и идеализации патриархальной

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 282.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 445.

старины в украинской жизни, высоко ценил замечательные национальные качества украинского народа, его патриотизм, мужество, замечательную храбрость в борьбе за свою независимость. Белинский с восхищением писал об украинских казаках: «Они умели храбро биться и великодушно умирать за свою родину, им не в диковинку было побеждать сильного врага с малыми средствами», но вместе с тем он с горечью замечал, что «они никогда не умели пользоваться плодами своих побед» [1].

Белинский отмечал историческое значение деятельности Богдана Хмельницкого, высоко ценя его более всего за глубокое понимание им необходимости присоединения Украины к России: «По мере того, как турки ослабевали, татары приходили в ничтожество, а Россия укреплялась — казачество становилось ненужным, и сила его погасала сама собой. Это глубоко понял величайший из мужей Малороссии — Богдан Хмельницкий». Он «был герой и великий человек в полном смысле этого слова. Много в истории Малороссии характеров сильных и могучих; но один только Богдан Хмельницкий был, вместе с тем, и государственный ум... Он был великий воин и великий политик. Потому-то и понял он, что Малороссия не могла существовать независимым и самостоятельным государством».

Оценивая результаты присоединения Украины к России, Белинский подчёркивал прогрессивное значение этого акта прежде всего для самого украинского народа. «Слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россиею, ей предстоит теперь великая будущность» [2],— предсказывал великий русский революционер-демократ.

Сейчас, когда Украина с помощью великого русского народа стала цветущей советской республикой, а украинский народ — одной из социалистических наций в великом содружестве народов Советского Союза, особенно ясна вся великая мудрость замечательного пророчества гениального русского мыслителя-революционера Белинского. Он выражал уверенность в том, что братская

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 409.
[2] Там же, стр. 411, 412, 413.

помощь русского народа, могучее влияние передовой русской культуры сыграют величайшую плодотворную роль в жизни украинского народа и явятся непременным залогом его прогрессивного исторического развития.

Эти взгляды Белинского сохранили и до сих пор огромное идейное значение. Они направлены против заклятых врагов украинского народа — националистов, пытающихся извратить его историю, отравить его сознание для того, чтобы оторвать от великого русского народа. Идеи Белинского и сейчас звучат как призыв к укреплению братского содружества украинского народа с русским, к всемерному развитию под благотворным влиянием русской социалистической культуры украинской культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме.

Белинский отчётливо понимал значение воссоединения двух родственных народов и для последующего государственного развития России. Опираясь на возросшее могущество страны, Пётр I мог в дальнейшем решительно осуществлять свои внутренние преобразования и, что особенно важно, победоносно завершить борьбу против внешних врагов России. В этой напряжённой борьбе русского народа существенную роль сыграла помощь украинского народа, судьбы которого были прочно и нераздельно связаны с судьбами общей и единой для братских народов родины — России.

* *
*

История России в допетровский период давала Белинскому богатейший материал для его идейно-политической борьбы со всеми врагами революционной демократии — представителями официальной народности, славянофилами и буржуазными либералами-западниками.

Освещая историю России с демократических позиций, подчёркивая в ней роль народных масс, Белинский наносил удар официальной историографии, превозносившей деятельность князей и царей и игнорировавшей роль народа в истории.

С революционно-демократических позиций Белинский боролся против славянофильской идеализации допетровской Руси. Он разоблачал реакционные и клеветнические

измышления славянофилов по поводу национальных качеств русского народа.

В своей замечательной статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский, опираясь на конкретные исторические факты из допетровского периода истории России, опровергает клеветническое утверждение славянофилов о смирении, как якобы об одном из главных и извечных качеств русского народа. Наоборот, указывал Белинский, «удельный период наш отличается скорее гордынею и драчливостью, нежели смирением». Отметив далее, что татарское иго установилось не в результате «смирения» русского народа, но по причине его ослабления междоусобиями удельных князей, Белинский продолжал: «Иоанн Калита был хитёр, а не смирен; Симеон даже прозван был «гордым»; а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением... И вообще как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российскою империею»[1]. Белинский вместе с тем опровергает и лживые вымыслы славянофилов о рабской покорности народа властям в допетровской Руси. Разоблачая бездоказательные заявления славянофилов — «защитников патриархальных нравов» — относительно непоколебимой верности и беспрекословного повиновения «народа высшей власти во времена старой России», Белинский утверждал, что «исторические факты слишком резко противоречат этому убеждению». По его справедливому мнению, борьба народных масс с боярством в Новгороде, а также народное восстание 1662 г. при Алексее Михайловиче, движение Степана Разина, о которых Белинский упоминал в рецензии на книги И. Голикова и В. Бергмана о Петре Великом[2], совершенно опровергали ложную идеализацию славянофилами социальных отношений в допетровской Руси. Вместе с тем, указывая на эти народные движения, Белинский вносил существенную поправку в

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 404.
[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 278.

свои собственные неправильные суждения об отсутствии классовой борьбы в истории России до реформ Петра I.

Характеризуя угнетённое положение народных масс в допетровской Руси, Белинский раскрывал социальные истоки такого своеобразного явления в истории России, каким было казачество. «Стеснённость и ограниченность условий общественной жизни, безусловная зависимость бедного от произвола богатого,— писал он,— ...всё это заставляло людей, чаще всего с сильными и благородными натурами, искать какого бы то ни было выхода из тесноты и духоты на простор и приволье души. Низовье страны, особенно степи, прилегающие к Волге и Дону, давали полную возможность для подвигов удальства и молодечества» [1].

Белинский обличал пороки общественного строя допетровской Руси и своекорыстную политику правящих кругов. Его исторические взгляды были проникнуты ненавистью к угнетателям и безграничной любовью к трудовому русскому народу. Белинский, выступая против идеализации русской старины, резко разграничивал характер и недостатки общественного и государственного строя древней Руси от исторической дееспособности народных масс. Обличая устаревшие, вредные для народа и для прогрессивного развития страны порядки, он всегда подчёркивал, что в русском народе были и есть могучие силы, способные преодолеть и уничтожить старые порядки и вывести Россию на путь ускоренного исторического прогресса. Великий русский демократ с гордостью писал о героической борьбе народных масс России против иноземных захватчиков, о борьбе, имевшей всемирно-историческое значение. Он считал, что действительная и самоотверженная любовь к родине, подлинный патриотизм являются неотъемлемыми качествами русского народа. Проявление активной деятельности народа Белинский видел в его борьбе со своими угнетателями. Народные массы были для Белинского носителями высоких моральных качеств в отличие от представителей господствующего класса. Трудовой народ — крестьяне, ремесленники, вольнолюбивые казаки — был для Белинского выразителем подлинных стремлений и национальных особенностей

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 474.

великой русской нации. В нём он видел «человечность, благородство, возвышенность», а не в знатных тунеядцах «старого времени, богатых только спесью, невежеством и низостью» [1]. Преобразования в России, призванные обеспечить её прогрессивное развитие, Белинский связывал с судьбами народных масс, а в богатых тунеядцах он видел носителей застоя и рутины. В статье 1845 г. «Петербург и Москва» Белинский заявлял: «В конце XVII века Московское царство представляло собою уже слишком резкий контраст с европейскими государствами, уже не могло более двигаться на ржавых колёсах своего азиатского устройства: ему надо было кончиться, но народу русскому надо было жить; ему принадлежало великое будущее...» [2]. Устарелые государственные формы должны были быть отброшенными, чтобы дать простор могучим силам русского народа.

Белинский сумел многосторонне оценить историю России допетровского периода, проследить её последовательное восхождение от одного этапа к другому, подчеркнуть усиление могущества русского государства и его влияние на исторические судьбы европейских народов, показать нарастание исторических предпосылок для ускоренного прогрессивного развития страны. С ещё большей глубиной и многосторонностью Белинский раскрыл историческое значение прогрессивных преобразований Петра I, открывших собой новый, более высокий этап в историческом развитии России.

* *
*

Реформы Петра I и его личность были в центре исторических интересов Белинского на протяжении всей его литературной деятельности, что находилось в неразрывной связи с острым политическим значением оценки реформ Петра I для решения в 30—40-х годах XIX в. коренных вопросов современной русской общественной жизни. Ни одному периоду в истории России Белинский не уделял столь пристального внимания, как периоду Петра I.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 474—475.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 211.

Для Белинского преобразования Петра I пролагали грань между старой и новой Россией, ставшей могущественным, быстро развивающимся государством. «Пётр Великий есть величайшее явление,— писал Белинский,— ...вызвавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России» [1]. Со времени Петра I, который «мощною рукою вдвинул Россию во всемирную историю» [2], для нашей страны открылся важнейший период её истории. При такой оценке значения преобразовательной деятельности Петра I в истории России вполне понятен повышенный интерес к ней со стороны Белинского.

Для правильного понимания значения многочисленных и весьма содержательных суждений Белинского о различных сторонах преобразовательной деятельности Петра I очень важно учитывать прежде всего крайне недостаточную изученность петровского периода во времена Белинского. Не только в 30-х, но и в 40-х годах XIX в. период Петра I не подвергался углублённому изучению ни в общих исторических трудах, ни тем более в специальных исследованиях. Дворянские историки, в том числе и славянофилы, ограничивались освещением далёкой старины. Никто из них в своих трудах не доходил до времени Петра I. Представители буржуазной историографии начали изучать данный период уже после смерти Белинского. Источники только начали публиковаться. Отмечая совершенно неудовлетворительное изучение периода Петра I, Белинский спрашивал: «Собрали ли мы материалы для его истории? Нет! — Сверили-ль, сличили-ль между собою, поверили-ль историческою критикою хотя известные нам факты? — Нет! Есть ли у нас хоть какие-нибудь, сколько-нибудь заслуживающие внимание попытки изобразить в стройной исторической картине жизнь и деяния Великого? — Доселе ещё — нет!» [3].

Белинский не случайно так живо интересовался вновь выходившими публикациями документов и отдельными сочинениями, посвящёнными периоду Петра I. В них он стремился почерпнуть новые сведения, дававшие ему воз-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 119.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. V, стр. 100.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 120.

можность оценить ранее неизвестные стороны деятельности Петра I. Свои оценки и суждения по вопросам, его интересовавшим, Белинский раскрывал в рецензиях на эти сочинения и публикации. Однако ему часто приходилось итти по пути первоначального обобщения материалов или даже вовсе не иметь таковых при освещении отдельных вопросов, что не могло иногда не приводить Белинского к некоторым ошибочным заключениям и крайностям в оценках. Имело значение и то обстоятельство, что суждения Белинского о различных сторонах преобразовательной деятельности Петра I и исторических результатах последней складывались в напряжённой борьбе великого революционного демократа с его идейно-политическими противниками, особенно со славянофилами, не только отрицавшими прогрессивное значение реформ Петра I, но даже считавшими их вредными для России. В борьбе со славянофилами, в пылу полемики, Белинский, высказывая глубоко верные мысли об историческом значении петровских преобразований, иногда не умел подойти критически к оценке деятельности Петра I и в некоторых случаях допускал её известную идеализацию.

Анализируя взгляды Белинского на события петровского времени, исключительно важно учитывать эволюцию его идейно-политических воззрений, влиявшую на характер оценок преобразований Петра I. Так, в 30-х годах, когда Белинский ещё питал надежду на преобразование России путём распространения просвещения среди народных масс, прославление Петра I являлось для него средством указать желательное направление и способы осуществления необходимых реформ. Тогда Белинский ещё полагал, что осуществление таких реформ зависит от воли и способностей царей, наделённых качествами Петра I. Однако к чести Белинского следует заметить, что он при всех своих ошибках отнюдь не считал, что Николай I способен подобно Петру I осуществить новые преобразования в России. И не случайно в «Литературных мечтаниях» Белинский подчеркнул в Петре I такие качества, которые отсутствовали в Николае I. Но идеализация деятельности Петра I в первоначальный период идейного развития Белинского мешала ему понять роль самодержавия в 30-х годах XIX в., задерживала

освобождение от ложных иллюзий, связанных с его временными «примирительными» настроениями.

В подходе Белинского в 30-х годах к оценке исторического значения деятельности Петра I сказывались абстрактное понимание исторического процесса и ошибочные представления о роли личности в истории. Поэтому первоначально Белинский защищал ошибочное утверждение о полном разрыве между допетровской и послепетровской Россией, осуществлённом волей царя-реформатора. В связи с общим процессом идейного развития Белинского и углублением его понимания закономерностей исторического процесса, роли народных масс в истории и отсюда — преодолением переоценки роли личности в историческом развитии он всё более освобождался от идеализации деятельности Петра I. Этот процесс особенно интенсивно протекал в последние годы жизни Белинского, когда он оценивал преобразования Петра с позиций революционного демократизма. Суждения и оценки Белинского, сделанные им в этот период, поэтому имеют наибольший интерес и значение.

Внимательно изучая преобразования Петра I, Белинский располагал таким богатым запасом конкретного материала, что его высказывания о периоде Петра I имеют важнейшее значение как обоснованные выводы одного из крупнейших знатоков этого периода в 30—40-х годах прошлого века.

Круг известных Белинскому источников и литературы о периоде Петра I отличался исключительной широтой. Ни один из периодов русской и всеобщей истории не был изучен Белинским с такой полнотой и разносторонностью. Белинский изучил материалы о времени Петра I, содержащиеся в труде И. И. Голикова «Деяния Петра Великого» [1]. На этот труд, а также на перевод сочинения

---

[1] Труд Голикова находился в библиотеке В. Г. Белинского («Литературное наследство» № 55, стр. 452). Кроме того, в его библиотеке имелись следующие источники и сочинения о времени Петра I: Голикова И. И. «Историческое изображение жизни и всех дел славного Женевца... Лефорта», Дм. Феодози «Житие и славные дела Петра Великого», Катифора Антония «Житие Петра Великого», Прокоповича Феофана «История императора Петра Великого», «Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого», Штелина Якова «Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом» и его же «Подлинные анекдоты о Петре

В. Бергмана «История Петра Великого» Белинский написал две обширные рецензии, опубликованные в 1841 г., в которых содержатся ценнейшие его суждения о деятельности Петра I.

Высоко ценил Белинский в качестве источников о времени Петра I записки современников. Поэтому он быстро откликнулся на появление в печати мемуарных произведений «Записки Желябужского» (1840 г.)[1] и «Записки русских людей. События времён Петра Великого» (1841 г.) [2]. Кроме рецензий, написанных на исторические труды и документальные сборники, суждения о событиях времени Петра I Белинский неоднократно высказывал в своих литературно-критических произведениях и письмах. Характеристика периода Петра I являлась одной из излюбленных тем Белинского.

С начала 40-х годов Белинский, отправляясь от своего понимания исторического процесса как закономерного, осознал необходимость и важность изучения исторических предпосылок петровских реформ. В этот период Белинский, пересматривая своё прежнее утверждение о полном разрыве между Россией петровского времени и допетровской Русью, обратил внимание на историю России второй половины XVII в. «Без сомнения, события этого времени,— писал Белинский в 1841 г.,— заключают в себе исторический интерес исключительной важности для

Великом» («Литературное наследство» № 55, стр. 452, 454, 464, 492, 496, 514).

[1] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 232—241. Белинский отмечал, что в «Записках Желябужского» «слышится живой голос современника, простой, чистосердечный, безыскусственный» (там же, стр. 240). Высказывая общее суждение о мемуарных источниках, Белинский писал: «Это суть истинные летописи наших времён, летописи живые, любопытные, писанные не добродушными монахами, но людьми по большей части образованными и просвещёнными, бывшими свидетелями, а иногда и участниками этих событий, которые описываются ими со всей откровенностию, какая только возможна в наше время, со всеми подробностями, которых ищет и романист, и драматург, и историк, и нравописатель, и философ. И в самом деле, что может быть любопытнее этих записок: это история, это роман, это драма, это всё, что Вам угодно! Что может быть важнее их? Десять, двадцать человек пишут об одних и тех же событиях, и каждый из них имеет своего конька... Сличайте, сравнивайте, поверяйте...» (*В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 80).

[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 306—329.

всей русской истории: здесь, в долговременной борьбе партий, окончившейся страшными смутами церкви, двора и всей Московии, слышится борьба начал, из которых постепенно, в течение всей последней половины XVII столетия, слагались новые элементы новой внутренней жизни государства, так целостно и так блистательно возникшие под мощною десницею... царя» [1]. Уже «при Алексее Михайловиче,— отмечает он,— пробудился дух реформы, как выражение внутренней, ещё бессознательной потребности России. Сделано было много нововведений и преобразований... Царь Феодор сожигает книги местничества: это была перчатка, брошенная старой Руси». Белинский заканчивал свою характеристику знаменательным выводом, который впоследствии будет дословно повторен С. М. Соловьёвым в его «Публичных чтениях о Петре Великом»: «Пётр возрос и воспитался в атмосфере преобразований». Однако вслед за приведёнными словами Белинский добавлял, что преобразования, осуществлённые до Петра I, «были ...довольно бесплодны, потому что требовали не полумер, но радикального переворота,— а для того, чтобы произвести его, требовалось гения. Таким гением был Пётр,— и он совершил переворот, для которого настало время и созрели элементы: Московское царство окончило своё историческое существование — возникала Россия и империя...» [2].

Гордясь трудовыми и ратными подвигами русского народа в прошлом, Белинский вместе с тем указывал и на неблагоприятные обстоятельства, тормозившие развитие страны в допетровский период. Могучему русскому народу недоставало развитой промышленности, регулярной армии, удобных средств сообщения, просвещения. Белинский понимал, что это отставание страны можно было ликвидировать только решительными преобразованиями: «Нужна была полная, коренная реформа — «от конечностей тела до последнего убежища человеческой мысли»» [3].

Таким образом, Белинский пришёл к выводу об исторической подготовленности петровских реформ как с

---

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 311.
[2] Там же, стр. 406.
[3] Там же, стр. 289.

точки зрения назревших потребностей поступательного развития русского народа, так и создания предпосылок для их успешного осуществления. При всём этом разрешение вопроса о предпосылках реформ Петра I у Белинского оставалось в конечном счёте идеалистическим. Он не мог вскрыть определяющих причин реформы в области материальных условий общественной жизни, и придавал поэтому решающее значение явлению производному — осознанным устремлениям Петра и его сподвижников, не раскрывая тем самым подлинных, объективных истоков этого важного исторического явления.

Но, оставаясь на идеалистических позициях, Белинский вместе с тем указывал и на конкретные исторические обстоятельства, делавшие реформы особо неотложными. Перед Петром стоял вопрос в такой форме: «Учись или умирай: вот что было написано кровью на знамени его борьбы с варварством» [1]. Пётр I стремился преодолеть отсталость России для того, чтобы отстоять её государственную самостоятельность. Именно эту сторону деятельности Петра I высоко оценивал Белинский. «Петру некогда было медлить,— писал он,— ибо дело шло уже не о будущем величии России, а о спасении её в настоящем. Пётр явился во время: опоздай он четвертью века, и тогда — *спасай* или *спасайся кто может!*.. Вспомните, в каком тогда состоянии были европейские государства в отношении к общественной, промышленной, административной и военной силе, и в каком состоянии была тогда Россия во всех этих отношениях!» [2].

Белинский со всей силой подчёркивал, что внешнеполитическая обстановка, сложившаяся в Европе к началу XVIII в., выдвигала задачу проведения коренных реформ, укрепляющих мощь России перед лицом нарастающей опасности агрессии со стороны западноевропейских государств. Россия, полагал Белинский, стояла перед реальной угрозой лишения своей самостоятельности и колониального порабощения. Он писал, что «и без реформы Петра Россия может быть сблизилась бы с Европою и приняла бы её цивилизацию, но точно так же, как Индия

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 282.
[2] Там же, стр. 280—281.

сблизилась с Англиею»[1]. Огромное историческое значение петровских преобразований заключалось, по мнению Белинского, прежде всего в том, что они предотвратили угрозу колониального порабощения России, укрепили её национальную независимость и обеспечили ей ведущее место в системе европейских государств.

Белинский указывал, что петровские преобразования проводились в исключительно напряжённой обстановке: «Скольких трудов, какого страшного борения стоило это перерождение! Ни в одном государстве не было такой ужасной борьбы»[2]. Но Петра I не останавливали трудности в его борьбе за укрепление экономического, политического и военного могущества государства. Трудности и жертвы, сопровождавшие преобразовательную деятельность Петра I, представлялись Белинскому неизбежными: «Когда же и где великие перевороты совершались тихо и без отягощения современников?» — спрашивал он. «Пётр своими делами писал историю, а не роман, он действовал как царь, а не как семьянин»[3].

Реформы Петра I знаменовали собой крутой поворот в историческом развитии России. Они были осуществлены Петром I энергично, решительными мерами. «Он понял, что полумеры никуда не годятся и только портят дело,— писал Белинский,— он понял, что коренные перевороты в том, что сделано веками, не могут производиться вполовину, что надо делать или больше, чем можно сделать, или ничего не делать, и понял, что на первое станет его сил»[4]. Поэтому, утверждал Белинский, Пётр не мог останавливаться перед применением крутых мер.

Суровые меры Петра направлялись против носителей рутины и застоя, защитников патриархальной старины, активно выступавших против петровских реформ. В ходе преобразований, по мере того как начали обнаруживаться их результаты, Пётр I сплачивал вокруг себя преданных помощников и опирался на их поддержку.

Результаты преобразовательной деятельности Петра I, укрепление экономического, политического и военного

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 281.
[2] Там же, стр. 236.
[3] Там же, стр. 286.
[4] Там же, стр. 282.

могущества России сказались уже в ходе Северной войны. Россия превратилась в могучее государство. Замечательная победа русской армии под Полтавой имела, как указывал Белинский, далеко идущие последствия для России: «Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была поверка действительности замыслов... великих» [1], принадлежавших Петру I. Вместе с тем битва под Полтавой имела важные непосредственные результаты. «Полтавская битва не могла не иметь сильного нравственного влияния на народ: многие из самых ожесточённых приверженцев старины должны были увидеть в этой битве оправдание реформы» [2],— писал Белинский. Ещё более ясно это стало после победоносного завершения войны с Швецией, когда Россия закрепила за собой выход к Балтийскому морю, превратившись, по словам Маркса, «из чисто континентальной страны в приморское государство», в результате чего «московская политика могла выйти из своих традиционных границ» [3].

Белинский разоблачал реакционные взгляды славянофилов о якобы искусственном и антинациональном характере Петербурга. Он с поразительной глубиной раскрыл историческую необходимость создания «новой столицы на берегу моря, которая дала бы нам средство легко и удобно сноситься с Европою» [4]. Великий революционный мыслитель Белинский, отправляясь от оценки возникновения Петербурга, пришёл к гениальной догадке, что «великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется, в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям проявления» [5].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 61.

[2] Там же, стр. 289.

[3] *К. Маркс,* Секретная дипломатия XVIII века. Цит. по книге «История СССР», т. 1, стр. 553.

[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 395.

[5] Там же, стр. 394.

Внутренние преобразования Петра, укрепление внешнеполитического могущества России, завоевание выхода к морю, создание новых государственных границ серьёзно изменили жизнь России. Экономическое развитие страны пошло ускоренными темпами: возникали новые фабрики и заводы, развернулось строительство каналов, оживилась торговля. Увеличился размах деятельности русских промышленников, купцов, и русские люди с исключительной энергией действовали в различных областях экономической, военной, политической и культурной жизни. Петровские реформы заложили прочные основы для дальнейшего подъёма русской культуры. Таковы были плодотворные результаты петровских преобразований, отмеченные Белинским.

Благодаря реформам Петра I русский народ добился исключительных результатов в ходе дальнейшего исторического развития. Он «с небольшим во сто лет новой жизни, воззванный к ней творящим глаголом царя-исполина, проявил себя и в великих властителях, и в великих полководцах, и в великих государственных людях, и в великих учёных, и в великих поэтах» [1].

Петровские преобразования превратили Россию в могущественную державу, занявшую видное место в системе европейских государств и оказавшую сильнейшее воздействие на судьбы Европы. Россия с тех пор играла выдающуюся роль в решении крупнейших европейских вопросов. «Только сто тридцать шесть лет прошло с этого вечно памятного дня, как Россия громами Полтавской битвы возвестила миру о своём приобщении к европейской жизни, о своём вступлении на поприще всемирно-исторического существования,— и какой блестящий путь преуспеяния и славы совершила она в этот короткий срок времени! — с законной патриотической гордостью писал Белинский в 1846 г.— Это что-то баснословно великое, беспримерное, нигде и никогда не бывалое! Россия решила судьбы современного мира, «повалив в бездну тяготевший над царствами кумир», и теперь, заняв по праву принадлежавшее ей место между первоклассными

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 258.

державами Европы, она, вместе с ними, держит судьбы мира на весах своего могущества» [1].

Основываясь на успехах, достигнутых Россией, Белинский твёрдо верил в то, что русский народ «ожидает ещё более великое, более славное будущее» [2].

Вполне понятно, что Белинский, столь высоко ценивший исторические результаты и значение преобразований Петра I, считал его великим историческим деятелем. Он отмечал выдающиеся личные качества Петра I — его кипучую энергию и решительность.

Белинский иногда не удерживался от идеализации Петра I, от переоценки его роли в истории России. Он, например, полагал, что Петру I «мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского!» [3].

Пётр I был для Белинского наиболее ярким воплощением великого деятеля, понявшего запросы своего времени и в практической созидательной деятельности сумевшего воплотить их в жизнь. Петра I Белинский считал замечательным деятелем-новатором, искоренявшим старое и упорно боровшимся за новое. «Пётр страстно любил... Русь,— писал он,— ... но в России он видел две страны,— ту, которую он застал, и ту, которую он должен был создать: последней принадлежали его мысль, его кровь, его пот, его труд, вся жизнь, всё счастие и вся радость его жизни» [4]. В деятельности Петра I с полной определённостью проявилась важнейшая особенность гения, которая была определена Белинским в следующих словах: «В гении не столько поражает находчивость нового, сколько смелость противопоставить его старому и произвести между ними борьбу на смерть» [5]. Оценка деятельности Петра I послужила Белинскому для обоснования его понимания роли выдающихся личностей в истории.

Многосторонняя характеристика Белинским петровских преобразований и выдающейся личности реформа-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 142.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 258.
[3] Там же, стр. 276.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 212.
[5] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 411.

тора противостояла в своём существе оценкам реакционных дворянских историков.

Известно, что ещё у М. М. Щербатова проявилось двойственное отношение к Петру I и его преобразованиям. В специальной статье Щербатов произвёл исчисление, на основании которого он доказывал, что реформы Петра I более чем на 200 лет ускорили историческое развитие России [1]. Но вместе с тем эти же реформы, создавшие основу новых порядков, явились, по мнению автора, причиной последующего «повреждения нравов». Щербатов подчёркивал насильственный, «деспотический» характер реформ Петра I, вставая на защиту «древней Руси», «древнего воспитания и древнего правления» [2].

Н. М. Карамзин как идеолог реакционного дворянства в начале XIX в. решительно осуждал реформы Петра I. В своей «Записке о древней и новой России» (1811 г.) Карамзин свёл всё значение преобразований Петра I к насильственному насаждению в России чуждых «начал европеизма», внедрение которых якобы приводило к извращению национальных свойств русского народа: «Пылкий монарх с разгорячённым воображением,— писал Карамзин,— увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландиею». Преобразования в жизни народа и государства только тогда хороши, по мнению Карамзина, когда они делаются «постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание... новое соединяя со старым», так как к древним государственным установлениям прикасаться опасно. Отсюда Карамзин делал вывод: «требуем более мудрости хранительной, нежели творческой» [3]. Идеолог реакционного дворянства, напуганный крестьянской войной под предводительством Е. Пугачёва и буржуазной революцией во Франции конца XVIII в., идеализировал допетровскую Русь. В преобразованиях Петра I Карамзин усматривал внедрение в Россию тех начал, которые во Франции привели к революции.

Славянофилы, пошедшие вслед за Карамзиным в идеализации допетровской Руси, последовали за ним и в отрицательной оценке реформ Петра I. Они отрицали истори-

---

[1] См. *М. М. Щербатов*, Соч., т. II, СПб. 1898, стлб. 13—22.

[2] Там же, стлб. 150.

[3] *Н. Карамзин*, Записка о древней и новой России, СПб. 1914, стр. 28, 22, 68.

ческую необходимость и закономерность преобразований, полагали, что Пётр I искажал национальные начала, насильственно толкнув Россию на чуждый для неё европейский путь развития, чреватый опасными для помещиков последствиями — классовой борьбой и революцией. Виднейший идеолог славянофильства Константин Аксаков, усматривая коренное различие между историей допетровской Руси и историей Западной Европы, видел в первой воплощение исконных «национальных» начал — общину, смирение, добровольное подчинение народа государству, а в Западной Европе — борьбу классов, революционные брожения, как показатели её «распада» и «гниения». Аксаков осуждал Петра I за то, что он «вводит подражательность чужим краям, Западной Европе... Переворот сопровождается насилием... Россия разделилась на двое и на две столицы. С одной стороны, государство с своей иностранной столицей Санкт-Петербургом; с другой стороны земля, народ, с своей русской столицей Москвой» [1]. Аксаков считал реформы Петра *переворотом,* который представлял собой «дело, небывалое на Руси, и не принадлежит к тем мирным изменениям, которые совершаются легко и неприметно» [2]. Аксаков полагал, что Пётр своими реформами оторвал Россию от её родных источников и толкнул страну на ложный и опасный путь западноевропейского развития.

Белинский подверг решительной и принципиальной критике славянофильские извращения в оценке исторического значения реформ Петра I. Он понимал прямую связь славянофильских воззрений с реакционными политическими устремлениями защитников патриархальной старины.

Белинский прежде всего обрушился на утверждение славянофилов о том, что преобразования Петра I будто бы являлись антинациональными. В противоположность славянофилам Белинский доказывал, что эти преобразования, будучи прогрессивными, не могли не быть национальными. Могучие силы русского народа были скованы косностью и рутиной допетровской Руси. Преодолевая их, Пётр I создавал благоприятные условия для прояв-

---

[1] *К. Аксаков,* Соч., т. I, М. 1889, стр. 53—54.

[2] Там же, стр. 48.

ления народных сил. «Русская жизнь... до Петра Великого есть тело полное избытком органической жизни,— писал Белинский в 1841 г.,— крепкое, здоровое, могучее, великое, вполне способное, вполне достойное быть сосудом необъятно-великой души, но — тело, лишённое этой души и только ожидающее, ищущее её... Пётр вдунул в него душу живу — и замирает дух при мысли о необъятно великой судьбе, ожидающей народ Петра...» [1]. Далее Белинский писал в 1843 г., развивая мысль, впервые высказанную в «Литературных мечтаниях»: «Пётр был полным выражением русского духа и если бы между его натурою и натурою русского народа не было кровного родства,— его преобразования, как индивидуальное дело сильного средствами и волею человека, не имели бы успеха» [2]. Белинский указывал на ту связь, которая существовала между замечательными качествами русского народа и качествами Петра I: «Мы уже не говорим о том, что из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Пётр: только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ. Если бы у нас и не было ни одного великого человека, кроме Петра, и тогда бы мы имели право смотреть на себя с уважением и гордостью, не стыдиться нашего прошедшего и смело, с надеждою смотреть на наше будущее» [3].

Деятельность Петра I, по мнению Белинского, ярко подтверждала его мысль, выраженную следующей формулой: «Что в народе бессознательно живёт как возможность, то в гении является как осуществление, как действительность. Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она» [4].

С позиций признания неразрывной связи между деятельностью Петра I и созревшими национальными потребностями Белинский решительно отвергал упрёки Карамзина и славянофилов по адресу Петра I в том, что последний своими реформами якобы оторвал русский народ от родных источников. «Пётр выразил собою,— писал Белинский,— великую идею самоотрицания случайного и

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 424.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 139.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 263.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 411.

произвольного в пользу необходимого, грубых форм ложно развившейся народности в пользу разумного содержания национальной жизни»[1]. Своими реформами Пётр I не пересоздал русского народа, «а только вывел его из кривых, избитых тропинок на столбовую дорогу всемирно-исторической жизни»[2]. Русский народ сохранил свои лучшие национальные качества, обогащая и развивая их в ходе своего последующего развития.

Анализ исторических последствий петровских реформ также давал возможность Белинскому глубоко раскрыть их национальный характер и показать ложность славянофильских концепций. «Если бы русский народ не заключал в духе своём зерна богатой жизни,— утверждал Белинский,— реформа Петра только убила бы его на смерть и обессилила, а не оживила и не укрепила бы новою жизнью и новыми силами»[3]. Между тем, в результате реформ Петра I силы русского народа ещё более окрепли: «Преобразование Петра Великого и введённый им европеизм нисколько не изменили и не могли изменить нашей народности,— делал вывод Белинский,— но только оживили её духом новой и богатейшей жизни и дали ей необъятную сферу для проявления и деятельности»[4].

Белинский, следовательно, рассматривал петровские реформы не только как гениальное творение Петра, но и как яркое выражение творческих сил русского народа, располагающего неограниченными возможностями для исторического прогресса. Он выражал убеждение в том, что преобразовательная деятельность Петра обеспечила прочные основы независимости и национально-самостоятельного развития русского народа во всех областях материальной и духовной жизни.

Разоблачая славянофилов, Белинский писал в 1848 г.: «Только люди... не признающие доказательной силы фактов, могут думать, что реформа Петра не коснулась народа, и если зацепила его, то чисто внешним образом. Это очевидная нелепость. Что русский народ — один из способнейших и даровитейших народов в мире,— это он сам доказал... хорошо...»[5]. Творчески воспринимая лучшие

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 139.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 275.
[3] Там же, стр. 263.
[4] Там же, стр. 260.
[5] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 164.

достижения других народов, умножавших свои культурные ценности благодаря спасению их русским народом от татарских завоеваний и от турецкого владычества, даровитый русский народ, полагал Белинский, развивал свою самостоятельную и богатую культуру, а петровские преобразования создали для этого более благоприятные условия.

Белинский подчёркивал, что русский народ вынес на своих плечах всю тяжесть петровских реформ. «Вся реформа его,— писал великий русский революционный демократ о преобразованиях Петра I,— была тяжким испытанием для народа, годиною трудною и грозною» [1].

Глубоко разрешая многие важные вопросы истории петровских реформ, Белинский и при изучении этой эпохи тем не менее обнаружил слабые стороны своих исторических воззрений. Он не смог раскрыть классовую сущность петровских реформ и социальную природу укрепляемого Петром национального государства.

Эти коренные проблемы могли быть научно решены лишь с позиции материалистического понимания истории. С исключительной глубиной и яркостью вопрос о классовой сущности политики Петра I разрешил И. В. Сталин. «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса,— говорил И. В. Сталин.— Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» [2].

Не поняв столь важного вопроса, Белинский сосредоточивал своё внимание на оценке значения петровских преобразований для нации в целом, не подчёркивал, что они вместе с тем привели к усилению эксплуатации крестьянства со стороны помещиков и помещичьего государства. Таким образом, указывая на историческую прогрессивность петровских реформ, Белинский не отмечал их социальной ограниченности. Кроме того, справедливо подчёркивая национальный характер содержания петров-

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 286.
[2] *И. В. Сталин,* Соч., т. 13, стр. 105.

ских реформ, Белинский недостаточно последовательно раскрывал то обстоятельство, что некоторые иностранные заимствования, сделанные Петром I, были излишни, бесполезны, а в некоторых случаях и вредны.

Однако необходимо отметить, что взгляды Белинского по различным вопросам истории петровских преобразований углублялись и развивались в связи с развитием его революционно-демократического мировоззрения.

Белинский всегда считал Петра I символом движения вперёд, символом борьбы с отсталостью и рутиной. Он всегда признавал реформы Петра I крупнейшим переломом в историческом развитии России, высоко расценивал могучий толчок, который дали эти преобразования для движения России вперёд. Белинский подчёркивал значение инициативы Петра I в осуществлении реформ, полагая, что в начале XVIII в. благодаря отсутствию в допетровской России классовой борьбы как движущего начала её развития (и в этом он ошибался) реформирование «сверху» являлось необходимым и плодотворным. Белинский считал одним из важнейших результатов петровских преобразований создание в России условий для борьбы «разнородных элементов».

В последние годы жизни Белинского в результате углубления революционно-демократических убеждений в его отношении к петровским преобразованиям произошли определённые изменения.

Для Белинского проблема преобразований Петра I никогда не имела чисто академического интереса, она всегда связывалась им с живыми политическими вопросами современности. И поэтому, когда в 40-х годах в России стало более остро ощущаться нарастание классовых противоречий, стала расширяться борьба крестьянских масс за освобождение от крепостного гнёта, Белинский, чутко отражавший настроения крепостных крестьян, не только понял неотложную необходимость коренных преобразований в России, призванных освободить народные массы, но и стал глубоко задумываться над вопросом о путях и средствах предстоявших преобразований. Он стремился определить характер этих преобразований и те силы, которые могут их осуществить. Благодаря этому и проблема петровских реформ предстала перед Белинским в новом свете.

В новых условиях первостепенную важность приобрёл вопрос не о том, закономерны ли были преобразования Петра в прошлом, а о том, всё ли они сделали, может ли Россия удовлетвориться их результатами и возможно ли новые исторические задачи решать реформами «сверху»?

Белинский в итоге своих глубоких размышлений пришёл к важным выводам. Теперь Белинский всё более переносил центр тяжести на те вопросы, которые и не ставились во время Петра. Самодержавно-крепостническое государство и крепостное право, которые Пётр I своими реформами укреплял и расширял, рассматриваются Белинским как такие остатки старины, которые в условиях 40-х годов XIX в. стали сильнейшим препятствием для дальнейшего прогрессивного развития России. Поэтому уничтожение их выдвигалось Белинским в качестве неотложной исторической задачи. С этих позиций великий демократ обосновывал необходимость и неизбежность грядущей революционной ломки отживших общественных отношений.

В статьях и рецензиях Белинского 40-х годов, посвящённых Петру I, в подцензурной форме проводилась идея необходимости ликвидации самодержавно-крепостнического режима. Не случайно некоторые его статьи о Петре I оказались запрещёнными цензурой или незаконченными, а те, которые были напечатаны, уродовались до такой степени, что Белинский приходил в отчаяние.

Эти идеи Белинского нашли наиболее полное и отчётливое выражение в его статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Здесь Белинский писал, что новые задачи, стоявшие перед Россией, следует решать по-новому: «Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразования... Реформа совершила в ней своё дело, сделала для неё всё, что могла и должна была сделать и... настало для России время развиваться самобытно, из самой себя» [1]. Теперь Белинский с особой настойчивостью подчёркивал невозможность решать качественно новые задачи, стоявшие перед Россией в 40-х годах XIX в., путём

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 399.

даже таких обширных реформ, какими были петровские преобразования. Новые задачи должны решаться иными, «самобытными», т. е. революционными, способами — таков главный вывод Белинского.

Программа неотложных преобразований, развитая в знаменитом «Письме к Гоголю», для Белинского была только исходной. В новых условиях, новыми средствами, не путём реформ «сверху», как это сделал в прошлом Пётр I, а опираясь на революционную энергию политически созревших масс, Россия может и должна совершить революционный скачок в своём развитии, неизмеримо превзойдя в его результатах реформы Петра I, и таким образом полностью преодолеть своё экономическое и политическое отставание. Таковы мысли Белинского, которые он проводил сквозь цензурные рогатки в своих последних произведениях.

Революционно-демократические взгляды Белинского были в корне враждебны концепциям буржуазных историков.

Впоследствии, уже после смерти Белинского, когда буржуазные историки начали углублённое изучение реформ Петра I, они противопоставили своё освещение преобразований первой четверти XVIII в. их истолкованию Белинским, стремясь нейтрализовать революционизирующее воздействие его идей, а также воззрений идейных преемников великого революционера-демократа — Чернышевского и Добролюбова. Буржуазные историки не отрицали в отличие от дворянских историков, в том числе и славянофилов, закономерность реформ Петра I, но самую закономерность истолковывали извращённо. Для буржуазных историков понятие «закономерность» вполне совпадало с понятием «постепенность». В соответствии с этим они утверждали, что Пётр I только продолжал то, что *постепенно* начало осуществляться до него, и особенно подчёркивали именно эту постепенность. Так, С. М. Соловьёв, крупнейший буржуазный историк, начавший научную деятельность ещё при жизни Белинского и уже тогда пришедший к тем выводам, которые он обосновывал в своих позднейших работах, полагал, что реформы Петра I, осуществлённые «сверху», показали своё превосходство над «болезненными» революционными преобразованиями. В ходе реформ преобразователь умел держать народ в

узде, за что высоко ценился Соловьёвым. Тем самым Соловьёв, много сделавший в своё время для изучения реформ Петра I, дал типично буржуазную трактовку их исторического смысла и значения.

Эта буржуазная трактовка преобразований Петра I окончательно сложилась и настойчиво пропагандировалась в условиях нарастания революционной ситуации и подготовки в России буржуазных реформ 60-х годов прошлого века. Идеологи буржуазии в тот период, боясь массовых народных движений, опасность которых к середине XIX в. значительно возросла, рассматривали реформы Петра I как исторический образец для предстоящих буржуазных реформ. Последние, по их мнению, должны быть также проведены «сверху», постепенно, без потрясений «снизу». Развивая своё понимание петровских преобразований, Соловьёв как бы призывал Александра II следовать примеру Петра I.

В своём истолковании реформ Петра I Соловьёв в некоторых вопросах недалеко ушёл от Карамзина. У реакционного дворянского историка Карамзина и у буржуазного историка Соловьёва при всём различии их взглядов была коренная общность: и тот и другой одинаково боялись народных движений, одинаково решительно отрицали революционную ломку и даже в крутых преобразованиях, типа реформ Петра I, усматривали опасность. Отсюда проистекало отрицание последних Карамзиным и либерально-буржуазная трактовка их характера Соловьёвым, что было одинаково чуждо революционному демократу Белинскому.

Белинский дал наиболее глубокую и разностороннюю для своего времени оценку реформ Петра I, их исторического значения, личности самого преобразователя и сделал проницательные выводы из своего анализа для определения путей будущего развития России. В этом раскрылась глубина и революционно-демократическая основа его исторических воззрений. Исключительно плодотворная разработка Белинским проблемы петровских преобразований, имевшей в его время важное общественно-политическое значение, явилась крупнейшим вкладом великого русского демократа в развитие революционной исторической мысли в России. Оценки реформ Петра I

Белинским, особенно данные им в последние годы жизни, легли в основу дальнейшей разработки этой важной проблемы русской истории Чернышевским и Добролюбовым, которые творчески развивали и углубляли в новых условиях классовой борьбы в России плодотворные мысли своего гениального предшественника.

* *
*

После Петра I для России начался новый период её истории. Об этом периоде у Белинского мы находим сравнительно мало высказываний. Он считал, что петровские преобразования стали источником и исходным началом всего последующего экономического, политического и культурного развития России.

Белинский указывал, что ближайшие преемники Петра I не оказались достойными продолжателями своего великого предшественника. Что же касается времени, непосредственно следующего за смертью Петра I, то Белинский называл его «тёмной годиной» русской истории, в продолжение которой Русь влачилась «в колее, проложенной Петром, не двигаясь вперёд» [1].

Детальный анализ послепетровского периода для Белинского затруднялся рядом обстоятельств. Если во времена Белинского эпоха Петра I была весьма слабо освещена в русской исторической литературе, то опубликованные источники и литература, посвящённые послепетровскому периоду, отличались ещё большей бедностью. Белинский поэтому имел мало возможностей для изучения данного периода. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что указанный период в истории России уже во многом непосредственно смыкался с современностью и освещение его событий особенно близко затрагивало интересы царизма и господствующего класса. Поэтому он мало освещался даже историками, далёкими от какой-либо оппозиционности по отношению к самодержавно-крепостническому строю. Возможности же освещения послепетровского периода для революционера-демократа Белинского были тем более ограниченными. Многие вопросы в условиях жестокого полицейско-цензурного ре-

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 198.

жима не могли даже косвенно затрагиваться в его произведениях. Только в критических статьях и рецензиях, посвящённых писателям XVIII в. или художественным произведениям, рисующим события этого времени, Белинский давал характеристику отдельных, наиболее выдающихся событий послепетровского периода, а также ряда исторических деятелей.

Характеризуя царствование Анны Ивановны, Белинский с негодованием писал о засилье иностранцев, о «тирании ужасного Бирона» [1]. Анна Ивановна была для Белинского одной из самых незадачливых преемниц Петра I, в продолжение царствования которой Россия могла сохранять своё могущество лишь благодаря плодотворным результатам преобразований выдающегося реформатора.

К наиболее значительным последствиям реформ Петра I Белинский относил развитие просвещения и науки в России. Уже через два десятилетия после смерти Петра I на поприще русской науки начал свою деятельность великий русский учёный Михаил Васильевич Ломоносов. Белинский восторгался силой и достижениями его универсального научного гения, подчёркивал его выдающиеся заслуги перед русской наукой и литературой. Он сравнивал Ломоносова с Петром I по роли, сыгранной им в развитии русской науки и литературы, справедливо считая Ломоносова основоположником русской науки.

В рецензии на книгу Ксенофонта Полевого «Михаил Васильевич Ломоносов» Белинский писал: «Между Ломоносовым и Петром большое сходство: тот и другой положили начало великому делу, которое потом пошло другим путём, другим образом, но которое не пошло бы без них» [2]. В той же рецензии Белинский писал о Ломоносове: «Вся жизнь его была прекрасным подвигом, беспрерывною борьбою, беспременною победою. Голова ходит кругом от мысли, что было сделано в России до Ломоносова и что он должен был сделать и что сделал... Он всё должен был сам сделать, всему положить начало... Только после него стал возможен в России раздел учёных и литературных трудов... Он пишет грамматику...

---

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. III, стр. 39.

[2] Там же, стр. 8.

даёт законы языку и утверждает их образцами... Введённое им стихосложение осталось навсегда в русском стихотворстве... Мы ...думаем, что Ломоносов был человек с решительным талантом к поэзии... Риторика Ломоносова тоже была великою заслугою для его времени... Ломоносов был не только поэтом, оратором и литератором, но и великим учёным» [1].

Белинский подчёркивал, что Ломоносов вышел из самой толщи народных масс и был пламенным патриотом, глубоко верящим в творческие силы и способности русского народа. Белинский указывал на значение его замечательной деятельности для России и русского народа. «Ослепительно и прекрасно было это явление,— писал Белинский.— Оно доказало собой, что человек есть человек во всяком состоянии... Что ...русский способен ко всему великому и прекрасному не менее всякого европейца» [2]. Для Белинского Ломоносов был олицетворением гения, пролагающего новые пути в науке. Гений Ломоносова выражал собой могучие духовные силы русского народа, и сам Ломоносов всю силу своего замечательного дарования отдавал народу, «подготовляя в нём нового действователя на сцене мира» [3].

Высоко ценя разностороннюю и плодотворную деятельность Ломоносова, Белинский воздавал должное гениальному сыну великого народа.

Белинский с удовлетворением отмечал, что во второй половине XVIII в. стали ощутительно сказываться результаты преобразовательной деятельности Петра I: «Всё насаждённое Петром начало приносить плод сторицею», и русский народ стал «одним из могучих действователей на поприще исторического мира» [4].

Белинский с гордостью писал о мощном развитии культуры русского народа во второй половине XVIII в. Осуждая преклонение перед иностранщиной в среде господствующего класса, он в развитии национальной культуры видел основу прогресса России и выражение духовного богатства русского народа. Белинский подчёркивал

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. III, стр. 10—12.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 331.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. III, стр. 8.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 236.

важность того, что во второй половине XVIII в. «охота к чтению перешла, через высшее дворянство, к среднему, от него к чиновническому люду, и теперь начинает переходить и к купечеству»[1]. В этом отношении большая заслуга принадлежала выдающемуся русскому просветителю Н. И. Новикову, который своей интенсивной издательской деятельностью распространил «охоту к чтению... и через это создал массу читателей»[2].

Деятельность Новикова вызывала восхищённую оценку со стороны Белинского. Ещё в «Литературных мечтаниях» он писал: «Кому не известно, хотя по наслышке имя *Новикова*? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас... забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе!»[3]. Своей оценки Белинский не изменил и впоследствии. В 1846 г. в статье «Н. А. Полевой» Белинский писал о Новикове: «Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своём отечестве»[4].

Белинский ещё более высоко оценивал степень развития просвещения и успехи русской науки и литературы, достигнутые в первой половине XIX в. Они позволили великому революционеру-демократу с гордостью заявить: «Мы... не *сеиды* европеизма, мы уже не хотим быть ни французами, ни англичанами, ни немцами, но хотим быть русскими в европейском духе»[5].

Было бы крайне интересно выяснить отношение Белинского к такому историческому событию, как крестьянское движение, возглавленное Емельяном Пугачёвым. Но, к сожалению, материалов по этому вопросу у нас нет. В 1835 г. Белинский с сочувствием отозвался о вышедшем из печати труде А. С. Пушкина «История пугачёвского бунта» (так вынужден был А. С. Пушкин назвать «Историю восстания Пугачёва» по требованию Николая I), оценив это историческое исследование гениального пи-

---

[1] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 280.
[2] Там же, стр. 88.
[3] *В. Г. Белинский*, Соч., т. I, стр. 343.
[4] *В. Г. Белинский*, Соч., т. X, стр 310.
[5] *В. Г. Белинский*, Соч., т. XII, стр. 284.

сателя как «примечательное явление в области нашей учёной литературы»[1]. Но развёрнутой оценки восстания Пугачёва Белинский не мог дать ни тогда, ни впоследствии. Статьи о Пугачёве цензурой не пропускались. Характерно в этом отношении сообщение Белинского в письме к Боткину от 26 декабря 1840 г. о запрещении такой статьи в «Отечественных записках»: «В 1 № выкинули преинтересную статью о Пугачёве — не знаем что и делать с цензурою — самая кнутобойная и калмыцкая!»[2]. По этой же причине Белинский не мог даже упомянуть в своих произведениях имя великого революционного писателя А. Н. Радищева.

Среди наиболее замечательных исторических личностей второй половины XVIII в. Белинский прежде всего выделял великого Суворова. Русский патриот Белинский гордился тем, что его народ выдвинул гениальных деятелей на разнообразных поприщах: Ломоносова — в науке, великого русского полководца Александра Васильевича Суворова — на поприще военного искусства. Для Белинского Суворов был «чудо-богатырь, выигравший столько же побед, сколько давший сражений, опора и рушитель царств, он, которого видевшие ещё живы, и который стал уже каким-то мифом, каким-то фантастическим героем фантастической поэмы»[3]. Белинский подчёркивал величайшую роль Суворова, поднявшего на невиданную высоту славу русского оружия и создавшего самую передовую военную науку своего времени.

Из событий начала XIX в. Белинского более всего привлекала Отечественная война 1812 г., когда русский народ с честью выдержал грозное испытание и, отстояв свою национальную независимость, разгромил армию Наполеона и разрушил его империю.

Подчёркивая особое значение войны 1812 г. для исторических судеб России и русского народа как войны отечественной и освободительной, Белинский писал: «Дело шло уже не о новой приобретённой провинции, не о клочке земли, отбитой у врагов и моря для построения города, ни даже о завоевании царства и царств: дело шло сперва о собственном спасении, а потом о спасении всей

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 115.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 195—196.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. V, стр. 100.

Европы, следовательно — всего мира». Именно потому Отечественная война породила столь мощный патриотический подъём, ставший подлинным источником победы. Сравнивая 1812 год с 1612 годом, Белинский отмечал: «В 1812 г. спор жизни со смертию казался ещё страшнее, а в спасении никто не отчаивался, никто не сомневался», и в этой спокойной уверенности в своей непобедимости, по его мнению, ясно видна сила русского народа. Народ сыграл решающую роль в борьбе за независимость России, проявив в критический момент силу и действенность своего патриотизма. Великий русский патриот указывал, что именно в такие периоды с особенной силой проявляются основные качества народа. Как о человеке, писал Белинский, можно судить по тому, «как он действовал и каким он является в... моменты, когда на весах судьбы лежала его и жизнь, и честь, и счастье... Так и у всякого народа — своя история, а в истории свои критические моменты, по которым можно судить о силе и величии его духа... Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и о свежести его сил»[1].

Важно указать, что, когда бы Белинский ни писал об Отечественной войне 1812 г., на первом плане у него всегда находился народ как решающая и активнейшая сила всемирно-исторических событий 1812 г. В этом сказывался демократический характер его исторических воззрений, коренным образом отличавшихся от взглядов дворянских и буржуазных историков, игнорировавших роль народных масс в Отечественной войне 1812 г.

Среди событий великого 1812 года Белинский особо выделял Бородинское сражение, в котором ярко проявились героические качества русского народа. О Бородинском бое он писал, что эта битва, «самим Наполеоном названная *битвою гигантов,* была самым торжественным, самым трагическим актом великой драмы XII-го года»[2]. В Отечественной войне 1812 г., указывал Белинский,— «обе из тяжущихся сторон — и колоссальное могущество Напо-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 421, 422.
[2] Там же, стр. 422.

леона и национальное существование России, сошлись решить вопрос: *быть или не быть!*»[1].

Белинский высоко оценивал роль великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова в Отечественной войне 1812 г., имя которого неразрывно связано с всемирно-исторической победой русского народа. Кутузов, сохраняя верность суворовским традициям, развил дальше русское национальное военное искусство и проложил новые пути в области военного дела. Гениальное руководство Кутузова было одним из решающих условий, обеспечивших победу русских вооружённых сил над наполеоновскими армиями интервентов. Для Белинского Кутузов был выразителем стремлений народа к независимости, «представителем нравственного могущества своего народа»[2].

Белинский отмечал исключительно важные исторические последствия Отечественной войны 1812 г. для будущего России и русского народа. Эта война показала всему миру могущество России и позволила русскому народу осознать свою силу: «Великое влияние имели на Россию нашествие Наполеона и последняя борьба с ним: уже не раз опытом блестящих побед и славных торжеств сознавала она свои исполинские силы»[3],— писал Белинский. Впоследствии, развивая свои мысли по поводу влияния Отечественной войны на последующее развитие России, Белинский осветил другие важные стороны данного вопроса. «Роковой 1812 год, пронесшийся над Россиею грозною тучею,— писал Белинский в 1841 г.,— напрягший все её силы, не только не ослабил её, но ещё и укрепил... открыл новые источники народного богатства, усилил промышленность, торговлю, просвещение»[4].

Свои мысли по поводу исторического значения 1812 г. Белинский наиболее подробно развил в 1844 г. в восьмой статье о сочинениях А. С. Пушкина. Здесь он писал: «Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12-й год, потрясши всю Россию из

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 164.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IV, стр. 424.
[3] Там же, стр. 421.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 274.

конца в конец, пробудил её спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... возбудил народное сознание и народную гордость, и всем этим способствовал зарождению публичности, как началу общественного мнения; кроме того, 12-й год нанёс сильный удар коснеющей старине...»[1].

Белинский подчёркивал всемирно-историческое значение победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. Разгром наполеоновских полчищ в 1812 г. привёл к тому, что в последующие годы «вся Россия, в лице своего победоносного войска, лицом к лицу увиделась с Европою, пройдя по ней путём побед и торжеств»[2]. В результате западноевропейские народы были освобождены от тяжкого наполеоновского ига, и этим была продемонстрирована перед всем миром прогрессивная роль великого русского народа в судьбах человечества.

В 1847 г. в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский, как бы делая общий вывод из приведённых суждений, заметил, что 1812 год открыл собой эпоху, «с которой началась новая жизнь для России»[3].

С народным патриотическим подъёмом, вызванным событиями 1812 г., Белинский связывал возникновение революционного движения в России. В первых его представителях — декабристах он видел истинных выразителей народного сознания и народной гордости, вступивших в открытую схватку с «коснеющей стариной» и показавших своей борьбой, что в России началась «новая жизнь». Но эти мысли Белинский не мог развить с желательной для него полнотой. Цензурные препятствия помешали великому революционному демократу осветить различные стороны истории декабризма — эту славную страницу русского освободительного движения, столь близкую Белинскому, продолжавшему в новых исторических условиях борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Тридцатилетие после Отечественной войны 1812 г. было временем жизни и деятельности самого Белинского. История России этого периода, общественно-политиче-

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 89.
[2] Там же.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 399.

ская жизнь 30—40-х годов XIX в., её запросы и интересы определили характер и направленность деятельности великого русского революционера-демократа. Его произведения являются поэтому важнейшим источником для изучения развития передовой общественно-политической мысли и русской демократической культуры в этот период. Но научно-историческая разработка и освещение явлений русской истории, относящихся к 20—40-м годам прошлого века, для самого Белинского затруднялись рядом обстоятельств, из которых главным была жестокая николаевская цензура. «Время для новейшей русской истории ещё не настало,— писал Белинский в 1844 г.,— потому что история, составленная по реляциям, есть не история, а компиляция,— даже и тогда, когда за неё берутся люди с талантом и знанием дела» [1].

Искусно преодолевая цензурные рогатки, Белинский в своих публицистических и литературно-критических статьях излагал свои взгляды по коренным вопросам современной жизни России. Анализ этих взглядов выходит за рамки специальных задач данной работы. Необходимо здесь лишь заметить, что Белинский понимал и отмечал тесную связь прошлого, настоящего и будущего России, и если интерес к проблемам русской истории определялся у него потребностями современности, то в свою очередь глубокая разработка этих проблем давала ему возможность всесторонне и глубоко освещать злободневные вопросы текущего момента. В этом единстве сказывалась сила революционно-демократического мировоззрения Белинского.

«Письмо к Гоголю» подводило итог всей деятельности Белинского и в том числе разработки им революционно-демократической концепции отечественной истории. Изумительное по глубине и революционной страстности, это произведение было итогом глубоких размышлений Белинского над историей и современным положением русского народа. Одновременно оно было призывом к революционной борьбе против самодержавно-крепостнического строя, сокрушение которого являлось важнейшим условием дальнейшего прогрессивного развития великого русского народа.

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. IX, стр. 78

* *
*

Белинский, разрабатывая основы революционно-демократической концепции отечественной истории, не ограничивался характеристикой социальной и политической истории России. Особенно много он сделал в освещении замечательной культуры великого русского народа и прежде всего русской литературы на всех этапах её развития. «Начиная с Белинского, все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения» [1]. Эстетика реализма и историко-литературная концепция, созданные Белинским в результате работы огромного творческого размаха и страстной борьбы против реакционных теорий, были составными элементами его революционно-демократического мировоззрения.

В изучении деятельности Белинского как теоретика и историка русской литературы советскими литературоведами проделана значительная работа [2]. История русской литературы, по мнению Белинского, является неотъемлемой частью общей истории русского народа. «Так как искусство со стороны своего содержания есть выражение исторической жизни народа, то эта жизнь и имеет на него великое влияние, находясь к нему в таком же отношении, как масло к огню, который оно поддерживает в лампе, или, ещё более, как почва к растениям, которым она даёт питание» [3]. Народ — единственный и подлинный создатель не только материальных, но и духовных ценностей. «Толпа, в смысле массы народной,— писал он,— есть прямая хранительница народного духа, непосредственный источник таинственной психеи народной жизни» [4]. Характер того или иного периода в истории русской литературы, значение каждого её представителя

---

[1] *А. А. Жданов,* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 18.

[2] См., например, новейшие работы в сборниках статей «Белинский историк и теоретик литературы», АН СССР, М.—Л. 1949; «Наследие Белинского», Советский писатель, М. 1952.

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 132.

[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 400.

Белинский определял прежде всего отношением литературы данного этапа или данного писателя к жизни русского народа, его интересам и идеалам.

В целях более полного освещения исторических воззрений Белинского необходимо дать хотя бы самую краткую характеристику взглядов гениального литературного критика и революционера-демократа на развитие русской литературы, как на органический и важный по своему значению элемент русского исторического процесса.

Литературно-критические произведения Белинского пронизаны глубоким историзмом. В объяснении особенностей культуры и специфических черт литературы каждого народа, как и творчества отдельных писателей, великий русский критик отправлялся от исторических условий, характера общественной жизни народа, наиболее существенных черт его духовного облика. «Чем выше поэт,— писал Белинский,— тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества» [1]. Белинский указывал, что «поэзия всегда верна истории, потому что история есть почва поэзии» [2]. Вот почему Белинский в своих литературно-критических произведениях уделял, как мы убедились, такое значительное внимание оценке исторических условий, влиявших на развитие литературы в целом и на творчество отдельных писателей. В этих произведениях в тесной и органической связи с литературно-критическими и эстетическими воззрениями изложены и исторические взгляды великого русского революционера-демократа. Выступая, по справедливому замечанию Чернышевского, первым историком русской литературы и родоначальником традиций революционно-демократической эстетики, Белинский опирался на исторический метод анализа и критики искусства вообще и литературы в частности.

Эстетика Белинского, положившая начало материалистическому учению об искусстве, выросла на основе могучего подъёма передовой русской реалистической литературы и в свою очередь сыграла огромную плодотвор-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 22.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 12.

ную роль в её дальнейшем идейном и художественном творческом развитии.

Только русский народ, создавший самую передовую, самую прогрессивную литературу, смог выдвинуть такого гениального критика и создателя эстетики реализма, как Белинский. «...Во всей всемирной литературе,— справедливо писал Г. Плеханов,— немного найдётся писателей, равных ему по своему критическому дарованию» [1].

Страстная любовь к русской литературе и великая забота о её процветании были ярким и глубоким выражением революционного патриотизма Белинского. «Литературе расейской моя жизнь и моя кровь» [2],— писал великий сын русского народа.

Белинский гордился могучим духовным творчеством великого русского народа и справедливо полагал, что в XVIII—XIX вв. это творчество с наибольшей силой проявилось в литературе, чем и объяснял её ведущую роль в развитии русской культуры.

Характеризуя историю русской литературы, Белинский писал: «Литература наша... постоянно стремилась к самобытности, народности, из риторической стремилась сделаться естественною, *натуральною*. Это стремление, ознаменованное заметными и постоянными успехами, и составляет смысл и душу истории нашей литературы» [3].

Большое внимание Белинский уделял рассмотрению творчества крупнейших русских писателей XVIII столетия, сыгравших огромную роль в становлении могучей русской литературы.

Белинский дал высокую оценку новаторской деятельности в области литературы великого представителя русской национальной культуры М. В. Ломоносова. Ещё в «Литературных мечтаниях» Белинский писал: «С *Ломоносова* начинается наша литература; он был её отцом и пестуном; он был её Петром Великим». Для Белинского Ломоносов — великий человек, универсальная одарённость которого проявилась и в его поэтических произведениях. В деятельности Ломоносова он видел воплощение

---

[1] «Литературное наследие Г. В. Плеханова», Сборник VI, 1938, стр. 139.

[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 91.

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 89.

лучших национальных качеств русского человека, способного ко всему великому и прекрасному [1].

Белинский внимательно изучал творчество выдающегося русского поэта XVIII в. Г. Р. Державина. Он ценил Державина за то, что ум его «был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности» [2], а господствующим чувством его стихотворений являлся патриотизм. Белинский указывал на народность поэзии Державина, состоящую «в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи» [3].

Рассматривая позже творческую деятельность Державина в связи с общим процессом развития русской литературы, Белинский отмечает идейную и художественную ограниченность его таланта, которая определялась условиями исторической обстановки и в связи с ней— особенностями литературы того периода. Вместе с тем Белинский, руководствуясь принципом историзма, сумел определить то место, которое занимал Державин в общей цепи развития русской литературы, и оценить ту положительную роль, которую Державин сыграл в подготовке последующего могучего подъёма русской поэзии.

В статье о Державине, относящейся к 1843 г., Белинский писал: «Ломоносов был предтечею Державина, а Державин — отец русских поэтов. Если Пушкин имел сильное влияние на современных ему и явившихся после него поэтов, то Державин имел сильное влияние на Пушкина. Поэзия не родится вдруг, но, как всё живое, развивается исторически: Державин был первым живым глаголом юной поэзии русской. С этой точки зрения должно определять его достоинство и его недостатки,— и с этой точки зрения его недостатки явятся так же необходимыми, как и его достоинства» [1].

Особое внимание уделил Белинский характеристике творчества представителей того направления в русской литературе XVIII в., основанного А. Д. Кантемиром и достигшего расцвета в произведениях Д. И. Фонвизина и И. А. Крылова, которое он называл сатирическим. Сатирическое направление, указывал Белинский, «вышло из

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 331.
[2] Там же, стр. 339.
[3] Там же, стр. 340.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 173.

исторического положения русского общества и имело сильное и благодетельное влияние на всё дальнейшее развитие нашей литературы... и... составляет одну из самых характеристических и оригинальных черт её». Это направление отразило «борьбу умирающей старины с возникающим новым»[1] в русском обществе. Представители сатирического направления, отражавшие своим творчеством зреющее новое в русской общественной жизни, выступали критиками пороков дворянского общества, являлись новаторами в литературном творчестве. Белинский высоко ценил Фонвизина как обличителя преклонения дворянских кругов перед иностранщиной, «внешнего европейского полуобразования новых поколений»[2]. Он подчёркивал самобытный характер творчества замечательного русского баснописца Крылова. «Басни Крылова,— писал Белинский,— сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка; они отличаются и простодушием и народностью. Крылов вполне народный писатель»[3].

Дальнейшее развитие русской литературы Белинский связывал с новыми явлениями в истории России первой половины XIX в. В это время в стране, как мы знаем, происходило разложение феодально-крепостнической системы, в недрах которой вызревали капиталистические отношения. Обострялись социальные противоречия между господствующим классом и угнетёнными народными массами, усиливалась классовая борьба. Развивалась передовая общественная мысль, крепли демократические элементы русской культуры.

Огромное значение для расцвета передовой русской литературы в первой половине XIX в. имела победоносная Отечественная война 1812 г., оказавшая мощное воздействие на национальное самосознание и на углубление общественных интересов.

В этих условиях русская литература уверенно вступала на столбовую дорогу своего развития — на дорогу реализма и подлинной народности. Приблизившись к действительности, она обогащается в идейном и художественном

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 204, 205.
[2] Там же, стр. 205.
[3] Там же, стр. 215.

отношении, становится активным участником и важным фактором русской общественной жизни. Произведения наиболее выдающихся представителей передовой русской литературы, пронизанные освободительными идеями, содействовали развитию политического самосознания русского общества. Роль передовой русской литературы в этом отношении была очень велика. М. И. Калинин указывал: «Художественная литература первой половины XIX века значительно двинула вперёд развитие политической мысли русского общества, познание своего народа» [1].

В своей литературно-критической деятельности Белинский исходил из отчётливого понимания общественно-политической функции передовой русской литературы в условиях самодержавно-крепостнического строя. Он писал в статье «Мысли и заметки о русской литературе»: «Все наши нравственные интересы, вся духовная жизнь наша сосредоточивалась до сих пор и ещё долго будет сосредоточиваться исключительно в литературе: она живой источник, из которого просачиваются в общество все человеческие чувства и понятия» [2]. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский подчёркивал, что «в наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов» [3].

Рассматривая передовую русскую литературу в качестве носителя и рассадника освободительных идей, Белинский стремился раскрыть прогрессивное общественное содержание выдающихся художественных произведений. Вместе с тем Белинский с самого начала своей критической деятельности выступил как убеждённый проповедник принципов народности и реализма и утверждение этих принципов в русской литературе рассматривал в качестве решающего условия её дальнейших успехов. Для Белинского народность литературы и реализм являлись принципами взаимно обусловленными. «...Народность,— писал Белинский,— есть... необходимое условие истинно-худо-

---

[1] *М. И. Калинин,* О моральном облике нашего народа, стр. 7.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 137.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 100.

жественного произведения, если под народностию должно разуметь верность изображения нравов, обычаев и характера того или другого народа, той или другой страны... Если изображение жизни *верно,* то и *народно*» [1]. Белинский с особой силой подчёркивал общественное значение творчества тех писателей, произведения которых утверждали народность и реализм в русской литературе. В своих произведениях великий русский критик внимательно прослеживал зарождение и развитие реалистических тенденций в русской литературе.

К числу наиболее выдающихся художников слова в русской литературе первой половины XIX в. Белинский относил А. С. Грибоедова. Высоко оценивая его гениальную комедию «Горе от ума», он писал, что это «благороднейшее гуманическое произведение» представляет собой «энергический... протест против гнусной расейской действительности, против чиновников, взяточников, бар-развратников, против... светского общества, против невежества, добровольного холопства...» [2]. Давая оценку художественным достоинствам «Горя от ума» в статье «Русская литература в 1841 году», Белинский указывал: «Какая убийственная сила сарказма, какая едкость иронии, какой пафос в лирических излияниях раздражённого чувства; сколько сторон так тонко подмеченных в обществе; какие типические характеры; какой язык, какой стих — энергический, сжатый, молниеносный, чисто русский! Удивительно ли, что стихи Грибоедова обратились в поговорки и пословицы, и разнеслись, между образованными людьми, по всем концам земли русской! Удивительно ли, что «Горе от ума» ещё в рукописи было выучено наизусть целою Россиею!» [3]. Белинский утверждал: ««Горе от ума» имеет великое значение и для нашей литературы, и для нашего общества» [4].

Белинский дал исключительно глубокую и разностороннюю оценку творчеству А. С. Пушкина. Он рассматривал творчество гениального поэта как выражение и яркое доказательство могучей духовной одарённости великого русского народа и силу гения Пушкина видел в том, что

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 224.
[2] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 186.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 39.
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 112.

его творчество, впитав в себя все лучшие традиции русской литературы предшествующего периода, являлось глубоко национальным. Поэзия Пушкина, подчёркивал Белинский, была «удивительно верна русской действительности, изображает ли она русскую природу, или русские характеры: на этом основании общий голос нарёк его русским национальным, народным поэтом» [1].

Необходимо подчеркнуть, что свою наиболее зрелую оценку творчеству Пушкина Белинский дал в тот период, когда он, прочно утвердившись на позициях революционного демократизма, стал последовательно применять принцип историзма к анализу литературных явлений. Не случайно Белинский в 40-х годах в своём цикле замечательных статей о творчестве Пушкина сумел с такой полнотой раскрыть особенности его гениального дарования, показать преемственность творчества Пушкина по отношению к предшествующему этапу в развитии русской литературы и всесторонне оценить значение великого поэта как художника-реалиста, достигшего исключительной глубины и правдивости в изображении русской жизни своего времени во всей её сложности и противоречивости. В свою очередь глубокое раскрытие Белинским особенностей творчества Пушкина помогло великому русскому критику разработать эстетическую теорию реализма.

Белинский рассматривал Пушкина как великого национального поэта, который был «выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского» [2]. Гениальное освещение Пушкиным русской жизни на определённом этапе её исторического развития во всех его произведениях и особенно в «Евгении Онегине», который был назван Белинским «энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением» [3], великий русский критик расценивал как выдающийся вклад в развитие мировой культуры.

Белинский видел в Пушкине «явление мировое и великое по своей творческой силе» [4], в котором ярко раскры-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI. стр. 389.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. I, стр. 363.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 144
[4] *В. Г. Белинский,* Соч., т. V, стр. 478.

лись неиссякаемые таланты и замечательные качества русского народа, обеспечившие всемирно-историческое значение его передовой культуры.

Поэзия Пушкина, в которой, по словам Белинского, «бьётся пульс русской жизни» [1], обогатила и подняла на новую, высшую ступень не только русскую, но и всю мировую культуру. Кровная, неразрывная связь Пушкина с русским народом и его культурой делала великого русского поэта поэтом всемирного масштаба и значения. «Мы,— писал Белинский,— видим в Пушкине великого мирового поэта» [2].

Белинский неустанно повторял, что только тот художник слова имеет мировое значение, который сумеет своим творчеством раскрыть своеобразие представляемой им национальной культуры и своими произведениями обогатить культуру человечества. Белинский указывал, что Пушкин выполнил эту задачу не только благодаря своей гениальной одарённости, но и потому, что он сумел опереться на достижения русской национальной культуры. Особенно важное значение при этом имело обращение великого поэта к народному творчеству, которое явилось одним из важнейших источников его вдохновения. Белинский высоко ценил Пушкина как замечательного знатока народного творчества, раскрывшего его неиссякаемые богатства в своих замечательных произведениях. Так, характеризуя стихотворение Пушкина «Пир Петра Великого», Белинский писал: «Это — высокое художественное произведение, и в то же время — народная песня. Вот, перед такою народностию в поэзии мы готовы преклоняться, вот это — патриотизм, перед которым мы благоговеем» [3]. Проникновенное понимание Пушкиным народного творчества, не только его художественных достоинств, но и идейного содержания, в котором отразились вековые стремления народа к свободе, независимости и его патриотические чувства, благотворно влияло на творчество гениального поэта.

Белинский подчёркивал критическую направленность реализма Пушкина и справедливо считал эту особенность

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. V, стр. 477.
[2] Там же, стр. 466.
[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XI, стр. 403.

его творчества порождением той исторической эпохи, в которой родилось и развернулось в России революционное движение декабристов. Освободительные идеи декабристов были близки Пушкину, они вдохновляли и оплодотворяли его творчество. Он выступил выразителем настроений и стремлений передовых людей России, боровшихся с самодержавием и крепостничеством.

Характеризуя замечательное произведение Пушкина «Евгений Онегин», Белинский указывал, что в нём поэтически воспроизведена картина «русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития. С этой точки зрения *Евгений Онегин* есть поэма *историческая* в полном смысле слова, хотя в числе её героев нет ни одного исторического лица»[1]. Отмечая в дальнейшем, что этот «момент развития» русского общества характерен для общественного движения, развернувшегося в России после Отечественной войны 1812 г., Белинский несомненно имел в виду зарождение и развитие идей и организаций дворянских революционеров — декабристов. В свете этих указаний Белинского острое недовольство Онегина окружающей действительностью приобретало общественный смысл и выступало в качестве типичного явления периода назревания декабристского движения. Белинский раскрыл общественное значение трагедии Татьяны, показав губительное влияние крепостнического общества на её судьбу. Натуры, подобные Татьяне, «безжалостно убиваются бессознательным обществом,— писал Белинский,— как очистительная жертва за его собственные грехи»[2].

Великий русский критик-демократ указывал, что прогрессивное общественное содержание творчества Пушкина и художественное совершенство произведений гениального русского поэта определяли его исключительное идейное воздействие на передовых современников и последующие поколения.

Белинский отмечал определённую, исторически обусловленную, дворянскую ограниченность в мировоззрении Пушкина. Но он ясно видел, что Пушкин, вышедший из передовых дворянских кругов, стал истинно националь-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 74.
[2] Там же, стр. 122.

ным поэтом, носителем передовых, исторически прогрессивных тенденций.

Творчество Пушкина, органически связанное с освободительной борьбой дворянских революционеров, насыщенное мужественным протестом против всякого гнёта, реакции и невежества и пронизанное духом безграничной любви к народу и стремлением к свободе и просвещению, приобрело значение великой идейной силы в развитии русской общественной мысли.

По словам Герцена, после разгрома декабристского движения «звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдалённому будущему» [1].

Творчество Пушкина сыграло важнейшую роль в оформлении и установлении структуры русского языка, заложив прочные основы для развития русской национальной культуры. «Что касается,— указывает И. В. Сталин,— структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всём существенном, как основа современного русского языка» [2].

Великое творческое наследие Пушкина как одно из величайших достижений русского народа вошло в золотой фонд передовой, прогрессивной культуры человечества.

Белинский дал исключительно глубокую и разностороннюю оценку творчества Пушкина, но он справедливо полагал, что оно настолько неисчерпаемо богато, что каждая последующая эпоха сможет сказать о нём новое слово. «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям,— писал Белинский,— не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них своё суждение и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего» [3].

---

[1] *А. И. Герцен,* Соч., т. VI, стр. 365.

[2] *И. В. Сталин,* Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

[3] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 32.

Замечательный русский критик своим проникновенным и необычайно содержательным анализом творчества Пушкина воздвиг великолепный памятник великому русскому поэту.

В произведениях Белинского прошлое и настоящее выступали в органическом единстве. В соответствии с этим современная литература в них не отрывалась от её истории. Если анализ предшествующего развития русской литературы раскрывал Белинскому исторические корни современных ему литературных явлений, то глубокое истолкование последних позволяло великому русскому критику вернее и разностороннее осветить весь длительный путь развития отечественной литературы. Расцвет русской литературы в первой половине XIX в. он считал закономерным итогом её предшествующей истории. Белинский полагал, что гений Пушкина, впитавший лучшие традиции отечественной литературы, открыл величественные перспективы её дальнейшего развития как самой выдающейся литературы во всём мире.

Преемниками Пушкина в русской литературе явились современники Белинского — М. Ю. Лермонтов и Н. В. Гоголь. Творчество этих великих художников слова получило у критика-демократа столь же глубокое и всестороннее истолкование, как и творчество их гениального предшественника.

Белинский указывал, что Лермонтов и Гоголь, продолжая традиции Пушкина, развивали и обогащали в русской литературе принципы реализма и народности. Их творчество также было глубоко национальным, оно питалось народной поэзией и опиралось на предшествующие достижения русской литературы. Лермонтов и Гоголь продолжали демократизацию русской литературы, ещё более приблизили её к народным массам. Своим правдивым раскрытием противоречий окружавшей действительности и обличением пороков самодержавно-крепостнического строя они способствовали политическому просвещению передовых современников.

Характеризуя силу дарования Лермонтова и реалистический характер его творчества, Белинский писал: «Он всевластный обладатель царства явлений жизни, он воспроизводит их как истинный художник; он поэт русский

в душе — в нём живёт прошедшее и настоящее русской жизни»[1]. В Лермонтове мы узнаём, утверждал Белинский, «поэта русского, *народного,* в высшем и благороднейшем значении этого слова,— поэта, в котором выразился исторический момент русского общества»[2].

Критик стремился определить зависимость особенностей творчества Лермонтова от конкретных условий русской общественной жизни его времени. Лермонтов формировался как мыслитель и поэт в пору жесточайшей николаевской реакции, наступившей после поражения восстания декабристов. Пороки самодержавно-крепостнического строя, его реакционность, палаческая роль царизма и тяжесть крепостного гнёта особенно резко обнажились в этот период. Лермонтов гневно и страстно обличал самодержавно-крепостническую действительность. В его творчестве поэтому с большой силой выявилась критическая направленность реализма, что отмечалось Белинским.

Страстный протест Лермонтова против окружавшей его действительности с наибольшей силой отразился в его гневном обличительном стихотворении «На смерть поэта». Однако в открытой оценке подобных произведений, прямо и ярко отражавших осуждение николаевской реакции, Белинский был стеснён жёсткими условиями цензурного режима.

Белинский указывал, что реализм Лермонтова находил своё выражение не только в его умении раскрыть в своих произведениях противоречия современной ему действительности, но и в его искусстве конкретно и правдиво воссоздать историческое прошлое русской жизни. Анализируя в статье «Стихотворения М. Лермонтова» поэму «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», Белинский писал об этой особенности творчества великого русского поэта: «Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни, перенёсся в её историческое прошедшее, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 61.
[2] Там же, стр. 39.

нравов, богатырскую силу и широкий размёт его чувства...»[1].

Белинский восхищался замечательным стихотворением Лермонтова «Бородино», в котором поэт прекрасно выразил патриотические чувства русского народа, поднявшегося на героическую борьбу за честь, свободу и независимость своей родины. В каждом слове этого стихотворения, писал Белинский, «слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии»[2].

Белинский подчёркивал оригинальность творчества Лермонтова, сумевшего отразить в своих произведениях передовые идеи своего времени и придавшего ярко выраженную критическую заострённость своему реализму. Характеризуя замечательное поэтическое дарование Лермонтова и предсказывая ему великое будущее, Белинский заявлял: «По глубине мысли, роскоши поэтических образов, увлекательной, неотразимой силе поэтического обаяния, полноте жизни и типической оригинальности, по избытку силы, бьющей огненным фонтаном, его создания напоминают собою создания великих поэтов... Не скажем, чтоб из него со временем вышел Байрон, Гёте или Пушкин: ибо мы убеждены, что из него выйдет ни тот, ни другой, ни третий, а выйдет — *Лермонтов*...»[3].

Всесторонний и глубокий анализ творчества великого русского писателя Н. В. Гоголя занимал особое место в литературно-критической и всей общественно-публицистической деятельности Белинского. Гениальный революционер-мыслитель дал глубокое истолкование гоголевского творчества в связи с коренными вопросами русской общественной жизни, основными задачами русского освободительного движения и дальнейшими перспективами развития передовой русской реалистической литературы.

Для Белинского Гоголь воплощал величие современной ему русской литературы и наиболее ярко выражал её важнейшие особенности — народность, реализм и патриотическую направленность. Поэтому понятен тот напря-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VI, стр. 24.
[2] Там же, стр. 23.
[3] Там же, стр. 61—62.

жённый интерес к творчеству Гоголя, который был характерен для великого русского критика-демократа, глашатая высокой идейности и общественного значения искусства.

Известно, что творческие биографии Белинского и Гоголя тесно переплетались. Они были современниками, их творчество и деятельность определялись одними и теми же историческими условиями и отражали противоречия русской действительности 30—40-х годов XIX в. Их воодушевляла и вдохновляла великая идея любви к родине и к русскому народу. Ленин писал об общности тех идей «Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси...» [1].

Но если Белинский последовательно отстаивал интересы народа и вся его деятельность была «насыщена смертельной ненавистью к царскому строю и проникнута благородным стремлением бороться за коренные интересы народа, за его просвещение, за его культуру, за его освобождение от пут царского режима» [2], то Гоголь не смог подняться до прямого отрицания коренных устоев самодержавно-крепостнического общественного и государственного строя. Он не смог преодолеть противоречивости своего мировоззрения, и его глубокий реализм был социально ограничен. Глубоко веря в могучие творческие силы русского народа, в его великое будущее, Гоголь не мог определить те пути, которые приведут к очищению России от всякой чичиковщины, ноздрёвщины и прочей нечисти, к освобождению, процветанию и счастливой жизни народа. Гоголь выступал союзником Белинского в борьбе за народность литературы, за прочное утверждение в ней критического реализма, но характер понимания этих принципов как средств обличения крепостнической русской действительности у них был различным. Гоголь не принадлежал к лагерю революционной демократии и своё обличение пороков современного ему общества не рассматривал как средство революционной борьбы. Од-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 286.

[2] *А. А. Жданов,* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 18.

нако объективно его глубоко реалистическое творчество выполняло именно такую роль. Белинский был первым критиком, сумевшим раскрыть историческое значение гениальных произведений Гоголя. Он с замечательной глубиной и мастерством использовал анализ гоголевских произведений для пропаганды революционных идей, для борьбы против самодержавия и крепостничества, для защиты интересов народных масс.

Уже в первой статье Белинского, посвящённой Гоголю,— «О русской повести и повестях Гоголя» (1835 г.) была дана глубокая характеристика особенностей творчества великого русского писателя. «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют,— писал Белинский,— простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь — поэт, поэт жизни действительной» [1]. Белинский оценил Гоголя как великого писателя-реалиста ещё до того, как им были написаны «Ревизор» и «Мёртвые души».

Народность творчества Гоголя, указывал Белинский, находила своё выражение как в правдивом и ярком изображении им жизни народной в прошлом, так и в глубоком и всестороннем раскрытии этой жизни в настоящем.

Белинский высоко оценил замечательное произведение Гоголя «Тарас Бульба» как героическую эпопею, ярко раскрывающую патриотическую доблесть народа, поднявшегося на борьбу за свою национальную независимость. ««Тарас Бульба» есть отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа,— писал Белинский.— Если в наше время возможна Гомерическая эпопея, то вот вам её высочайший образец, идеал и прототип!.. И какая кисть, широкая, размашистая, резкая, быстрая! какие краски, яркие и ослепительные!.. И какая поэзия, энергическая, могучая, как эта Запорожеская Сечь, «то гнездо, откуда вылетают все те гордые и крепкие как львы, откуда разливается воля и козачество на всю Украйну!..»» [2].

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. II, стр. 212—213.
[2] Там же, стр. 233—234.

Белинский показал художественное совершенство «Тараса Бульбы», который является шедевром мировой литературы.

Анализ таких произведений Гоголя, как «Ревизор» и особенно «Мёртвые души», был широко использован Белинским для революционной критики русской крепостнической действительности и для борьбы за реалистическую, идейную, играющую высокую общественную роль русскую литературу, призванную стать руководителем народа «на пути сознания, развития, прогресса»[1]. Белинский защищал Гоголя от реакционной травли и злобной клеветы, мутная волна которой поднялась после постановки «Ревизора» на сцене. Великий русский критик дал проницательную оценку этого замечательного произведения как произведения глубоко реалистического, правдиво изображающего и страстно обличающего крепостническую действительность николаевской России. Белинский, восторженно отзываясь о «Ревизоре», считал его вершиной русской национальной драматургии.

Сатиру Гоголя Белинский рассматривал как могучее средство борьбы против крепостнической системы. Творчество великого русского писателя-реалиста он расценивал как беспощадный и справедливый суд над самодержавно-крепостническим строем. Гоголь продолжил и обогатил передовые идеи русской классической литературы, питавшие творчество Радищева, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова.

Особенно богатый и яркий по своей художественной выразительности обличительный материал против гнусности и гнилости самодержавно-крепостнического строя дал Гоголь в «Мёртвых душах» — одном из наиболее выдающихся произведений русской и мировой литературы.

Оценивая «Мёртвые души», Белинский писал: «Творение чисто-русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдёргивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью к плодовитому зерну русской жизни; творение необъятно-художественное по концепции и выполнению, по характерам действующих лиц и подробностям русского

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. III, стр. 230.

быта,— и в то же время, глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое...» [1].

В своём гениальном произведении Гоголь показал всю мерзость и отвратительность «мёртвых душ» — Чичиковых, Собакевичей, Плюшкиных, Маниловых, Ноздрёвых, являвшихся порождением и в то же время оплотом реакционного самодержавно-крепостнического строя, душившего во времена Гоголя и Белинского живые силы великого русского народа.

Когда реакционеры Булгарин, Сенковский, Шевырёв и славянофил К. Аксаков попытались нейтрализовать общественное воздействие «Мёртвых душ» — одни посредством гнусной клеветы на Гоголя, другие путём извращения действительного смысла произведения,— Белинский вновь стал на защиту великого русского писателя и дал правдивое истолкование его гениального творения с позиций революционного демократизма.

Белинский, проникновенно раскрывая идейный смысл образов Гоголя, созданных им в «Мёртвых душах», использовал их не только для сурового обличения самодержавно-крепостнической системы, но и для развенчания всякого эксплуататорского общества, в котором господствуют стяжательство и хищничество, насилие и обман. Он использовал гоголевские образы для разоблачения продажности и цинизма буржуазного общественного строя, показав тем самым всемирно-историческое значение образов, созданных гениальным русским писателем.

Бичуя зарубежных Чичиковых, обманывающих народные массы на парламентских выборах, Белинский с гневом писал: «Те же Чичиковы, только в другом платье, во Франции и в Англии они не скупают мёртвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах! Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга» [2].

Творчество Гоголя являлось для Белинского убедительным доказательством роста сил, протестующих в России против крепостничества, и служило свидетельством

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 253.
[2] Там же, стр. 334.

подъёма национального самосознания. С тем большей горечью великий революционер-демократ убедился в том, что Гоголь не сумел преодолеть противоречий своего мировоззрения, не избавился от своих слабостей и ошибок. Более того, Гоголь, не освободившись от тлетворного и пагубного влияния реакционеров, не только не поднялся до сознания необходимости революционной борьбы с самодержавно-крепостническим строем, но, пережив свою «духовную драму», пришёл к реакционным выводам, нашедшим выражение в его книге «Выбранные места из переписки с друзьями», изданной в 1847 г. Белинский гневно заклеймил идейное падение своего любимого писателя сначала в критической статье, а затем с особой силой в знаменитом «Письме к Гоголю», высоко оценённом В. И. Лениным. В этом письме Белинский выступил выразителем чувств и убеждений всей революционной России. Великий революционер-демократ внимательно следил за творческим развитием Гоголя, страстно борясь за великого русского писателя до последних дней своей жизни. Белинский, решительно осудив реакционные заблуждения Гоголя, не отказался от высокой оценки его художественного творчества, которое своим обличительным содержанием пробуждало ненависть к самодержавно-крепостническому строю и этим содействовало распространению освободительных идей.

Белинский дал глубокую и проницательную оценку творчеству Гоголя, подчеркнул мировое значение его произведений. «Да,— писал он,— велик Гоголь, поэт мировой: это для меня ясно, как 2 + 2 = 4...» [1]. Его оценка развивалась и углублялась впоследствии Чернышевским и Добролюбовым, которые отстояли и обогатили традиции Белинского в беспощадной борьбе с реакционерами и либералами.

Белинский утверждал, что никто из писателей «не может быть выше века и страны; никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного и не выработанного историею» [2]. Принцип историзма позволял Белинскому конкретно определять влияние исторических условий на

---

[1] *В. Г. Белинский,* Письма, т. II, стр. 24.
[2] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VII, стр. 291.

творчество писателей, показывать, какие вопросы выдвигала перед ними современность и как они в меру своего дарования освещали их в своих произведениях, насколько глубоко и правдиво раскрывали в них противоречия окружающей их действительности. Тем самым исторический подход к оценке литературных явлений представлял основу понимания Белинским характера выражения народности и реализма в творчестве русских писателей. Современная народная жизнь и коренные общественные вопросы современности — вот что, по мнению Белинского, должно лежать в основе творчества писателей. «...Всякий великий поэт,— писал он,— потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общественности и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества» [1].

На протяжении всей своей деятельности великий русский критик-демократ настойчиво боролся за утверждение народности и реализма, как основополагающих принципов передовой русской литературы.

Утверждая эти принципы в русской литературе, Белинский вооружал её высокой идейностью, он призывал передовых писателей к служению своему народу, активному содействию угнетённым в их борьбе за социальное освобождение раскрытием правды жизни, обнажением общественных противоречий, обличением пороков самодержавно-крепостнического строя. В служении передовой литературы прогрессивным общественным устремлениям Белинский видел самое яркое выражение её патриотического характера. Вместе с тем борьба великого русского критика за утверждение в русской литературе принципов народности и реализма была борьбой за её художественное совершенство.

В своих литературно-критических произведениях Белинский показал величественные достижения русской литературы, нашедшие наиболее полное выражение в творчестве гениальных художников слова — Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, глубоко раскрыл освободительные и патриотические идеи, содержащиеся в их произведениях, защитил их творчество от реакционных извращений.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. VIII, стр. 65.

Глубокий анализ Белинским развития русской литературы, её национального своеобразия и всемирно-исторического значения творчества великих русских писателей-реалистов служил новым и важным доказательством истинности его вывода о выдающейся роли России в мировой истории, о неисчерпаемости сил и великом будущем русского народа, создавшего могучий язык и самую передовую, идейно-насыщенную и художественно совершенную литературу в мире.

Но значение Белинского для развития русской литературы не исчерпывается проникновенной оценкой её великих творений. Белинский вместе с тем содействовал дальнейшему подъёму и новым успехам русской литературы. Под идейным влиянием и часто при непосредственной помощи Белинского, умевшего заметить, верно оценить и воспитать выдающиеся дарования, началось и формировалось творчество Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Гончарова, которые умножили славу русской литературы как самой идейной и художественно совершенной литературы в мире и внесли своим творчеством вслед за Пушкиным, Грибоедовым, Лермонтовым, Гоголем драгоценнейший вклад в сокровищницу мировой культуры.

Своими исключительными успехами русская литература в значительной мере была обязана Белинскому. Великий русский критик прочно связал своё имя с отечественной литературой.

Буржуазная культура Западной Европы и Америки никогда не смогла выдвинуть критика такого гигантского творческого размаха и гениальной проницательности, как Белинский. Вся литературная деятельность великого русского критика-революционера была проникнута чувством глубокого патриотизма. Чернышевский, отстоявший и развивший идеи Белинского, в «Очерках гоголевского периода русской литературы» писал о своём великом предшественнике и учителе: «...Немного найдётся в нашей литературной истории явлений, вызванных таким чистым патриотизмом, как критика гоголевского периода. Любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она

по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея — пафос всей её деятельности. В этом пафосе и тайна её собственного могущества» [1].

Другой замечательный ученик и продолжатель дела Белинского, Добролюбов, писал: «Что бы не случилось с русской литературой, как бы пышно не развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением» [2]. Значение Белинского для русской литературы заключается также и в том, что он создал эстетическую теорию реализма, которую развивали и углубляли его великие преемники — Чернышевский и Добролюбов, вслед за своим учителем выступившие вдохновителями и наставниками русской литературы. И если имена великих русских революционных демократов стали гордостью и украшением русской литературы, то эта литература благодаря их неустанному содействию и огромному творческому вкладу стала гордостью великого русского народа и украшением его замечательной культуры.

Передовая русская литература воплотила в себе лучшие черты национального характера великого русского народа, сложившиеся в ходе его исторического развития. Упорная и героическая борьба русского народа за свою независимость с внешними врагами, многовековая борьба трудящихся против угнетателей — вот та историческая основа, на которой выросла и развивалась передовая русская литература. Отсюда и её своеобразие, её основные черты — патриотическая направленность, общественное содержание, реализм и народность, которые выдвинули её в авангард мировой литературы. Русская литература впервые в истории развития мировой литературы ввела и разработала идею решающей исторической роли народа и, будучи ярким выражением национального самосознания русского народа, его исторического опыта, его борьбы, его стремлений и чаяний, стала могучим фактором общественного развития. Великая русская литература, литература Пушкина и Грибоедова, Гоголя и Лермонтова, была воплощением неиссякаемой силы русского народа, гигантского размаха его творческих способностей, залогом его великой будущности. И если выдающиеся

---

[1] *Н. Г. Чернышевский,* Соч., т. III, стр. 138.

[2] *Н. А. Добролюбов,* Соч. в 3-х томах, т. II, М. 1952, стр. 505.

национальные качества великого русского народа определили его прогрессивную роль в мировой истории, то и созданная им замечательная культура и в первую очередь литература приобрели всемирно-историческое значение.

Передовая русская литература и русская революционно-демократическая критика в лице Белинского, Чернышевского, Добролюбова сыграли огромную роль в развитии и идейно-художественном росте литературы всех народов нашей страны.

Традиции классической русской литературы оказывали и оказывают благотворное воздействие на развитие передовой, прогрессивной литературы других народов, в особенности братских славянских народов.

Великий основоположник советской литературы А. М. Горький подчёркивал, что сила русской классической литературы заключается в её неразрывной связи с народом, в том, что она особенно ярко выразила мощь и творческий гений великого русского народа.

«Наша литература,— писал он,— наша гордость, лучшее, что создано нами, как нацией. В ней — вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красы и силы, сердца святой чистоты — умы и сердца истинных художников. И все они правдиво и честно, освещая понятое, пережитое ими, говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, любите его!»[1].

Советская литература, литература социалистического реализма, основоположниками которой были великие русские писатели Горький и Маяковский, в своём развитии опирается на лучшие традиции классической русской литературы и творчески использует их для создания произведений, достойных советского народа, строящего коммунизм в нашей стране.

«...Лучшая традиция советской литературы,— говорил А. А. Жданов,— является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами —

---

[1] *А. М. Горький,* Литературно-критические статьи, М. 1937, стр. 57.

Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным»[1].

* *
*

Разработка Белинским важнейших проблем истории России явилась ценнейшим вкладом в развитие русской революционной исторической мысли.

В системе взглядов Белинского по вопросам русской истории ясно обнаруживается превосходство революционно-демократической концепции русского исторического процесса над взглядами дворянско-буржуазной историографии.

Выдвигая и разрабатывая вопросы отечественной истории, Белинский направлял свои выводы против врагов русской революционной демократии — представителей идеологии «официальной народности», славянофилов и буржуазных либералов-западников, против антинаучных «теорий» академической дворянско-буржуазной историографии.

Главная особенность революционно-демократического понимания истории России заключалась в идее решающей, творческой роли народных масс в историческом процессе. Эта идея красной нитью проходит через все суждения Белинского по вопросам истории.

При анализе конкретных явлений русской истории Белинский раскрывал подлинные национальные качества русского народа, показывая его решающую роль в исторических событиях.

Белинский при освещении каждого периода отечественной истории подчёркивал самостоятельный характер русского исторического процесса, стремился раскрыть особенности национального развития русского народа. Белинский разоблачал вздорную, антинаучную норманскую «теорию», протестовал против механических параллелей между историей России и историей западноевропейских государств. Вместе с тем он выступил против искусственного отделения истории России от всеобщей истории,

---

[1] *А. А. Жданов,* Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», стр. 20.

усматривая в этом попытку умалить роль России в мировой истории.

При разработке проблем русской истории Белинский последовательно проводил идею прогрессивного характера исторического процесса. Он указывал на прогрессивное значение собирания русских земель вокруг Москвы, облегчающего самоотверженную борьбу народных масс против татарских завоевателей. Белинский признавал историческую закономерность и прогрессивность присоединения Новгорода и других русских земель к Московскому великому княжеству.

В противоположность дворянским и многим буржуазным историкам Белинский подчёркивал прогрессивное значение борьбы Ивана Грозного за сильное централизованное государство — оплот национальной независимости русского народа. В лице Ивана Грозного он видел выдающегося исторического деятеля, боровшегося за искоренение старых, отживших порядков и за утверждение новых, исторически прогрессивных.

Реформы Петра I, по мнению Белинского, вывели Россию на путь ускоренного прогрессивного развития, усилили её военное могущество, прочно обеспечили национальную независимость русского народа, создали условия для экономического развития страны и расцвета русской национальной культуры.

В последние годы своей жизни Белинский выступал против идеализации преобразований Петра I, полагая, что они никак не могут служить образцом для предстоящего коренного преобразования социально-экономического и политического строя России, для решительной ликвидации пережитков старины и прежде всего крепостного права и самодержавия. Эта ликвидация могла быть осуществлена, как был уверен Белинский, революционной борьбой народных масс — активных творцов своего будущего.

Коренной особенностью исторических взглядов Белинского был глубокий, подлинно народный революционный патриотизм, они были пронизаны чувством кровной связи со своей страной и своим народом, о котором с такой силой писал Белинский в «Письме к Гоголю».

В многосторонней новаторской научной деятельности великого русского учёного М. В. Ломоносова Белинский видел выражение могучих духовных сил русского народа.

Из деятелей второй половины XVIII в. он выделял великого русского полководца А. В. Суворова, ставшего легендарным героем ещё при своей жизни.

Из событий начала XIX в. Белинский подробно характеризовал Отечественную войну 1812 г., подчеркнув её освободительный характер. Он гордился подвигами великого русского народа, отстоявшего свою национальную независимость, освободившего народы Европы от ига Наполеона и этим вновь показавшего прогрессивность роли России в мировой истории.

История великого русского народа давала Белинскому право сделать вывод: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племён только мы сложились в крепкое и могучее государство, и, как до Петра Великого, так и после него... выдержали с честию не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от неё и потом являться в новой и большей силе и крепости» [1].

Белинский гордился культурными завоеваниями великого русского народа. Он оценивал развитие культуры и в частности замечательной отечественной литературы как органический элемент русского исторического процесса. Подчёркивая выдающееся значение передовой литературы в распространении освободительных идей, Белинский вооружал её принципами народности и реализма, утверждение которых обусловило мировое значение русской литературы.

Славная многовековая история русского народа ярко обнаружила его замечательные национальные качества — свободолюбие и патриотизм, мужество и храбрость, высокую духовную одарённость и способность к непрестанному развитию. Этими качествами родного народа гордился великий патриот Белинский. Они для него являлись источником непоколебимой веры в победу русского народа над своими угнетателями, в неизбежность революционной ликвидации прогнившего самодержавно-крепостнического строя и торжества демократии и социализма в России.

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 401.

Революционно-демократическое истолкование Белинским основных проблем истории России позволило ему сделать глубокие выводы и обобщения, выступить новатором в освещении этих проблем.

Изучение истории России никогда не носило у Белинского академического характера, оно всегда связывалось у него с живыми вопросами современности. Он справедливо указывал, что «важность теории определяется её приложимостью к практике»[1]. В истории Белинский искал ответа на те вопросы, которые выдвигались перед ним в ходе освободительной борьбы в России. Поэтому своё глубокое изучение прошлого он использовал для определения перспектив исторического развития России и связанных с ними задач освободительного движения.

Одним из важнейших выводов из изучения истории было убеждение Белинского в том, что историческое развитие отдельных народов, подчиняясь единым закономерностям, никогда не совершалось по шаблону, всегда отличалось богатством конкретных форм, чертами своеобразия. Этот вывод в условиях России 40-х годов прошлого века получил особое значение для Белинского в его борьбе с буржуазными либералами-космополитами.

Вместе с тем Белинский беспощадно разоблачал всю ограниченность и всё ничтожество «мнимо-патриотических», как он писал, измышлений славянофилов[2].

«Всякое учение о самобытности России,— указывал В. И. Ленин,— находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией»[3]. Теория «самобытности», толкуемая в славянофильском духе, всегда была средством обоснования реакционных взглядов, и она несовместима с революционно-демократическим мировоззрением, основы которого были заложены в 40-х годах XIX в. Белинским.

Великий русский революционер и патриот Белинский выступал как против славянофильской, так и против буржуазно-космополитической фальсификации отечественной истории.

Опираясь на глубокое изучение истории русского и других народов, Белинский полагал, что задачи, выдви-

---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 105.
[2] См. *В. Г. Белинский,* Соч., т. XII, стр. 396.
[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 2, стр. 485.

гаемые русской действительностью, следует решать не путём обращения к абстрактным аналогиям с действительностью буржуазных государств или идеализации патриархальной старины, а на основе учёта конкретного своеобразия национального развития русского народа. Как в прошлом и в России и в западноевропейских странах все вопросы решались в зависимости от конкретно-исторических условий, они так же должны разрешиться и в настоящем и в будущем. Пока вновь возникающие вопросы в России «не решим мы... сами собою и для самих себя,— указывал Белинский,— нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесённые на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения... У себя, в себе, вокруг себя, вот где должны мы искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если и не будет блестяще» [1].

Хотя Белинский и не смог создать подлинно научной концепции русской истории, но его воззрения, характерными чертами которых были революционный демократизм и подлинный патриотизм, являлись высшим достижением передовой русской исторической мысли того времени. Именно поэтому революционно-демократическое понимание отечественной истории и глубокое усвоение её уроков служило сильным и действенным оружием в революционной борьбе Белинского.

Не в слепом подражании Западной Европе, не в идеализации буржуазных отношений, не в возврате к патриархальной старине должны видеть свою задачу передовые люди России, а в решении коренных вопросов, выдвинутых русской жизнью,— в пробуждении политического сознания народных масс, в мобилизации их на борьбу с самодержавием и крепостничеством с целью революционного установления в России подлинно демократического строя — таков глубокий смысл указания Белинского на необходимость «искать и вопросов и их решения... у себя, в себе, вокруг себя». Этот вывод наносил сокрушительный удар реакционным славянофильским и буржуазным космополитическим «теориям».

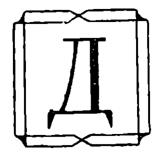
---

[1] *В. Г. Белинский,* Соч., т. X, стр. 412.

Рассматривая современность как итог исторического развития России, глубоко анализируя её противоречия и устанавливая на этой основе перспективы исторического развития страны и задачи русского освободительного движения, великий русский революционер-демократ и патриот Белинский использовал свои глубокие и оригинальные исторические воззрения для обоснования революционно-демократической политической программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

еятельность Белинского — одна из самых замечательных страниц в истории русского революционного движения и передовой русской культуры. В Белинском ярко воплотились национальные черты русского народа, его духовная мощь и творческий гений.

Борьба Белинского против самодержавия и крепостничества, его неустанная проповедь революционных идей сыграли огромную роль в истории нашей Родины и в развитии передовой русской культуры, приобрели подлинно всемирно-историческое значение. Белинский, как никто в его время, полно и глубоко выразил настроения, стремления и историческую силу великого и могучего русского народа. Размах и широта разносторонней новаторской деятельности Белинского выдвинули его в ряды деятелей мирового масштаба. Белинский — один из предшественников русской революционной социал-демократии — сыграл великую историческую роль в развитии русской и мировой культуры, высшим достижением которой является ленинизм.

Белинский создал духовные ценности, обогатившие русскую и мировую культуру, имеющие большое значение в создании и развитии культуры эпохи социализма и играющие значительную роль в борьбе лагеря мира, демо-

кратии и социализма против лагеря империалистической реакции.

Белинский в 30—40-х годах XIX в., когда в связи с обострением классовой борьбы в стране наметился перелом в развитии русского освободительного движения, выступил как преемник традиций Радищева и декабристов и основоположник идеологии революционной демократии в России. В его поисках правильной революционной теории важное место занимала разработка важнейших проблем истории и в первую очередь истории русского народа. Исторические взгляды Белинского были органической составной частью его революционно-демократического мировоззрения.

Интерес Белинского к историческому прошлому был неразрывно связан с его борьбой против врагов революционной демократии, с его стремлением уяснить перспективы развития своей страны в целях определения задач освободительного движения в России.

Белинский, обладая обширной эрудицией, был на высоте исторических знаний своего времени. Он самостоятельно изучал, ставил и решал коренные вопросы всеобщей и отечественной истории. В беспощадной борьбе с реакционными славянофильскими и либерально-буржуазными космополитическими «теориями» Белинский заложил основы революционно-демократического понимания истории. Он выступил как носитель новых, передовых идей и теорий, отвечавших запросам передовых сил общества и обосновывавших революционную борьбу за коренные интересы русского народа. Он выдвинул и разработал ряд важнейших вопросов истории, внеся тем самым ценный вклад в развитие революционной исторической мысли в России.

Исторические взгляды Белинского обогащались и развивались в соответствии с его общей идейной эволюцией. По мере углубления его социально-политических воззрений он шире и глубже понимал задачи исторической науки, более проницательно раскрывал закономерности исторического процесса и обогащал свои взгляды по важнейшим проблемам всеобщей и русской истории.

Белинский внимательно и критически изучал политический опыт и уроки революционной борьбы народов Западной Европы. Он с гениальной проницательностью

разглядел различие между буржуазией, идущей к власти, и буржуазией торжествующей и гневно разоблачал пороки и антинародный характер буржуазного строя.

С исключительным историческим чутьём и проницательностью Белинский угадывал особенности той всемирно-исторической эпохи, которая, по определению В. И. Ленина, была эпохой, «когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела»[1]. Белинский, однако, не мог видеть и не видел решающей стороны этого всемирно-исторического процесса — рождения новой общественной силы — класса пролетариата, который, закалившись в огне революционной борьбы, превращается в могильщика буржуазии и строя наёмного рабства.

Белинский всесторонне обосновал свои взгляды по вопросам истории России, отметив в 40-х годах XIX в. как принципиальную общность между русским и западноевропейским историческим процессом, так и своеобразие и особенности исторического развития русского народа. Он беспощадно и последовательно разоблачал космополитическую ложь буржуазных либералов, клеветавших на русский народ, его историю, его культуру. Белинский показал великую прогрессивную роль русского народа в мировой истории, глубоко раскрывал его подлинный духовный облик, с патриотической гордостью писал о его творческой энергии и гениальной одарённости, нашедших великолепное воплощение в передовой русской культуре, занявшей первое место в мире. Русский народ создал такие духовные ценности, которые обогатили человеческую культуру и приобрели огромное и непреходящее мировое значение. Героическая борьба русского народа за свою свободу и независимость, против внутренних угнетателей и иноземных врагов, борьба, в которой формировался, мужал и закалялся его национальный характер, определяла содержание и величие русской культуры. Патриотизм, народность, гуманизм, идейная насыщенность и художественное совершенство — все эти качества, выразившие духовный облик русского народа, выдвинули русскую литературу и русское искусство на первое место

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 18, стр. 10.

в мире. «В области искусства, в творчестве сердца,— писал М. Горький,— русский народ обнаружил изумительную силу, создав при наличии ужаснейших условий прекрасную литературу, удивительную живопись и оригинальную музыку, которой восхищается весь мир. Замкнуты были уста народа, связаны крылья души, но сердце его родило десятки художников слова, звуков, красок.

Гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России, а рядом с ним волшебник Глинка и прекрасный Брюллов; беспощадный к себе и людям Гоголь, тоскующий Лермонтов, грустный Тургенев, гневный Некрасов... Радостно, до безумной гордости волнует не только обилие талантов, рождённых Россией в XIX веке, но и поражающее разнообразие их... Мы имеем право гордиться разнообразием фантастически прекрасного горения русской души, и да укрепит оно нашу веру в духовную мощь страны» [1]. Белинский считал, что таких писателей, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, может породить лишь народ, призванный играть в судьбах человечества всемирно-историческую роль.

Исторические взгляды Белинского были проникнуты духом подлинного патриотизма, и именно поэтому они сыграли большую роль в воспитании новых поколений деятелей русского освободительного движения. Вождь русской революционной демократии 50—60-х годов XIX в. Н. Г. Чернышевский писал о великом историческом значении деятельности своего учителя — Белинского: «Тысячи людей сделались людьми благодаря ему. Целое поколение воспитано им... Повсюду *он!* Им до сих пор живёт наша литература!» [2]. Белинский, как Чернышевский и Добролюбов, является славой и гордостью великого русского народа, он боевой и верный друг советских людей в их борьбе за расцвет великой культуры социализма, за торжество коммунистических идеалов.

Передовые взгляды и идеи Белинского оказали плодотворное влияние на последующее развитие революционно-демократической исторической мысли в России. Они легли в основу исторических взглядов его великих преемников — Чернышевского и Добролюбова.

---

[1] «О Родине», Сборник, 1944, стр. 34.

[2] *Н. Г. Чернышевский,* Соч., т. III, стр. 677, 678.

Чернышевский и Добролюбов восприняли указание Белинского об изучении творческой роли народных масс в истории как важнейшую задачу исторической науки, они разделяли его требование о выходе за узкие пределы политической истории.

Чернышевский и Добролюбов, развивая и обогащая революционно-демократическое понимание истории, опирались на выводы Белинского относительно признания объективной закономерности исторического процесса, его прогрессивности и противоречивости.

Чернышевский и Добролюбов, как и Белинский, сосредоточивали своё внимание на изучении переломных и революционных периодов в истории человечества. Их сочувствие было всегда на стороне трудящихся масс, они обличали пороки буржуазного общества и развенчивали буржуазное государство.

Чернышевский и Добролюбов вслед за Белинским вели борьбу против академизма и объективизма в исторической науке, они требовали освещения вопросов истории с позиций защиты интересов народных масс, были сторонниками партийности в науке, понимаемой в духе революционного демократизма. Эта черта с особенной силой выявилась в борьбе великих русских революционеров-демократов с лженаучными и реакционными «теориями» дворянских и буржуазных историков. В этой борьбе Чернышевский и Добролюбов были прямыми продолжателями дела Белинского.

Однако в силу того, что Чернышевский и Добролюбов выступили в условиях более острой классовой борьбы в России, в условиях более глубокого размежевания общественно-политических лагерей — революционно-демократического и крепостнически-либерального, в том числе и в области историографии, их борьба приобрела более последовательный и теоретически обогащённый характер.

Во времена Белинского русская буржуазная историография ещё не завершила процесса своего формирования. Ко времени Чернышевского и Добролюбова она вполне оформилась, достаточно определённо выявила свои особенности и превратилась в основную враждебную силу для революционных демократов на поприще исторической науки. Но и в борьбе с буржуазной историографией Чернышевский и Добролюбов во многом опирались на традиции Белинского.

Буржуазная историография восприняла от дворянской лженаучную норманскую «теорию». Поэтому для Чернышевского и Добролюбова, опиравшихся на передовые патриотические традиции Ломоносова, Радищева, декабристов и Белинского, оставалась актуальной задача разоблачения её антинаучного и антипатриотического характера. Буржуазная историография вслед за дворянской продолжала игнорировать роль народных масс в истории, превознося роль эксплуататорского государства. И в борьбе с этими извращениями Чернышевский и Добролюбов опирались на традиции Белинского.

Чернышевский и Добролюбов, как и Белинский, подчёркивали решающее значение героизма, стойкости и самоотверженности народных масс в борьбе с татарским игом, польско-шведскими интервентами в начале XVII в., наполеоновским нашествием. Они с патриотической гордостью указывали, что русский народ спасал не только свою национальную самостоятельность, но и обеспечивал независимость народам Западной Европы. Вслед за Белинским они оценивали борьбу народных масс против своих угнетателей внутри страны — бояр и помещиков, как выражение социального протеста и революционных стремлений трудящихся.

Во времена Чернышевского и Добролюбова ещё большую политическую остроту приобрело изучение проблемы петровских преобразований В борьбе с либералами, распространявшими реформистские иллюзии накануне и в ходе буржуазных преобразований в России 60-х годов XIX в., Чернышевский и Добролюбов, опираясь на выводы Белинского последних лет его жизни, с ещё большей остротой и определённостью боролись против идеализации петровских преобразований как исторического образца для решения новых коренных вопросов русской общественной жизни.

Чернышевский и Добролюбов, как и Белинский, разоблачали преклонение господствующих классов перед иностранщиной в послепетровский период истории России. Они, как и их великий предшественник, гордились успехами русского народа в развитии национальной культуры.

Чернышевский и Добролюбов высоко ценили вклад великого русского народа в сокровищницу мировой культуры. Продолжая традиции Белинского на поприще лите-

ратурной критики, они вооружали передовую русскую литературу высокой идейностью, утверждали в ней принципы народности и реализма, определившие её всемирно-историческое значение.

Чернышевский и Добролюбов обогатили и развили исторические взгляды Белинского, разработали ряд новых, поставленных общественной жизнью и развитием русской историографии исторических проблем, завершая тем самым начатое их предшественником дело создания революционно-демократической исторической концепции. Но и они, подобно Белинскому, вследствие цензурных преследований оказались лишёнными возможности дать развёрнутую оценку народных выступлений и развития русского освободительного движения.

Заслуга первоначального систематического освещения истории освободительного движения в России принадлежит А. И. Герцену и Н. П. Огарёву. На страницах изданий Вольной русской типографии они впервые начали разработку истории русского революционного движения, оценили деятельность А. Н. Радищева, декабристов и самого Белинского. В этом прежде всего выразился вклад Герцена и Огарёва в развитие русской революционной исторической мысли.

Чернышевский и Добролюбов, как и Белинский, считали историческую науку действенным общественно-политическим оружием, использовали её для обоснования своей революционной политической программы, видели в ней источник революционного исторического оптимизма. В изучении истории Чернышевский и Добролюбов черпали непоколебимую уверенность в торжестве демократических и социалистических идеалов, веру в неизбежность поражения сил реакции и победы народной революции. Передовую, демократическую историческую науку они рассматривали как мощное средство воспитания патриотизма и пробуждения политической сознательности народных масс, в которых все великие русские революционные демократы видели силу, призванную уничтожить прогнивший самодержавно-крепостнический строй в России и осуществить последовательную демократизацию страны.

Вся общественно-литературная деятельность Белинского, в которой видное место занимала пропаганда передовых исторических взглядов, по меткому и образному

выражению великого русского революционно-демократического писателя Салтыкова-Щедрина, была «школой идей», в которой воспитывалась, росла и мужала могучая и славная когорта русских революционеров-разночинцев. Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинин высоко оценил революционную деятельность Белинского. «Школа Белинского,— говорил он,— это почётная школа» [1]. «Вряд ли кто-либо ещё в истории русской литературы и публицистики так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов» [2].

Чернышевский и Добролюбов вслед за своим учителем Белинским придавали важное политическое значение пропаганде своих исторических воззрений и борьбе с враждебными историческими «теориями», служившими интересам эксплуататорских классов. Эту пропаганду они, преодолевая цензурные преграды, настойчиво осуществляли в своих произведениях на протяжении многих лет, революционизируя умы передовой молодёжи.

Прогрессивные исторические идеи великого русского революционера-демократа и патриота Белинского оказались, таким образом, действенными и жизненными. Он выступил основоположником революционно-демократического направления в русской историографии. Его глубокие и содержательные исторические воззрения легли в основу революционно-демократической исторической концепции, развитой и разработанной далее Чернышевским и Добролюбовым.

Передовые исторические воззрения Белинского не утратили своей актуальности и для нашего времени. Гневное обличение Белинским пороков эксплуататорского строя, его непоколебимая уверенность в неодолимости исторического прогресса, который приведёт к торжеству социалистических отношений, глубокое указание на решающую роль народных масс в истории, исторический

---

[1] *М. И. Калинин,* О задачах советской интеллигенции, Госполитиздат, 1939, стр. 59.

[2] *М. И. Калинин,* О коммунистическом воспитании, М. 1946, стр. 220.

оптимизм, пламенный революционный патриотизм и непримиримая враждебность великого русского революционного демократа к национализму и космополитизму имеют жизненное значение и в наши дни. Все эти черты исторических воззрений гениального мыслителя-революционера используются советской наукой в борьбе против разлагающейся буржуазной идеологии, в частности для разоблачения реакционных концепций нынешних зарубежных буржуазных историков, которые фальсифицируют прошлое в угоду интересам американских империалистов, возглавляющих лагерь реакции и поджигателей войны.

Исторические взгляды великих русских революционных демократов развивались в направлении к историческому материализму. В. И. Ленин указывал на то, что «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» [1]. Это ценнейшее указание В. И. Ленина вполне может быть отнесено к Белинскому, а также к Чернышевскому и Добролюбову.

В период, когда великий Ленин закладывал идеологические основы большевизма, он писал: «...*Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» [2].

Великие русские революционеры-демократы своей борьбой с дворянско-буржуазной идеологией, разоблачением антинаучных «теорий» и концепций дворянских и буржуазных историков, пропагандой своих передовых исторических теорий много сделали в идейной расчистке почвы в России для утверждения исторического материализма — методологической основы марксистско-ленинской исторической науки.

Великая заслуга Белинского и Герцена, Чернышевского и Добролюбова в развитии передовой русской исто-

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т 18, стр. 10

[2] *В. И. Ленин,* Соч., т. 5, стр. 342.

рической науки заключается в том, что и в этой области теоретических исканий они являются предшественниками русской социал-демократии. Русская революционная историческая мысль далеко превзошла официальную историческую науку на Западе. Исторические воззрения русских революционных демократов по своей теоретической глубине и идейному содержанию стояли, как отмечал Энгельс в 1884 г., бесконечно выше буржуазной исторической науки в Германии и Франции. Исторические взгляды русских революционных демократов были вершиной домарксовой историографии. Белинский, закладывая основы революционно-демократического направления в исторической науке, опирался на солидную традицию передовой русской исторической мысли. В период, когда Маркс и Энгельс совершали революционный переворот в общественных науках и создавали основы научного мировоззрения, русский народ выдвинул в лице Белинского гигантскую фигуру революционного мыслителя.

Разработка и пропаганда передовых исторических воззрений, борьба Белинского и его преемников против дворянско-буржуазной науки подготовляли торжество марксистско-ленинской исторической науки и тем самым сыграли огромную всемирно-историческую роль в развитии общественных наук.

Однако революционно-демократическая концепция истории коренным образом отличается от единственно и до конца научного, материалистического марксистско-ленинского понимания исторического процесса.

Революционно-демократическая идеология была идеологией крестьянской революции, а не пролетарской, социалистической. Этим была обусловлена её ограниченность, нашедшая своё выражение в различных вопросах, в понимании истории в особенности.

Революционные демократы, высказав ряд гениальных материалистических догадок, не могли, однако, в силу отсталости общественно-экономического и политического строя России 40—60-х годов XIX в. подняться до понимания действительной, материальной основы общественного развития и выработать подлинно материалистическое, научное понимание истории. Они не видели того, что объективной основой исторической закономерности является смена общественно-экономических формаций,

не были способны дать материалистическое объяснение происхождения классов и обоснование научной теории классовой борьбы, не поняли всемирно-исторической роли пролетариата как гегемона в борьбе трудящихся за уничтожение всех форм эксплуатации, как последовательного борца за социалистическое общество.

В результате этой ограниченности взглядов революционных демократов они и в толковании конкретных исторических проблем допускали существенные ошибки. При анализе исторических взглядов Белинского мы указали на главнейшие из них — идеалистическую трактовку происхождения классов и государства, отрицание классовой борьбы в допетровской России, неверную постановку вопроса о происхождении крепостного права, непонимание классовой сущности реформ Петра I и др.

Поэтому при всей содержательности и глубине исторических взглядов Белинского, при наличии в них научно-материалистических тенденций и неизмеримом превосходстве над дворянско-буржуазной историографией они оставались в своей основе идеалистическими.

Действительные законы истории были впервые раскрыты идеологами революционного пролетариата — К. Марксом и Ф. Энгельсом, разработавшими подлинно научную теорию общественного развития — исторический материализм и осуществившими тем самым революционный переворот в науке о развитии общества.

«Марксизм,— писал В. И. Ленин,— указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил».

Только марксизм-ленинизм указывает «путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» [1].

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 21, стр. 40, 41.

Великие корифеи передовой науки Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин создали такую науку об истории общества, которая, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, стала точной наукой, «способной использовать законы развития общества для практического применения» [1].

Советская историческая наука, созданная В. И. Лениным и И. В. Сталиным, развивается на прочной основе марксистско-ленинской методологии.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, определивший задачи партии в период постепенного перехода от социализма к коммунизму, большое внимание уделил вопросам дальнейшего подъёма всей идеологической работы и развития советской науки. Решениями съезда партии наша историческая наука призвана активно участвовать в воспитании трудящихся в духе советского патриотизма и дружбы народов, в борьбе советского народа за построение коммунизма. Важнейшей задачей советской исторической науки является усиление борьбы с реакционной буржуазной лженаукой и всяческими проявлениями чуждой марксизму идеологии.

Гениальное произведение И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», его историческая речь на XIX съезде партии, представляющие собой программные документы коммунизма и вершину марксистско-ленинской теоретической мысли, поднимают всю советскую науку, в том числе и историческую, на новую, более высокую ступень. Сталинские произведения обогащают нашу историческую науку, способствуют преодолению недостатков, которые имеют место в области изучения истории, раскрывают перед советскими историками широкие перспективы творческой работы во всех областях исторической науки.

Изучение передовых традиций русской исторической науки на основе указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина является одной из важных задач советской историографии. В. И. Ленин указывал, что в каждой национальной культуре имеются элементы демократической и социалистической культуры, «ибо в *каждой* нации есть трудя-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 109.

щаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»[1]. Советская культура развивается и обогащается на основе мудрого учения Ленина и Сталина, критически используя при этом передовое культурное наследство народов Советского Союза и в первую очередь великого русского народа.

Только с марксистско-ленинских методологических позиций может быть успешно решена важная задача создания подлинно научной истории русской исторической науки и в особенности революционно-демократического направления, начало которому было положено Белинским.

Советские историки творчески и критически используют богатое наследие русской революционно-демократической исторической мысли для развития самой передовой марксистско-ленинской исторической науки, достойной великой сталинской эпохи и могучего советского народа — строителя коммунистического общества, возглавляющего лагерь мира, демократии и социализма во всём мире.

---

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 20, стр. 8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редакторы *А. Мерзон* и *М. Хейфец*
Переплёт художника *А. Некунде*
Ответственные корректоры *В. Флексер, А. Левина*
Технический редактор *А. Данилина*

Подписано в печать 29 ноября 1952 года. Тираж 50 000 экз. А07340. Бумага 82×108¹/₃₂.
4 бум. л., 13,12 печ. л., 13 уч.-изд. л. Заказ № 3758. Цена 4 р. 55 к.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР. Москва, Валовая, 28.